

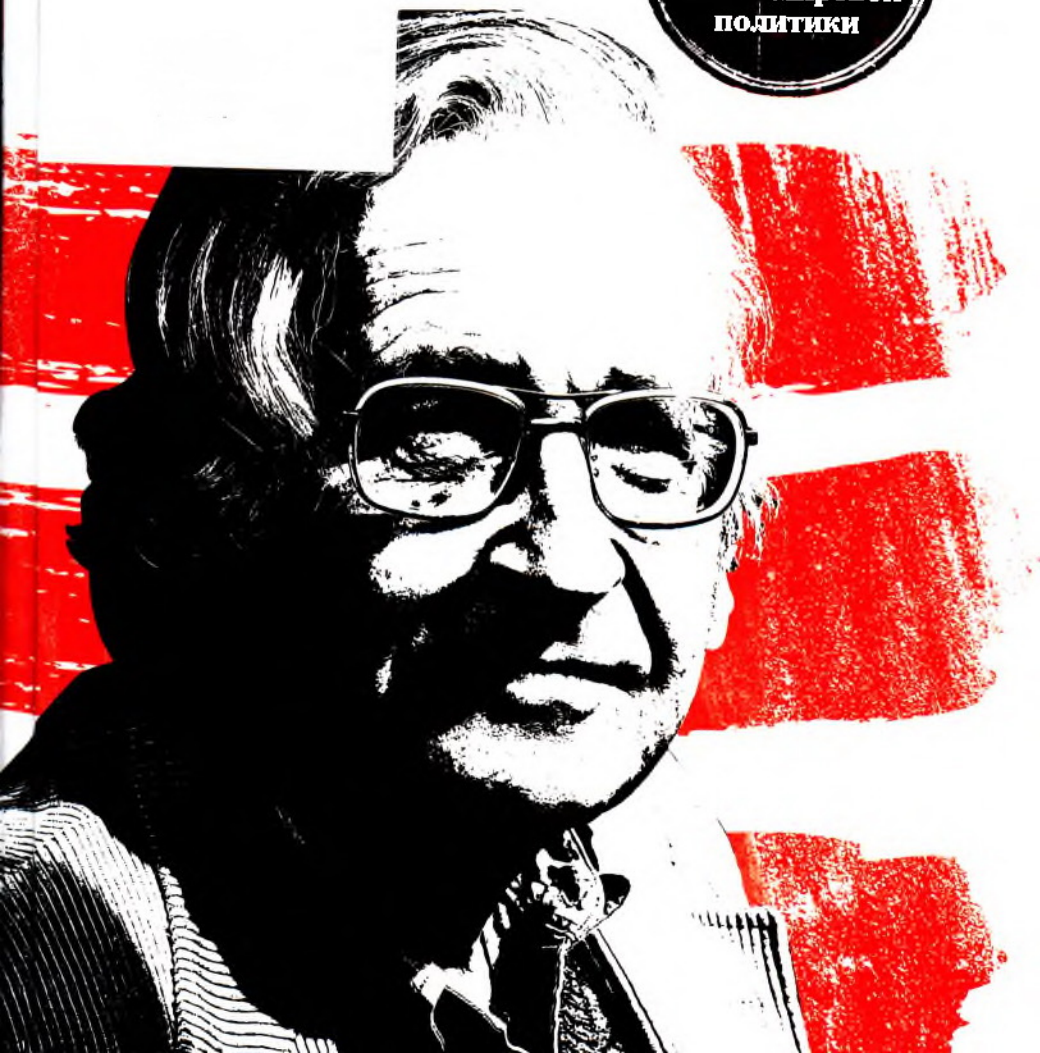
Пожалуй, самый значимый интеллеktуал из ныне живущих.

The New York Times

Ноам Хомский

Оптимизм
вопреки
отчаянию

ЛУЧШИЕ
ИНТЕРВЬЮ
По самым
актуальным
темам мировой
политики

Книга интервью с Ноамом Хомским – необходимое чтение в эти тревожные времена.

Дипа Кумар «Исламофобия и политика империи»

Если вы еще не читали Хомского, эта книга откроет вам глаза. А если даже и читали, то эта книга даст вам понять, что глаза можно открыть еще шире.

Ха-Джун Чанг (Кембриджский университет)

«Плохие самаритяне. 23 вещи, которые вам не рассказывают про капитализм и экономику»

Эта захватывающая серия интервью охватывает множество фундаментальных и неотложных проблем общественного значения и вновь показывает, что Ноам Хомский – самый гуманный, философски утонченный и эрудированный публичный интеллигент.

Ричард Фальк, профессор Принстонского университета

Эта книга – сборник интервью выдающегося американского лингвиста, политического философа и публициста Ноама Хомского. В беседах поднимаются самые острые вопросы мировой политики последних нескольких лет, включая миграционный кризис, борьбу с терроризмом, проблемы Евросоюза, дефекты избирательной системы в США и т. д. Острый ум и проницательность автора принесли ему мировое признание и репутацию одного из самых влиятельных интеллектуалов современности.

9 785386 106799

ISBN 978-5-386-10679-9

РИПОД
классик

Ноам Хомский

Оптимизм
вопреки
отчаянию

Москва

Noam Chomsky

Optimism over despair

On Capitalism, Empire,
and Social Change
Interviews by C. J. Polychroniou

УДК 32
ББК 66.2
Х76

Перевод с английского Д. С. Дамте

Хомский, Ноам

Х76 Оптимизм вопреки отчаянию / Ноам Хомский ; [пер. с англ. Д. С. Дамте]. — М. : РИПОЛ классик, 2018. — 288 с. — (Авторская серия Ноама Хомского).

ISBN 978-5-386-10679-9

Эта книга — сборник интервью выдающегося американского лингвиста, политического философа и публициста Ноама Хомского. В беседах поднимаются самые острые вопросы мировой политики последних нескольких лет, включая миграционный кризис, борьбу с терроризмом, проблемы Евросоюза, дефекты избирательной системы в США и т. д. Острый ум и пронизательность автора принесли ему мировое признание и репутацию одного из самых влиятельных интеллектуалов современности.

УДК 32
ББК 66.2

Copyright © 2017 Noam Chomsky
and C. J. Polychroniou All rights reserved.
© Дамте Д. С., перевод на русский
язык, 2017
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.
ООО Группа Компаний «РИПОЛ
классик», 2018

ISBN 978-5-386-10679-9

Содержание

Ноам Хомский об упадке американского общества и мире в переходном состоянии	7
Ужас не поддается описанию: Ноам Хомский о последнем этапе войны с террором	28
Империя Хаоса: интервью с Ноамом Хомским . . .	44
Глобальная борьба за доминирование: Ноам Хомский об ИГИЛ, НАТО и России . . .	52
Крах европейской интеграции?	66
Запреты буркини, новый атеизм и культ государства: Ноам Хомский о религии в политике	79
Конструируя образ «вечного мира»: интервью с Ноамом Хомским	94
Хомский: Все это хорошо для богатых и обладающих властью	116
Может ли выжить цивилизация «реально существующего капитализма»?	129
Ноам Хомский: республиканская база «вне контроля»	145

Ноам Хомский: выборы 2016 ставят нас перед угрозой «полной катастрофы»	155
Глобальное потепление и будущее человечества	168
Наследие администрации Обамы: интервью с Ноамом Хомским	176
Трамп в Белом доме: интервью с Ноамом Хомским	191
Социализм для богатых, капитализм для бедных: интервью с Ноамом Хомским	212
Ноам Хомский об опасностях на рынке образования	223
Об эволюции языка: биолингвистическая перспектива	232
Ноам Хомский об анархизме, коммунизме и революции	250
США готовы к социализму?	263
Почему я выбираю оптимизм вопреки отчаянию	273

Ноам Хомский об упадке американского общества и мире в переходном состоянии

*(Первоначально опубликовано в Truthout
12 июня 2016 года)*

С. Д. Полихрониу: Ноам, вы говорили, что подъем Дональда Трампа во многом связан с упадком американского общества. Что именно вы имеете в виду?

Ноам Хомский: Государственно-корпоративные программы последних 35 лет (или около того) имели катастрофические последствия для большинства населения: стагнация, спад и резкое усиление неравенства являются их непосредственными результатами. Это вызвало страх и заставило людей почувствовать себя одинокими, беспомощными жертвами могущественных сил, которых они не могут понять и на которые они не имеют влияния. Упадок вызван не экономическими причинами. Это политика, своего рода классовая война, инициированная богатыми и влиятельными против работающего населения и бедных. Именно это ха-

рактарно для неолібэралізма нашэго врэмені не толькі ў США, но і ў Еўропе, павсюду. Трамп прывлекатэлен для тэх, хто вядзіт і перажывае упадак амерыканскага ааьства. Глубокае чувства гнева, страху, ааьчаяннн, бэзнадэжнасці, вераоятно, срэды слоэв насэленнн, в каторых ааьзначаеся рост смэртнасці неаьто невообразимое в мирное время.

С. Д. П.: Классовая борьба остается столь же порочной и односторонней, как и всегда. Неолиберальное правительство за последние тридцать лет, независимо от того, была ли администрация республиканской или демократической, значительно усилило процессы эксплуатации и породило еще большую пропасть между имущими и неимущими в американском обществе. Более того, я не вижу ослабления неолиберальной классовой политики, несмотря на возможности, которые открылись из-за последнего финансового кризиса при наличии центристских демократов в Белом доме.

Н. Х.: Бизнес, который во многом управляет страной, имеет в высшей степени классовое сознание. Не будет искажением, если мы, подобно вульгарным марксистам, скажем, что у него нет ценностей и обязательств. Этого не было 30 лет назад, когда глава самого мощного профсоюза признавал и критиковал «одностороннюю классовую войну», которая неустанно ведется в мире бизнеса. Они преуспели в достижении результатов, которые Вы описываете. Итак, неолибе-

ральная политика в руинах. Они пришли, чтобы подорвать власть самых могущественных и привилегированных (которые только частично приняли их, в первую очередь для себя), поэтому сами не могут быть устойчивыми.

Поразительно наблюдать за тем, как политики, богатые и влиятельные люди, действуют в полном противоречии с тем, что они требуют от слабых и бедных. Так, когда в Индонезии разразился глубокий финансовый кризис, по поручению Министерства финансов США (через МВФ) от нее потребовали погасить долг (перед Западом), чтобы поднять процентные ставки и тем самым замедлить экономику, приватизировать (так что западные корпорации могут выкупить свои активы) и все прочее в духе неолиберальных догм. А сами забывают о долгах, снижают процентные ставки до нуля, национализируют (не используя этого слова) и скрывают государственные средства в финансовых учреждениях и так далее. Примечательно также, что этот резкий контраст остается незамеченным и вместе с тем соотносится с экономической историей последних веков, являясь основной причиной для разделения первого и третьего миров.

До сих пор классовая политика подвергалась лишь незначительным нападкам. Администрация Обамы не предприняла даже минимальных шагов, чтобы положить ей конец и обратить вспять наступление на проф-

союзы. Обама даже косвенно заявил о своей его (наступления. — *Пер.*) поддержке интересным способом. Стоит напомнить, что во время своего первого путешествия он, чтобы показать свою солидарность с трудящимися (так называемый средний класс в США — это риторика), был на заводе Caterpillar в Иллинойсе. Он отправился туда вопреки призывам церкви и правозащитных организаций, вызванным гротескной ролью этой компании на оккупированных Израилем территориях, где она является основным инструментом опустошения земель и поселений «неверных людей». Но, похоже, незаметно, с принятием антирабочей стратегии Рейгана, компания Caterpillar стала первой промышленной корпорацией поколения, сломившей мощный профсоюз, используя штрейкбрехеров, полностью пренебрегая международными конвенциями по труду. США — единственное государство индустриального мира, где, подобно Южной Африке времен апартеида, существуют бок о бок такие нарушения прав трудящихся и демократия, и теперь я даже думаю, что в этом США одиноки. Сложно поверить, что подобный выбор был случаен.

С. Д. П.: Существует распространенное мнение, по крайней мере среди некоторых известных политических стратегов, что проблемы не предопределяют исход американских выборов, даже если риторикой является то, что кандидаты должны знать общественное мнение,

чтобы добиться голосов, и мы знаем, конечно, что СМИ или предоставляют ложную информацию по важнейшим проблемам (взять роль СМИ до и во время начала войны в Ираке), или не предоставляют вообще никакой информации (по трудовым вопросам, например). Тем не менее есть убедительные доказательства, свидетельствующие, что американскую общественность волнуют проблемы социальной, экономической и внешней политики, стоящие перед страной. Например, по данным исследования, проведенного несколько лет назад в Университете Миннесоты, американцы отнесли здравоохранение к числу наиболее важных проблем страны. Мы также знаем, что подавляющее большинство американцев выступает в поддержку профсоюзов. Или что они считают войну против террора полностью провальной. В свете всего этого каков лучший способ понять отношения СМИ, политики и общественности в современном американском обществе?

Н. Х.: Хорошо известно, что избирательные кампании построены так, чтобы изолировать проблемы и сосредоточиться на личности, стиле речи, языке тела и т. д. И на это есть веские причины. Руководители партии читают соцопросы и прекрасно понимают, что по целому ряду важных вопросов обе стороны находятся правее населения, и это неудивительно, ведь, в конце концов, они бизнес-партии. Опросы показывают, что подавляющее большинство выбирает объективно,

но этот выбор им предлагается в управляемой бизнесом избирательной системе, где лучше финансируемый кандидат почти всегда выигрывает.

Аналогичным образом потребители могли бы предпочесть достойный общественный транспорт вместо выбора между двумя автомобилями, но такой вариант не предоставляется рекламодателями — вот уж и правда рынок. Реклама на телевидении не дает информацию о продукции, скорее она создает иллюзии и образы. Те же PR-агентства, которые стремятся ослабить рынки, уверяя, что неосведомленные потребители делают неправильный выбор (в отличие от абстрактных экономических теорий), таким же образом стремятся подорвать демократию. И менеджеры хорошо осведомлены обо всем этом. Ведущие фигуры индустрии уже ликовали в деловой прессе по поводу того, что у них со времен Рейгана существует маркетинг кандидатов, подобно товарам, и его большой успех, который они предсказывают, станет моделью для руководителей компаний и маркетинга будущего.

Вы упомянули опрос в Университете Миннесоты, касающийся здравоохранения. Это типично. На протяжении десятилетий опросы показывают, что здравоохранение находится на или вблизи верхней части общественных проблем, что неудивительно, учитывая катастрофические неудачи системы здравоохранения, притом что расходы на душу населения вдвое больше,

чем в сопоставимых государствах, а результаты — одни из самых худших. Опросы неизменно показывают, что подавляющее большинство хочет национализировать систему так называемого единого плательщика вместо существующей системы медицинской помощи для пожилых людей, гораздо более эффективной, чем приватизированная система или введенная Обамой. Когда об этом (крайне редко) упоминают, то при этом добавляют, что это «политически невозможно» или для этого «не хватает политической поддержки», имея в виду страхование, фармацевтическую промышленность и остальных, кто извлекает выгоду из существующей системы. Мы получили интересный взгляд на американскую демократию, когда в 2008 году, в отличие от 2004-го, от демократических кандидатов сначала Эдвардс, а потом Клинтон и Обама выступили с предложениями, которые, по крайней мере, начали приближаться к тому, чего общество хотело на протяжении десятилетий. Почему? Не потому, что произошел сдвиг в общественных настроениях, которые остались неизменными. Скорее потому, что обрабатывающая промышленность страдает от дорогостоящей и неэффективной приватизированной системы здравоохранения и огромных полномочий, предоставленных законом фармацевтической промышленности. Когда крупный сектор, в котором сосредоточен капитал, выступает за какую-либо программу, она становится «политически

возможной» и обретает «политическую поддержку». Вот так, сами раскрывая факты, они этого не заметили.

Примерно то же самое и по многим другим вопросам, внутренним и международным.

С. Д. П.: Экономика США сталкивается со множеством проблем, хотя прибыль богатых граждан и корпораций давно вернулась к тем же объемам, которые были до начала финансового кризиса 2008 года. Но единственной проблемой, на которой, по-видимому, как на самой острой сконцентрировано внимание большинства академических и финансовых аналитиков, является государственный долг. Согласно общепринятым оценкам аналитиков, долг США уже вышел из-под контроля, и это является причиной того, почему они постоянно выступали против крупных пакетов мер экономического стимулирования, призванных стимулировать экономический рост, утверждая, что такие меры будут только загонять нас еще глубже в долги. Каково будет вероятное воздействие от того, что раздувание задолженности ударит по американской экономике и по доверию международных инвесторов в случае нового финансового кризиса?

Н. Х.: Никто толком не знает. Долг был намного выше в прошлом, особенно после Второй мировой войны. Но он был преодолен благодаря заметному экономическому росту полугомандной экономики военного времени. Поэтому мы знаем, что, если государственные

меры дают устойчивый экономический рост, долг может быть контролируемым. Есть и другие способы, такие как инфляция. Но в остальном очень много догадок. Основные источники финансирования, в первую очередь Китай, Япония, страны — производители нефти, возможно, решат перевести свои средства в другое место для получения более высокой прибыли. Но признаков такого развития событий немного, и они не слишком вероятны. Спонсоры заинтересованы в поддержании стабильной экономики США для их собственного экспорта. Невозможно сделать точные прогнозы, но очевидно, что весь мир, мягко говоря, находится в достаточно затруднительном положении.

С. Д. П.: Кажется, вы, в отличие от многих других, полагаете, что США остаются глобальной экономической, политической и военной сверхдержавой даже после последнего кризиса, и у меня такое же впечатление. Остальные страны мира не только не имеют возможности бросить вызов гегемонии Америки, но и смотрят на нее как на спасителя мировой экономики. В чем вы видите конкурентные преимущества нашего капитализма перед экономикой ЕС и стран с формирующейся рыночной экономикой в Азии?

Н. Х.: В 2007—2008 годах финансовый кризис начался в США, но основные конкуренты — Европа и Япония — в итоге пострадали сильнее, и США остались местом для инвесторов, которые ищут безопасно-

сти во время кризиса. Наши преимущества являются существенными. США имеют обширные внутренние ресурсы. Это единственный важный сам по себе факт. До Гражданской войны 1860-х годов словосочетание «Соединенные Штаты Америки» употреблялось во множественном числе (как по сей день в европейских языках). Но с тех пор это словосочетание стало употребляться в единственном числе (в стандартном английском языке). Политика сосредоточения в Вашингтоне государственной власти и капитала распространяется на всю страну. Гораздо сложнее сделать это в Европе. Через пару лет после того, как разразился последний мировой финансовый кризис, специальная группа Европейской комиссии опубликовала доклад с заявлением, что «Европа нуждается в новых органах по контролю за системными рисками и координации надзора за финансовыми институтами на всей территории региона», хотя спецгруппа, которую возглавлял тогда в прошлом представитель французского центробанка, «не успела предложить единого европейского регулятора», который был бы постоянно в распоряжении США. Для Европы это «почти невыполнимая миссия», заявил лидер целевой группы. Некоторые аналитики, включая Financial Times, описали такую цель как политически невозможную, «слишком далекую от интересов многих государств-членов, вынужденно уступивших свои полномочия в этой обла-

сти». Есть много других преимуществ единства. Некоторые из вредных последствий европейской неспособности координировать реакцию на кризис широко обсуждались европейскими экономистами.

Исторические корни этих различий между Европой и США известны. Вековые конфликты в период становления национальных государств в Европе и опыт Второй мировой войны убедили европейцев, что они должны отказаться от своего традиционного спорта и прекратить убивать друг друга, потому что следующая попытка будет последней. Поэтому мы имеем то, что политологи любят называть «демократическим миром», хотя не очевидно, что все это имеет нечто общее с демократией. В отличие от них США являются государством переселенцев и колониалистов, которые, убивая коренное население и обрекая оставшихся на «резервацию», покорили половину Мексики, а затем вышли за ее пределы. Гораздо большее, чем в Европе богатство внутреннего разнообразия было разрушено. Укрепление центральной власти и единообразия после Гражданской войны затронуло и другие сферы. В результате — национальный язык, культурные традиции, обширные государственно-корпоративные проекты социальной инженерии, такие как субурбанизация общества, массивные субсидии центра в передовые отрасли научных исследований и разработок, закупки и машины и многое другое.

Новые развивающиеся экономики Азии сталкиваются с невероятными внутренними проблемами, неизвестными на Западе. Мы знаем больше об Индии, чем о Китае, потому что это более открытое общество. Есть причины, почему она занимает 130-е место по индексу развития человеческого потенциала (о том, где он был до частичных неолиберальных реформ); Китай занимает 90-е, и его позиции могли бы быть хуже, если бы мы больше знали о нем. Все это лежит на поверхности. В XVIII веке Китай и Индия были торговыми и промышленными центрами мира, с современными рыночными системами, высоким уровнем здоровья [населения] (по сравнению с другими странами) и так далее. Но имперские завоевания и экономическая политика (государственное вмешательство в дела богатых и свободные рынки, задавившие бедных) оставили их в ужасном состоянии. Примечательно, что единственной развивавшейся страной [глобального] «Юга» была Япония, которая не была колонизирована. Эта корреляция не случайна.

С. Д. П.: США по-прежнему командует МВФ?

Н. Х.: Он* непрозрачен, но моя мысль заключается в том, что среди экономистов МВФ должно быть по возможности некоторое количество независимых от политики людей. В случае с Грецией — и стратегией жесткой экономии в целом — экономисты фонда вы-

* МВФ. — *Примеч. пер.*

ступили с резкой критикой программ Брюсселя, но политики, похоже, игнорируют их.

С. Д. П.: На внешнеполитическом фронте «война с террором» кажется вечно длящейся кампанией, подобной борьбе с гидрой, у которой появляется новая голова, едва отрезана старая. Помогут ли массированные силовые интервенции уничтожить террористические организации, такие как ИГИЛ*?

Н. Х.: Вступив в должность, Обама расширил военное вмешательство и активизировал войну в Афганистане и Пакистане, как он и обещал. Там были мирные варианты, иногда рекомендуемые авторитетными экспертами в *Foreign Affairs*** , например. Но они не были рассмотрены. Первое послание президента Афганистана Хамида Карзая к Обаме, в котором содержалась просьба прекратить бомбежки мирного населения, осталась без ответа. Карзай также сообщил делегации ООН, что хотел бы увидеть график вывода иностранных (в смысле американских) войск. Он сразу же попал в немилость в Вашингтоне и, соответственно, в средствах массовой информации превращается из любимчика в «неблагонадежного», «коррупционера»

* Террористическая организация, запрещенная в России.

** Американский журнал по тематике международных отношений и внешней политики США, выходящий шесть раз в год. Журнал считается наиболее авторитетным в вопросах внешней политики США. — *Примеч. пер.*

и т. д., что было не более справедливо, чем когда он был известен как «наш человек» в Кабуле. Обама направил больше войск и активизировал бомбардировки по обе стороны афгано-пакистанской границы, на линии Дюранда — искусственной границе, созданной англичанами, которая делит пуштунские районы надвое и которую народ никогда не принимал. Афганистан в прошлом часто настаивал на ее уничтожении.

Это является основным компонентом «войны с террором». Это нужно, чтобы стимулировать террор, как и вторжение в Ирак, и как это обычно происходит, когда прибегают к силе. Силой можно добиться успеха. Существование США является подтверждением этого. Русские в Чечне — это другое. Но сила должна быть подавляющей, и, по-видимому, нужно иметь большое число «щупалец», чтобы уничтожить террористического монстра, который был создан во многом благодаря Рейгану и его сподвижникам, а возвращен другими. ИГИЛ — это более новая и гораздо более жесткая организация, чем «Аль-Каида». Она отличается и в том смысле, что имеет территориальные претензии. Она может быть уничтожена массивными атаками войск на земле, но это не означает, что схожие по духу организации больше никогда не возникнут. Насилие порождает насилие.

С. Д. П.: Отношения США с Китаем прошли разные этапы в течение последних нескольких десятиле-

тий, и сложно оценить, каковы они сегодня. Каким вы видите будущее американо-китайских отношений? Будут они лучше или хуже?

Н. Х.: У США с Китаем отношения любви-ненависти. Плачевный уровень заработной платы в Китае, условия труда и отсутствие экологических ограничений являются большим плюсом для США и других западных производителей, которые ведут там свои дела, и для большой промышленности, которая может получать дешевые товары. И США теперь полагаются на Китай, Японию и другие страны, чтобы поддержать собственную экономику. Но Китай также представляет собой проблему. Его нелегко запугать... Когда США, потрясая кулаком, говорят европейцам о необходимости прекратить сотрудничество с Ираном, то последние в основном соглашаются. Китай на это не обращает внимания. Это пугает. У мнимых китайских угроз длинная история. Она продолжается.

С. Д. П.: Вы полагаете, что Китай в состоянии в ближайшее время создать угрозу для глобальных интересов США?

Н. Х.: Среди великих держав Китай наиболее сдержан в применении силы и даже в военных приготовлениях. Настолько, что ведущие стратегические аналитики США (Джон Штейнбруннер и Нэнси Галлахер, пишущие для журнала очень уважаемой американской Академии искусств и наук) несколько лет назад

призвали Китай возглавить коалицию миролюбивых государств, чтобы противостоять агрессивному милитаризму США, который, как они думают, приведет к «окончательной гибели». Существует мало признаков каких-либо существенных изменений в этом отношении. Но Китай не следует предписаниям и предпринимает шаги для того, чтобы получить доступ к энергии и другим ресурсам по всему миру. Это представляет собой угрозу.

С. Д. П.: Индийско-пакистанские отношения явно представляют собой серьезную проблему для внешней политики США. Могут ли США на самом деле держать эту ситуацию под контролем?

Н. Х.: Ограниченно. И ситуация там крайне нестабильна. Имеют место постоянное, непрекращающееся насилие в Кашмире, государственный террор в Индии, пакистанские террористы и многое другое, как показали недавние взрывы в Мумбаи. Есть также и возможные пути снижения напряженности. Один — это газопровод в Индию через Пакистан из Ирана, естественный источник энергии для Индии. Предположительно, решение Вашингтона сорвать договор о нераспространении ядерного оружия путем предоставления Индии доступа к ядерным технологиям было отчасти продиктовано надеждой на подрыв этого плана и присоединение Индии к кампании Вашингтона против Ирана. Сходная проблема может быть

и в Афганистане, где уже давно идет обсуждение газопровода (ТАПИ) из Туркменистана через Афганистан в Пакистан и далее в Индию. Наверное, это не очень актуальный вопрос, но, вполне вероятно, он оказывает влияние в фоновом режиме. «Большая игра» XIX века жива и здорова.

С. Д. П.: Во многих кругах распространено мнение, что израильское лобби побуждает США к агрессивной внешней политике на Ближнем Востоке. Власть израильского лобби настолько сильна, что оно может контролировать действия сверхдержавы?

Н. Х.: Мой друг Гилберт Ачкар, известный специалист по Ближнему Востоку и международным делам в целом, называет эту идею фантазмагорической. Верно. Это лобби не мешает индустрии высоких технологий США расширять свои инвестиции в Израиль и не манипулирует американским правительством, так что все это лишь предлог поставок туда для последующих военных операций США и активизации тесных военных и разведывательных отношений.

Когда цели лобби соответствуют американским стратегическим и экономическим интересам, они, как правило, реализуются: разделение палестинцев или, например, проблема могущества государственных корпораций США. Когда цели расходятся, как это часто бывает, лобби быстро скрывается, зная, что с действующей властью лучше не конфликтовать.

С. Д. П.: Я полностью согласен с вашим анализом, но думаю, вы также согласитесь, что израильское лобби является достаточно влиятельным и имеет экономические и политические рычаги влияния, что критика Израиля до сих пор вызывает истерическую реакцию в США, и это, конечно, было целью правых сионистов на протяжении многих лет. С чем можно было бы связать это незаметное воздействие израильского лобби на американское общественное мнение?

Н. Х.: Все верно, хотя оно намного меньше в последние годы. Это не власть над общественным мнением. Если обратиться к цифрам, то самую большую поддержку действиям Израиля обеспечивают независимые от лобби христианские религиозные фундаменталисты. Британскому и американскому сионизму предшествовало сионистское движение, основывающееся на провиденциалистском толковании библейских пророчеств. Население в целом поддерживает двустороннее урегулирование и, несомненно, знает, что США в одностороннем порядке блокирует его. Среди образованных слоев, в том числе еврейской интеллигенции, было мало интереса к Израилю до большой военной победы 1967 года, которая действительно заложила фундамент американо-израильского альянса. За этим последовали глубокие и тесные отношения с Израилем части образованных классов. Военная мощь Израиля и американо-израильский альянс создали непреодолимое иску-

шение совместить поддержку Вашингтона с уважением власти и претензией на гуманизм... Но с другой стороны, критика преступлений США не стала меньше, а зачастую усилилась. Если я рассматриваю смертельные угрозы, которые появились в последние годы, или мнения на этот счет различных изданий, то Израиль здесь далеко не ведущий фактор. Это явление отнюдь не ограничивается США. Несмотря на самообольщение, Западная Европа не намного отличается, хотя, конечно, она более открыта для критики действий США. Преступления других, как правило, дают возможность порассуждать о глубоких моральных обязательствах.

С. Д. П.: При Эрдогане Турция находится в процессе развертывания новой османской стратегии в отношении Ближнего Востока и Центральной Азии. Это происходит в сотрудничестве с США или в противостоянии им?

Н. Х.: Турция, конечно, имеет очень серьезного союзника в лице США, так что при Клинтоне она стала ведущим получателем американского оружия (после Израиля и Египта, в рамках отдельной категории). Клинтон поставлял оружие в Турцию, чтобы помочь ей провести масштабную кампанию убийств, разрушений и террора против курдского меньшинства. Турция была главным союзником Израиля начиная с 1958 года, частью общего альянса неарабских государств под эгидой США с целью обеспечения контроля над мировыми ис-

точниками энергии, защищая правящих диктаторов от того, что называется радикальным национализмом, — слово-эвфемизм для обозначения населения. Америка-но-турецкие отношения иногда бывали напряженными. Это было особенно заметно, когда США готовились к вторжению в Ирак, а турецкое правительство, подчиняясь воле 95 % населения, отказалось присоединиться к нему. Это вызвало ярость в США. Пол Вулфовиц был отправлен призвать к порядку непокорное правительство, сделать так, чтобы Турция приняла подход США и признала, что ее долг — помочь им. Эти хорошо известные события никак не повлияли на репутацию Вулфовица в либеральных СМИ, которые писали о нем как о «главном идеалисте» администрации Буша, полностью посвятившем себя продвижению демократии. Отношения несколько напряжены и сегодня, несмотря на сотрудничество. У Турции есть вполне естественный потенциал в отношениях с Ираном и Центральной Азией, и она может быть склонна реализовать его, возможно, вновь начав нагнетать напряжение в отношениях с Вашингтоном. Но именно сейчас такое развитие событий маловероятно.

С. Д. П.: Переходя к западному фронту: планы по расширению НАТО на восток, берущие начало в эпоху Билла Клинтона, все еще в силе?

Н. Х.: На мой взгляд, одним из главных преступлений Клинтона было расширение НАТО на восток, на-

рушающее твердое обещание, данное Горбачеву его (Клинтона. — *Прим. пер.*) предшественником после того, как Горбачев пошел на удивительную уступку, позволив объединенной Германии присоединиться к враждебному военному альянсу. Эти очень серьезные провокации продолжились при Буше, что вкуче с позицией агрессивного милитаризма, как и ожидалось, вызвало острую реакцию со стороны России. Американские красные линии уже проходят по границам России.

С. Д. П.: Что вы думаете о ЕС? Он все еще является первопроходцем в части неолиберализма и вряд ли оплотом агрессии США. Не видите ли вы признаков того, что ЕС может явиться в какой-то момент в качестве конструктивного, влиятельного игрока на мировой арене?

Н. Х.: Это возможно. Здесь решение за европейцами. Некоторые выбрали независимую позицию, как, например, де Голль. Но по большому счету европейские элиты предпочли быть пассивными, фактически следуя по стопам Вашингтона.

Ужас не поддается описанию: Ноам Хомский о последнем этапе войны с террором

*(Первоначально опубликовано в Truthout
3 декабря 2016 года)*

С. Д. Полихрониу: Я хотел бы услышать ваши мысли о последних событиях, связанных с войной против терроризма, — политикой, которая восходит ко временам Рейгана и впоследствии превратилась в доктрину [исламофобских] «крестовых походов» Джорджа Буша, совершаемых ценой жизни невинных людей, и имевшей поистине глубокие последствия для международного права и мира во всем мире. Война с терроризмом, кажется, вступает в новую и, возможно, более опасную фазу, когда другие страны вступают в бой с политическими целями и интересами, отличными от США и некоторых их союзников. Во-первых, согласны ли вы с приведенной выше оценкой эволюции войны с терроризмом, и если да, то какими, скорее всего, будут экономические, соци-

альные и политические последствия постоянной глобальной войны с террором, в частности для западных обществ?

Ноам Хомский: Две фазы «войны с террором» отличаются друг от друга, за исключением одного важного момента. Войны Рейгана очень быстро превратились в кровожадные террористические войны — вероятная причина того, почему они «прекратились». Его террористические войны имели ужасные последствия для Центральной Америки, Южной Африки и Ближнего Востока. Центральную Америку — самая непосредственная цель — еще предстоит восстановить. Одна из основных причин ее состояния (редко упоминаемая) — нынешний кризис беженцев. То же касается второго этапа, объявленного Джорджем Бушем 20 лет спустя, в 2001 году. Прямая агрессия привела к разорению крупных регионов, а террор принимал новые формы. В частности, проводимая Обамой кампания глобального уничтожения (террористов. — *Пер.*), которая уже вошла в историю терроризма, как и другие подобные попытки, вероятно, создает подготовленных боевиков быстрее, чем убивает подозреваемых.

Целью войны Буша была «Аль-Каида». Один за другим удары молота — Афганистан, Ирак, Ливия и за их пределами — свидетельствовали об успехах в распространении джихадистского террора из не-

большого племени в Афганистане практически на весь мир, из Западной Африки через Левант и далее в Юго-Восточную Азию. Это одна из историй великих политических триумфов. Между тем «Аль-Каиду» сменили гораздо более жестокие и деструктивные элементы. В настоящее время ИГИЛ («Исламское государство»)* удерживает рекорд по чудовищной жестокости, но и другие «претенденты» на титул не отстают. Динамика этого процесса была исследована в важной работе военного аналитика Эндрю Кокберна, в его книге «Kill Chain». На основании документов он показывает, что, когда вы убиваете одного лидера, не затрагивая корней и причин самого явления, на его место, как правило очень быстро, приходит кто-то более молодой, более сведущий и более жестокий.

Одним из следствий этих достижений является то, что мировое общественное мнение с большим отрывом рассматривает США как самую большую угрозу для мира. Далеко позади, на втором месте, находится Пакистан, опасность которого завышается, вероятно, голосами из Индии. Дальнейшее движение в этом направлении, возможно, даже создаст угрозу полномасштабной войны с озлобленным мусульманским миром, в то время как западные общества подвергнут

* Террористическая организация, запрещенная в России.

сами себя внутренним репрессиям и ограничениям гражданских прав и будут изнывать под бременем огромных затрат, реализуя самые смелые мечты Усамы бен Ладена, а сегодня — ИГИЛ.

С. Д. П.: В США политические дискуссии вокруг «войны с террором», о разнице между явными и тайными операциями практически сошли на нет. Между тем выявление террористических групп и выбор акторов или государств, поддерживающих терроризм, оказываются не только совершенно произвольными, но в некоторых случаях обвиненные поднимают вопрос о том, является ли «война с террором» на самом деле настоящей войной против терроризма или же это лишь ширма для оправдания политики глобальных завоеваний. Например, в то время как «Аль-Каида» и ИГИЛ, несомненно, есть террористические и кровавые организации, тот факт, что союзники США, такие как Саудовская Аравия и Катар, и даже страны — члены НАТО, такие как Турция, активно поддерживают ИГИЛ, либо игнорируется, либо серьезно преуменьшается политиками и основными СМИ США. У вас есть какие-либо комментарии по этому поводу?

Н. Х.: То же самое касается Рейгана и версии «войны с террором» Буша. Для Рейгана это был повод для вмешательства в дела Центральной Америки, которое сальвадорский епископ Ривера-и-Дамас, сменивший убитого архиепископа Оскара Ромеро,

охарактеризовал как «войну на уничтожение и геноцид незащитного гражданского населения». Еще хуже дела обстояли в Гватемале и совсем ужасно — в Гондурасе. Никарагуа была единственной страной, обладавшей армией для защиты от террористов Рейгана; в других странах силами безопасности были террористы.

В Южной Африке «война с террором» послужила предлогом для поддержки агрессии ЮАР у себя дома и в регионе, что имело ужасные последствия. Ведь мы должны были защищать цивилизацию от «одной из наиболее печально известных террористических групп» в мире — от Африканского национального конгресса Нельсона Манделы. Сам Мандела оставался в террористическом списке США до 2008 года. На Ближнем Востоке «война с террором» впоследствии привела к поддержке кровавого вторжения Израиля в Ливан и многому другому. Бушу это дало повод для вторжения в Ирак. И это продолжается.

То, что происходит в Сирии, настолько ужасно, что не поддается описанию. Главная группировка сухопутных войск, противостоящих ИГИЛ, похоже, курды, как и в Ираке, где они находятся в списке террористов США. В обеих странах они являются главным объектом нападения нашего союзника по НАТО Турции, которая также поддерживает отделение «Аль-Каиды» в Сирии — «Фронт ан-Нусра». Последний

едва ли отличается от ИГИЛ, хотя между ними есть конфликт интересов. Турецкая поддержка «Фронта ан-Нусра» так велика, что, когда Пентагон направил против него несколько десятков обученных бойцов, Турция, видимо, предупредила «Фронт ан-Нусра», который мгновенно уничтожил их. Группировка «Фронт ан-Нусра» и тесно связанная с ней «Ахрар аш-Шам» поддерживаются также союзниками США — Саудовской Аравией и Катаром и, по всей видимости, могут получать новейшее оружие от ЦРУ. Сообщается, что они использовали противотанковые ракетные комплексы, поставленные ЦРУ, чтобы нанести серьезное поражение армии Асада, возможно, провоцируя русских на вмешательство. Турция продолжает пропускать поток джихадистов через границу к ИГИЛ.

Саудовская Аравия в первую очередь была главным сторонником экстремистских движений джихада на протяжении многих лет, не только финансируя, но и распространяя радикальную исламистскую доктрину ваххабитов в мусульманских школах, мечетях и через священнослужителей. Патрик Кокберн совершенно верно характеризует «ваххабизацию» суннитского ислама как одну из наиболее опасных тенденций эпохи. Саудовская Аравия и Эмираты имеют значительные передовые вооруженные силы, но они почти не участвуют в войне против ИГИЛ. Они проводят операцию в Йемене, где вызывают серьезную

гуманитарную катастрофу и, весьма вероятно, как и раньше, создают будущих террористов, прицеливаясь в нашу «войну с терроризмом». На данный момент этот регион и люди, проживающие в нем, жестоко страдают.

Единственной призрачной надеждой Сирии, по видимому, остаются переговоры между всеми сторонами, кроме ИГИЛ. Это подразумевает участие действительно страшных людей, как президент Сирии Башар Аль-Асад, который не собирается уходить просто так и будет участвовать в переговорах до тех пор, пока не закончит разворачиваться спираль национального самоубийства. Робкие шаги в этом направлении были наконец сделаны в Вене. Они больше касаются того, что может быть сделано на земле, но переход к дипломатии имеет важное значение.

С. Д. П.: Позицию Турции в рамках так называемой глобальной войны против терроризма следует рассматривать как один из самых лицемерных жестов в современной истории дипломатии, и Владимир Путин, не стесняясь своих слов, после того как был сбит российский истребитель, назвал Турцию «пособницей террористов». Нефть является причиной того, почему США и их западные союзники сознательно принимают поддержку некоторыми странами Персидского залива террористических организаций вроде ИГИЛ, но в чем же причина игнорирования вопроса

о поддержке Турцией исламского фундаменталистского терроризма?

Н. Х.: Турция всегда была важным союзником НАТО, имела большое геостратегическое значение. В 1990-х годах, когда Турция совершала одни из самых страшных зверств в своей войне против курдского населения, она стала ведущим получателем американского оружия (после Израиля и Египта, в отдельной категории). Иногда отношения испытывали давление, в частности в 2003 году, когда правительство приняло сторону 95 процентов населения и отказалось присоединиться к нападению США на Ирак. Турцию много критиковали за этот провал в понимании смысла «демократии». Пол Вулфовиц, которого СМИ называют не иначе, как «главным идеалистом» администрации Буша, ругал турецких военных за то, что они позволили правительству продолжить этот шокирующий курс, и потребовал, чтобы они извинились. Но в целом связь между странами остается довольно тесной. Недавно США и Турция достигли соглашения о войне с ИГ: Турция предоставила США доступ к данным турецких военных баз вблизи Сирии, а взамен пообещала атаковать ИГ, но вместо этого напала на своих курдских врагов.

С. Д. П.: Хотя это может быть непопулярным мнением, но Россия, в отличие от США, кажется более сдержанной, когда дело доходит до применения силы.

Допуская, что вы согласны с этим предположением, как вы думаете: почему это так?

Н. Х.: Она является более слабой стороной. У нее нет 800 военных баз по всему миру, и поэтому нет возможности вмешиваться везде, как у США, на протяжении многих лет или провести что-нибудь вроде глобальной кампании Обамы. То же самое было во время холодной войны. Россия могла использовать военную силу вблизи своих границ, но не смогла бы вести войну в Индокитае, например.

С. Д. П.: Франция, кажется, стала излюбленной мишенью исламских фундаменталистских террористов. В чем объяснение?

Н. Х.: На самом деле намного больше африканцев гибнут от исламского терроризма. По факту «Боко Харам» как мировая террористическая организация по рангу выше ИГИЛ. В Европе Франция была главной целью в значительной степени по причинам, восходящим ко временам Алжирской войны.

С. Д. П.: Исламский фундаменталистский терроризм, который продвигает ИГИЛ, был осужден такими организациями, как ХАМАС и «Хезболлах». Чем отличается ИГИЛ от других так называемых террористических организаций и чего ИГИЛ хочет на самом деле?

Н. Х.: Мы должны быть осторожны, когда говорим о том, что мы называем террористическими организа-

циями. В борьбе против нацистов партизаны применяли террор. В той же армии Джорджа Вашингтона он получил такое распространение, что большая часть населения в страхе бежала от террора, не говоря уже об [аборигенах], для которых он был «городским разрушителем». Трудно найти национально-освободительное движение, которое не прибегало бы к террору. «Хезболлах» и ХАМАС были сформированы в ответ на израильскую оккупацию и агрессию. Но какие бы критерии мы ни использовали, ИГИЛ — это совсем другое, поскольку стремится отделить территорию, которой будет управлять, и создать исламский халифат. Этим данная организация довольно сильно отличается от других.

С. Д. П.: После терактов в Париже в ноябре 2015 года Обама в ходе совместной пресс-конференции с президентом Франции Олландом заявил, что «ИГИЛ должен быть уничтожен». Как вы думаете, это возможно? Если да, то как? Если нет, то почему?

Н. Х.: Запад, конечно, обладает потенциалом для уничтожения всех на подконтрольной ИГИЛ территории, но даже это не уничтожит само ИГИЛ, и весьма вероятно, что на его месте довольно быстро возникнут некоторые более жестокие движения, как я сказал ранее. Одна из целей ИГ — это вовлечь «крестоносцев» в войну со всеми мусульманами. Мы можем способствовать этой катастрофе — или же мы можем попро-

бовать устранить корни проблемы и создать условия, при которых чудовище ИГИЛ будет побеждено с участием сил региона.

Иностранная интервенция в течение долгого времени была и, вероятно, продолжит быть проклятием. Есть разумные предложения о том, как двигаться на этом пути, например предложение Уильяма Полка, блестящего исследователя Ближнего Востока с богатым опытом не только в регионе, но и на самом высоком уровне государственного планирования США. Его во многом поддержали самые видные исследователи ИГИЛ, в частности Скотт Атран. К сожалению, шансы на то, что его совет будет услышан, невелики.

С. Д. П.: Кажется, политическая экономика США устроена таким образом, что войны представляются почти неизбежными. Президент Дуайт Эйзенхауэр, видимо, понимал это, когда в своей прощальной речи предупреждал нас об опасности военно-промышленного комплекса. На ваш взгляд, что нужно сделать, чтобы США смогли отойти от милитаристского урапатриотизма?

Н. Х.: Совершенно верно, что секторы экономики выигрывают от «милитаристского урапатриотизма», но я не думаю, что это является его основной причиной. Существуют геостратегические и международные экономические соображения, имеющие большое значение. Экономические выгоды — лишь один из факто-

ров — интересным образом обсуждались в деловой прессе в первые годы после Второй мировой войны. Тогда было понятно, что большие государственные расходы спасли страну от депрессии, и существовало опасение, что если они будут свернуты, то страна погрузится в депрессию. В одной содержательной дискуссии (Business Week от 12 февраля 1949 г.) признается, что социальные расходы могли бы иметь тот же эффект «вливаний»*, что и военные расходы, но подчеркивается, что для предпринимателей «есть огромные социальные и экономические различия между социальными и ориентированными на поддержку обороны мерами стимулирования». Последние «не изменяют структуру экономики». Для бизнесмена это просто иной порядок. Меры социальной поддержки и расходы на общественную деятельность «меняют экономику. Они создают новые направления развития, формируют новые институты. Они перераспределяют доходы». Мы можем добавить больше. Военные расходы, в отличие от социальных, не способствуют развитию общества и не имеют демократизирующего эффекта. По этим причинам военные расходы намного менее предпочтительны.

* В оригинале употреблено словосочетание «rip-rap», что означает «подбрасывание средств» — экономическая помощь, государственная дотация или субсидия. — *Примеч. пер.*

С. Д. П.: В продолжение этого вопроса о связи между политической культурой США и милитаризмом: является ли явное снижение превосходства США на мировой арене более или менее вероятным основанием для того, чтобы сделать будущих президентов США разжигателями войн?

Н. Х.: США достигли пика своего могущества после Второй мировой войны, но снижение началось очень скоро, с «потерей Китая», и далее продолжалось в связи с подъемом других промышленных держав и мучительным процессом деколонизации, а в последние годы — с иными формами диверсификации власти. Реакция может быть различной. Один вариант — бушевский стиль триумфа и агрессивности. Другой — нежелание Обамы использовать сухопутные силы. Есть много других возможностей. Общественное настроение также заслуживает внимания, и мы можем надеяться на его влияние.

С. Д. П.: Будут ли левые поддерживать Берни Сандерса в его встречах с Демократической партией?

Н. Х.: Я думаю, да. Его кампания имела благотворное влияние. Он поднял важные вопросы, которые в противном случае были бы упущены из виду, и немного продвинул демократов в правильном направлении. Шансы на то, что он может быть избран в нашей системе проплаченных выборов, невелики, и если бы даже это произошло, ему было бы чрезвычайно трудно

осуществить какое-либо значительное изменение политики. Республиканцы не уйдут с арены, и благодаря махинациям и другим тактическим приемам они, вероятно, продолжат контролировать Белый дом, как они делали это, обладая меньшинством голосов, на протяжении нескольких лет, и, скорее всего, сохранят за собой сильный голос в Сенате. Республиканцы могут рассчитывать на блокирование даже небольших шагов в прогрессивном — или, если хотите, рациональном — направлении. Важно понимать, что это уже не нормальные политические партии.

Как отметили уважаемые политологи консервативного американского Института предпринимательства, вместо прежней [Республиканской] партии мы имеем теперь «радикальных повстанцев», во многом отвергнутых парламентариев в силу интересных причин, в которые мы не можем вдаваться здесь. Демократы также перемещаются вправо, и их основные элементы не отличаются от умеренных республиканцев прошлых лет, хотя некоторые из шагов Эйзенхауэра можно было бы отнести к той части политического спектра, где сейчас находится Сандерс. Следовательно, Сандерс вряд ли получит большую поддержку в Конгрессе и на государственном уровне.

Излишне говорить, что орды лоббистов и богатых спонсоров едва ли могут быть союзниками. Даже случайные шаги Обамы в прогрессивном направлении по

большей части были заблокированы, хотя здесь играли роль и другие факторы, в том числе, вероятно, расизм: сложно подобрать иное выражение для неприязни, которую он вызывал. Но в целом даже в том маловероятном случае, если бы Сандерс был избран, его руки были бы связаны. Все же в конечном счете важно то, что, если массовое народное движение будет развиваться, это будет сигналом к дальнейшим поездкам, сигналом, который может (и должен) подтолкнуть его дальше, чем он мог бы пойти в противном случае.

Я полагаю, что это подводит нас к наиболее важному аспекту кандидатуры Сандерса. Он задействовал огромное количество людей. Если эти силы сохранятся и после выборов, а не исчезнут после того, как феерия закончится, они смогут стать как раз той народной силой, в которой страна остро нуждается и которая даст конструктивный путь решения тех значительных проблем, с которыми мы столкнемся в будущем.

В упомянутых выше комментариях он сосредоточился на внутренней политике. Его внешнеполитическая концепция и предложения, как мне кажется, довольно обычны для либерал-демократа. В этом плане, насколько я могу видеть, он не предложил ничего особенно нового, включая и кое-что, в чем, как я полагаю, можно серьезно усомниться.

С. Д. П.: Один вопрос в завершение. Что вы скажете тем, кто придерживается мнения, что прекращение «войны с террором» — это наивность и заблуждение?

Н. Х.: Я задам простой вопрос — почему? И более важный: почему вы считаете, что США должны продолжать вносить важный вклад в глобальный терроризм под предлогом «войны с терроризмом»?

Империя Хаоса: интервью с Ноамом Хомским

*(Первоначально опубликовано в Truthout
5 ноября 2015 г.)*

С. Д. Полихрониу: Американские военные интервенции в XX веке (например, Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия) оказались совершенно катастрофическими, но в дебатах между разжигателями войн в Вашингтоне сроки вмешательства все еще никак не вырисовываются. Какое объяснение этому?

Ноам Хомский: Отчасти старое клише: когда у вас есть только молоток, все похоже на гвоздь. Сравнительное преимущество США в военной силе. Если одна форма вмешательства не срабатывает, доктрина и практика могут быть пересмотрены, задействованы новые технологии, приборы и т. д. В последней книге Эндрю Кокберна *Kill Chain* есть хороший обзор этого процесса от Второй мировой войны вплоть до настоящего времени. Существует несколько возможных альтернатив, таких как поддержка демократизации (ре-

альной, а не фиктивной). Но их вероятные последствия будут не на пользу США. Вот почему когда США поддерживают «демократию», то это форма демократии «сверху вниз», при которой традиционные элиты, связанные с США, остаются у власти, со слов ведущего эксперта по «продвижению демократии» Томаса Каротерсома, бывшего рейгановского чиновника, который, к сожалению, является активным сторонником этого процесса, но в то же время признает реальность.

С. Д. П.: Иногда можно услышать, что войны Обама по стилю и по сути отличаются от войн, которые вел его предшественник Джордж Буш. Есть ли какие-либо основания для подобных утверждений?

Н. Х.: Буш опирался на «шок и трепет» военного насилия, которое оказалось катастрофическим в смысле жертв и привело нас к серьезным поражениям. Обама опирается на различные тактики, в первую очередь на кампанию глобальных убийств, которая выводит международный терроризм на новый уровень, и спецоперации, разворачивающиеся сейчас на большей части земного шара. Ник Терс, ведущий ученый-эксперт по данному вопросу, недавно сообщил, что элитные силы США «в 2015 году разместились в рекордных 147 странах».

С. Д. П.: Дестабилизация и то, что я называю «созданием черных дыр», являются основными целями Империи хаоса на Ближнем Востоке и в других местах,

но ясно также, что США плавают в бурном море, не зная направления своего движения, и, по сути, совершенно не представляют, что нужно делать после того, как задача разрушения выполнена. В какой мере это является следствием упадка США как мирового лидера?

Н. Х.: Хаос и дестабилизация реальны, но я не думаю, что цель заключается в этом. Скорее всего, это следствие разрушения хрупкой системы, которую никто не принимает, кувалдой, как это было в Ираке, Ливии, Афганистане и других странах. Что касается продолжающегося падения американского влияния (на самом деле с 1945 года оно переживало и взлеты, и падения), оно будет иметь последствия для текущей ситуации в мире. Возьмем, к примеру, судьбу Эдварда Сноудена. Четыре страны Латинской Америки, как сообщается, предложили ему убежище, больше не опасаясь кнута Вашингтона. Есть немало европейских держав, с гневом взирающих на США. Это является следствием очень значительного спада американского влияния в Западном полушарии.

Однако я сомневаюсь, что в хаосе на Ближнем Востоке этот фактор играет существенную роль. Одним из последствий вторжения США в Ирак было разжигание межконфессиональных конфликтов, которые разрушают Ирак и теперь разрывают регион на куски. Европа инициировала бомбежки Ливии, создав

катастрофу, которая распространилась далеко за ее пределы вместе с потоком оружия и активизацией преступлений джихадистов. Существует много других последствий внешнего насилия. Есть также много внутренних факторов. Я думаю, что корреспондент на Ближнем Востоке Патрик Кокберн прав в своем наблюдении, что ваххабизация суннитского ислама является одной из наиболее опасных тенденций современной эпохи. Сейчас многие из наиболее опасных проблем представляются практически неразрешимыми, подобно сирийской катастрофе, где есть лишь слабая надежда на какое-либо мирное урегулирование, к которому державы, вовлеченные в этот конфликт, кажется, медленно продвигаются.

С. Д. П.: Россия также обрушилась своей мощью на Сирию. С какой целью? И представляет ли Россия угрозу для интересов США в регионе?

Н. Х.: Российская стратегия, очевидно, заключается в поддержке режима Асада, и это действительно «действие на поражение», касающееся в первую очередь сил, связанных с джихадистами, поддерживаемых Турцией, Саудовской Аравией, Катаром и в определенной степени США. В недавней статье в *Washington Post* выдвигается предположение, что высокотехнологичное оружие (в том числе противотанковые комплексы) этим силам предоставило ЦРУ, чтобы изменить баланс сил не в пользу Асада и вовлечь русских

в активные действия. Но, говоря об «интересах США», мы должны быть осторожны. Интересы власти и народа Соединенных Штатов часто совершенно не совпадают, как и в других местах. Официально интерес США заключается в том, чтобы устранить Асада, и, естественно, поддержка Россией Асада представляет в этом плане угрозу. Такая конфронтация вредна, если не катастрофична, не только для Сирии, а также несет в себе угрозу случайной эскалации, которая могла бы иметь ужасные последствия далеко за ее пределами.

С. Д. П.: Это США создали монстра ИГИЛ?

Н. Х.: Недавнее интервью известного эксперта по делам Востока Грэма Фуллера имеет заголовок: «Бывший сотрудник ЦРУ говорит, что политика США помогла создать ИГИЛ». Я соглашаюсь с Фуллером, когда он пишет: «Я думаю, что США являются одним из главных создателей этой организации. Соединенные Штаты не планировали формирования ИГИЛ, но их деструктивное вмешательство на Ближнем Востоке и война в Ираке были основными причинами ее возникновения. Вспомните: исходной точкой этой организации был протест против вторжения США в Ирак. В те времена он был поддержан многими неисламистами из числа суннитов, также вследствие неприятия ими оккупации Ирака. Я думаю, что и сегодня ИГИЛ [теперь — «Исламское государство»] поддерживается многими суннитами, которые чувствуют себя изолиро-

ванными шиитским правительством в Багдаде». Формирование превосходства шиитов было прямым следствием вторжения США, победы Ирана и одним из моментов примечательного поражения США в Ираке. Поэтому, отвечая на ваш вопрос, агрессия США была фактором, способствующим подъему ИГИЛ, однако ничто не свидетельствует в пользу конспирологических теорий, циркулирующих в регионе, согласно которым США спланировали создание этого исключительного монстра.

С. Д. П.: Как вы объясняете увлечение совершенно варварскими и дикими организациями, подобными «Исламскому государству», со стороны многих молодых мусульман, живущих в Европе?

Н. Х.: Подробные исследования этого явления, в том числе Скоттом Атраном, предпринимались неоднократно. В подобные организации вовлекаются в первую очередь молодые люди, которые живут в условиях репрессий и унижений, малых надежд и ограниченных возможностей и которые в своей жизни стремятся к тому, что дает им достоинство и возможность самореализации. В этом случае идея установления утопического исламского государства воспринимается вследствие неприятия столетий порабощения и уничтожения западной имперской власти. Кроме того, представляется, что это хорошо распространяется среди коллег, членов одного и того же футбольного клуба, например,

и так далее. Ярко выраженный религиозный характер региональных конфликтов также является фактором не просто в «защиту ислама», но в защиту его от шиитов-вероотступников. Это ужасные и опасные явления.

С. Д. П.: Администрация Обамы не проявляет особого интереса к переоценке отношений США с авторитарными и фундаменталистскими режимами в таких местах, как Египет и Южная Аравия. Продвижение демократии — это лишь показной элемент внешней политики США?

Н. Х.: Несомненно, и в правительстве есть люди вроде Томаса Каротерса, упомянутого выше, которые действительно нацелены на продвижение демократии; он участвовал в «продвижении демократии» в Госдепе при Рейгане. Но данные показывают совершенно отчетливо, что это редкость в политике и чаще всего демократия признается опасной в силу понятных причин, если мы посмотрим на общественное мнение. Вот лишь один очевидный пример: опросы международного общественного мнения, проведенные ведущими американскими агентствами (WIN/Gallup), показывают, что США считаются самой большой угрозой для мира во всем мире, Пакистан идет на втором месте с большим отрывом (большинство голосов против него предположительно из Индии). Опросы общественного мнения, проведенные в Египте накануне «арабской весны», показали значительную поддержку иранского

ядерного оружия в противовес израильским и американским властям. Общественное мнение часто поддерживает социальную реформу, которая бы навредила американской ТНК. И многое другое. Вряд ли это та стратегия, которую хотели бы проводить в жизнь американские власти, однако подлинная демократия всегда отводит общественному мнению значительную роль. По аналогичным причинам опасаются демократии в самих США.

С. Д. П.: Ожидаете ли вы каких-либо серьезных изменений во внешней политике США в ближайшем будущем при демократической или республиканской администрации?

Н. Х.: Не при демократической администрации. Однако ситуация с республиканской администрацией еще менее понятна. Партия значительно сместилась в парламентском спектре. Если заявления нынешних кандидатов принять всерьез, то мир может столкнуться с ужасающими бедами. Возьмем, к примеру, ядерную сделку с Ираном. Они не только единогласно против нее, но и соревнуются в том, кто сможет быстрее разбомбить Иран. Это очень странный момент американской политической истории, ситуация обладания невероятной силой разрушения, что должно вызывать немалое беспокойство.

Глобальная борьба за доминирование: Ноам Хомский об ИГИЛ, НАТО и России

(Truthout 17 Августа 2016 года)

С. Д. Полихрониу: Разрастание ИГИЛ (также известного как Даиш или «Исламское государство»*), самой жестокой и опасной террористической организации в современной истории, — прямое следствие американского вторжения и оккупации Ирака. Кажется, его щупальца уже вышли за пределы «черной дыры», созданной США в Сирии, Ливии, Ираке и Афганистане, а теперь оно прижилось и в Европе — этот факт недавно признала канцлер Германии Ангела Меркель. Действительно, было подсчитано, что с начала июня 2016 года атаки, организованные или вдохновленные ИГИЛ, происходят каждые 48 часов в городах за пределами вышеупомянутых стран. Почему такие страны, как Германия и Франция, стали мишенью для ИГИЛ?

* Организация, запрещенная в России. — *Примеч. пер.*

Ноам Хомский: Я думаю, мы должны быть осторожны, когда говорим о заявлениях ИГИЛ о своей ответственности за теракты. Возьмем самый ужасный из последних — в Ницце. Он был проанализирован Акбаром Ахмедом, одним из самых тщательных и глубоких экспертов по радикальному исламу. На основании имеющихся доказательств он делает вывод о том, что преступник, Мохамед Лахуайедж Бухлель, по всей видимости, «не правоверный мусульманин. Он имел судимость, пил спирт, ел свинину, употреблял наркотики, не постился, молился, нерегулярно посещал мечеть и не был религиозен. Он жестоко обращался с женой, которая ушла от него. Это не то, что многие мусульмане, в особенности те, которые считаются набожными, считают выражением своей веры». ИГИЛ (с опозданием) «взяло ответственность» за атаку, как обычно, вне зависимости от каких-либо фактов, что в данном случае вызвало у Ахмеда большие сомнения. В том, что касается этого и подобных нападений, он приходит к выводу: «Реальность такова, что ИГИЛ может оказывать влияние на таких мусульман в целом, а их враждебность происходит от их положения нежелательных мигрантов в Европе, и особенно во Франции, где с ними не обращаются как с французами, даже если они родились на территории страны. В обществе существуют непропорционально большие группы населения, состоящие из безработной молодежи с низким

уровнем образования и жилья, постоянно борющиеся против культурного унижения. За исключением некоторых выдающихся случаев они не интегрированы в общество. Из этой среды выходят такие молодые люди, как Мохамед Лахуайедж Бухлель. Эту модель ущемленного преступника можно раскрыть и на примерах других недавних террористических атак в Европе, в том числе в Париже и Брюсселе».

Анализ Ахмеда точно соответствует другим обширным исследованиям новобранцев в ИГИЛ, в частности проведенным Скотом Атраном и его группой. Мне кажется, что все это должно быть принято во внимание вместе с его предписанием, которое также близко мнениям других экспертов, «предоставить мусульманской общине образовательные возможности и возможности трудоустройства, молодежные программы и содействовать признанию, многообразию и пониманию в обществе. Есть многое, что могут делать правительства для обеспечения языкового, культурного и религиозного обучения населения, что поможет решить, например, проблему иностранных имамов, испытывающих трудности при распространении своего влияния на местные общины».

В качестве иллюстрации просто возьмем одну проблему, с которой приходится сталкиваться. Атран отмечает, что «мусульмане составляют только от 7 до 8 % населения Франции и в то же время от 60 до 70 %

заключенных во Франции». Стоит также принять во внимание недавний доклад Национального исследовательского совета, который признал, что «в плане политического контекста терроризм и поддерживающих его приспешников стимулировали крайние политические репрессии и обескураживающая стратегия по включению диссидентов и умеренной группы соответственно в гражданское общество и политический процесс».

Легко сказать: «Давайте нанесем ответный удар насилием» — полицейскими репрессиями, «ковровой бомбардировкой» (Тед Круз) и т. д. Весьма возможно, что «Аль-Каида» и ИГИЛ надеются на это и, вполне вероятно, усилят натиск, что, впрочем, происходило и до сих пор.

С. Д. П.: Какова цель ИГИЛ, когда оно выступает против невинных гражданских лиц, как во время атаки на приморский город Ниццу во Франции, в результате которой погибли 84 человека?

Н. Х.: Как я уже говорил, мы должны быть осторожны с заявлениями и обвинениями ИГИЛ в инициативе или участии [в том или ином теракте. — *Пер.*]. Но в тех случаях, когда они участвуют в подобных зверствах, их стратегия достаточно ясна. Осторожные эксперты и аналитики по ИГ и терактам (Скотт Атран, Уильям Полк и другие) в целом склонны принимать заявления ИГИЛ. Иногда они ссылаются на «планы»,

в которых изложены основные стратегии, используемые ИГИЛ, написанные десять лет назад в месопотамском крыле «Аль-Каиды», которая трансформировалась в ИГИЛ. Вот первые две аксиомы (цитирую статью Атрана):

[Аксиома 1:] Достигайте мягкой цели: «расширяйте и распространяйте недовольство забастовками против крестоносцев сионистского врага в любом месте исламского мира и даже вне его, если это возможно, чтобы стало возможным рассредоточить усилия союзников противника и тем самым в максимально возможной степени истощить его».

[Аксиома 2:] Наносите удар, когда бдительность потенциальных жертв низкая, чтобы увеличить страх среди населения в целом и истощить их экономику: «если это будет туристический курорт, которому покровительствуют крестоносцы, то на всех курортах во всех странах мира будет обеспечена работа дополнительных сил, которых будет вдвое больше, чем обычно, что приведет к огромному росту расходов».

И эта стратегия была достаточно успешной, как в распространении терроризма, так и в навязывании малыми расходами больших затрат «крестоносцам».

С. Д. П.: Сообщалось, что туристы на праздничных площадках и пляжах Франции будут охраняться вооруженными силами и солдатами. Насколько это связано с кризисом беженцев в Европе, куда за последние пару

лет из охваченных войной регионов мира прибыли миллионы людей?

Н. Х.: Трудно судить. Насколько мне известно, таких преступлений во Франции не было до недавних беженцев. Скорее это больше подходит к случаю Лаху-айедж Бухлея. Но там в беженцах живет большой страх без каких-либо доказательств быть обвиненными в преступлениях. То же верно и для США, где стиль высказываний Трампа о Мексике, выселяющего преступников и насильников, несомненно, пугает людей, даже несмотря на то, что некоторые статистические данные свидетельствуют о том, что «предрасположенность иммигрантов первого поколения к совершению преступлений ниже, чем коренных американцев», как сообщает Мишель Йе Хи Ли в *Washington Post*.

С. Д. П.: Как вы считаете, в какой мере выход Великобритании из ЕС был обусловлен ксенофобией и массовым притоком иммигрантов в Европу?

Н. Х.: Было множество отчетов, дающих общее впечатление, но у меня нет никаких достоверных данных. И стоит напомнить, что приток иммигрантов в Великобританию шел и из ЕС, а они не спасались от конфликта. Также вспомним, что Великобритания сыграла не последнюю роль в создании притока беженцев. Вторжением в Ирак, к примеру. И много чем еще, если мы берем значительную историческую дистанцию. Бремя борьбы с последствиями преступлений

США и Великобритании приходится в основном на страны, которые не несут никакой ответственности за них, вроде Ливана, где около 40 % населения составляют беженцы.

США и ведущие западные державы действительно участвует в войне против ИГИЛ? Постороннему наблюдателю это кажется сомнительным с учетом растущего влияния ИГИЛ и сохранения способности организации вербовать солдат для своих нужд в Европе.

Спекуляции на этот счет распространяются на Ближнем Востоке, но я не думаю, что им можно оказывать какое-то доверие. США сильны, но не всемогущи. Существует тенденция приписывать все, что происходит в мире, ЦРУ или какому-то дьявольскому западному плану. Есть много поводов для резкого осуждения. И мы действительно мощны. Но это совсем не похоже на то, во что часто верят.

С. Д. П.: Кажется, произошло изменение роли Турции в региональной политике, которое, в конце концов, могло стать причиной неудачного переворота в июле 2016 года. Не видите ли вы такого сдвига в сторону?

Н. Х.: Действительно, там произошел сдвиг в региональной политике, связанный со «стратегией нуля проблем» бывшего премьер-министра Турции Чавушоглу, поскольку проблем предостаточно. Стремление к тому, чтобы стать региональной державой, ко-

тору иногда называют неоосманской, похоже, развивается, если не усиливается. Отношения с Западом становятся все более напряженными, так как правительство Эрдогана продолжает двигаться в сторону авторитарного правления довольно крайними репрессивными мерами. Что, естественно, вынуждает Турцию искать альянса с другими странами, в частности [с] Россией. После переворота Эрдоган совершил визит в Москву для того, чтобы восстановить «ось дружбы Москва — Анкара» (по его словам), нарушенную после того, как в ноябре 2015 года Турция сбила российский самолет, когда он якобы пересек турецкую границу на несколько секунд во время бомбардировки целей в Сирии. К большому сожалению, очень незначительно западное противостояние жестоким и злобным зверствам Эрдогана в отношении курдского населения на юго-востоке, которые некоторые наблюдатели теперь описывают как приближение к ужасам 1990-х годов. Что касается переворота, то его фон на данный момент остается неясным. У меня нет доказательств того, что здесь сыграли роль изменения в региональной политике.

С. Д. П.: Переворот против Эрдогана привел к укреплению жесткой авторитарной власти в Турции: Эрдоган арестовал тысячи людей и закрыл СМИ, школы и вузы после переворота. Эффект переворота может в действительности даже усилить роль военных в поли-

тической жизни, когда они перейдут под непосредственный контроль президента, к чему Эрдоган уже приступил. Как это повлияет на отношения Турции с США и европейскими державами, учитывая мнимую заботу последних о правах человека и демократии в Турции и стремление Эрдогана наладить тесные связи с Путиным?

Н. Х.: Верно сказано — «мнимой». В 1990-х годах турецкое правительство проводило ужасающие зверства против курдского населения: десятки тысяч убитых, тысячи сел и городов разрушены, сотни тысяч (возможно, миллионы) изгнаны из своих домов, применялись все мыслимые формы пыток. Восемьдесят процентов оружия поступало из Вашингтона, подогревая этот беспредел. В 1997 году, когда зверства достигли пика, Клинтон послал в Турцию больше оружия, чем на протяжении всей послевоенной эпохи до начала кампании по борьбе с повстанцами. СМИ фактически игнорировали все это. У [New York] Times есть бюро в Анкаре, но тогда оно не сообщало почти ничего. Конечно, и в Турции, и в других странах тем, кто этого хотел, факты были хорошо известны. Теперь, когда жестокость снова нарастает, как я уже говорил, Запад предпочитает смотреть в другую сторону.

Тем не менее отношения между режимом Эрдогана и Западом становятся все более напряженными,

и сторонники Эрдогана с негодованием воспринимают западное отношение к перевороту (умеренно критическое, но с точки зрения режима недостаточное), к росту авторитаризма и жестоких репрессий (мягкая критика, но с точки зрения режима слишком большая). Действительно, широко распространено мнение, что США инициировали там государственный переворот.

США осуждают и за то, что они запросили доказательства перед экстрадицией Гюлена, которого Эрдоган обвиняет в перевороте. Здесь нет никакой иронии. Можно вспомнить, что США бомбили Афганистан, потому что движение «Талибан» отказалось выдавать Усаму бен Ладена без доказательств. Или возьмем случай [Эммануэля «Тото»] Констан, лидера ФРПГ, террористической группы FRAPH [Фронт за развитие и прогресс Гаити], который орудовал на Гаити в период военной диктатуры в начале 1990-х годов. Когда хунта была свергнута в результате морского вторжения, он сбежал в Нью-Йорк, где жил безбедно. Гаити просила выдать его и предоставила более чем достаточно доказательств. Но Клинтон отказался, весьма вероятно потому, что Констан мог разоблачить связи Клинтона с убийцами из военной хунты.

С. Д. П.: Недавний договор о миграции между Турцией и ЕС, похоже, разваливается. Эрдоган зашел довольно далеко, публично заявив о том, что «европей-

ские лидеры ведут себя нечестно». Для отношений между Турцией и ЕС и для самих беженцев каковы последствия развала этой сделки?

Н. Х.: В сущности, Европа подкупила Турцию предложением принять несчастных беженцев, многие из которых бегут от преступлений, за которые Запад несет немалую ответственность. Это похоже на усилия Обамы заручиться поддержкой Мексики в ситуации с беженцами из Центральной Америки — зачастую жертвами американской политики, в том числе и администрации Обамы. В моральном отношении это гротескно, но это лучше, чем позволить им утонуть в Средиземном море. Вероятно, ухудшение отношений приведет к усугублению их страданий.

С. Д. П.: НАТО, до сих пор военный альянс, в котором доминируют США, в последнее время нарастил свое присутствие в Восточной Европе, намереваясь остановить возрождение России путем создания разногласий между Европой и Россией. США ищут военного конфликта с Россией или такое развитие событий обусловлено необходимостью сохранения статус-кво военно-промышленного комплекса после холодной войны?

Н. Х.: НАТО, несомненно, военный альянс, в котором доминируют США. Когда развалился СССР, Михаил Горбачев предложил создать общеконтинентальную систему безопасности, которую США

отвергли, настаивая на сохранении НАТО и его расширении. Горбачев согласился на вступление объединенной Германии в НАТО — примечательный договор в свете истории. Был, правда, и квипрокво*: НАТО не будет расширяться ни «на один дюйм на восток», имеется в виду восток Германии. Это было обещано президентом Бушем-старшим и госсекретарем Джеймсом Бейкером, но не было зафиксировано на бумаге. Это было устное обязательство, и США позднее утверждали [на этом основании], что оно не является обязательным.

В тщательном исследовании архивов Джошуа Р. Ицкович Шифринсона, опубликованном прошлой весной в престижном издании Гарварда — Массачусетского технологического института, в журнале «Международная безопасность», весьма ясно показывает, что это был намеренный обман, — очень важное открытие, которое, я думаю, в значительной мере разрешает научную дискуссию по данному вопросу. НАТО расширялось на восток Германии, а в последующие годы — к российской границе. Эта стратегия была резко осуждена Джорджем Кеннаном и другими ува-

* Квипрокво (от лат. *qui pro quo* — «кто вместо кого») — фразеологизм латинского происхождения, обычно используемый в европейских языках и обозначающий, что кто-то или что-то принимается за кого-то или что-то другое. — *Примеч. пер.*

жаемыми комментаторами, поскольку они вполне допускали, что это приведет к новой холодной войне, так как Россия, естественно, почувствует угрозу. Угроза стала еще серьезнее, когда НАТО в 2008 и в 2013 годах предложило Украине присоединиться. Как признают западные аналитики, это увеличивает угрозу для российских стратегических интересов. Эта проблема обсуждается, например, в упомянутой статье Джона Миршаймера в солидном журнале *Foreign Affairs*.

Однако я не думаю, что цель заключается в том, чтобы остановить возрождение России и сохранить военно-промышленный комплекс нетронутым. И конечно, нам не нужен военный конфликт, в котором обе стороны способны уничтожить друг друга (и мир). Я думаю, что скорее это нормальное для великой державы стремление к расширению своего глобального господства. Но это увеличивает угрозу войны, отчасти случайно, как прозорливо предупреждали Кеннан и другие.

С. Д. П.: На ваш взгляд, в современном мире сохраняется возможность ядерной войны между США и Россией?

Н. Х.: Это вполне реальная возможность, и на самом деле вероятность такого развития событий возрастает. Это не просто мое суждение. Это также мнение экспертов, которые устанавливают стрелку часов Судного дня Бюллетеня ученых-атомщиков,

экс-министра обороны Уильяма Перри, одного из самых опытных и уважаемых экспертов по этим вопросам, и многих других, которых отнюдь нельзя назвать паникерами. Возможные последствия шокируют, не говоря уже о том, что это очень опасный авантюризм. Почти чудо, что мы выжили в эпоху ядерного оружия, и игра с огнем является безответственной. На самом деле, как полагают многие даже самые консервативные аналитики (Генри Киссинджер, Джордж Шульц и другие), такое оружие должно быть выведено с Земли.

Крах европейской интеграции?

*(Первоначально опубликовано в Truthout
25 января 2016)*

С. Д. Полихрониу: Ноам, благодарю вас за это интервью о текущих событиях в Европе. Я хотел бы начать со следующего вопроса: как вы думаете, почему там сейчас разворачивается миграционный кризис?

Ноам Хомский: Этот кризис назревал в течение длительного времени. Он поразил Европу именно сейчас, поскольку границы не выдержали напора людей с Ближнего Востока и из Африки. Два западных удара кувалдой имели драматический эффект. Первый — вторжение США и Великобритании в Ирак — нанес почти смертельный удар по стране, которая уже подвергалась массированной военной атаке 20 годами ранее в виде санкций со стороны США и Великобритании, имевших характер геноцида. Кроме разрушений и убийств, жестокая оккупация привела к межрелигиозному конфликту, который сейчас разрывает на части страну и весь регион. Вторжение заставило переме-

щаться миллионы людей, многие из которых бежали и были приняты соседними странами, бедными странами, которым выпало испытание бороться с последствиями наших преступлений.

Одним из результатов вторжения стало появление ИГИЛ/Даиш — монстра, который сыграл свою роль в ужасающей сирийской катастрофе. И снова основной поток беженцев направился в соседние страны. Только в Турции более двух миллионов сирийских беженцев. В то же время и она вносит вклад в сирийские проблемы — поддержкой экстремистского «Фронта ан-Нусра» и других радикальных исламистов, нападениями на курдов, являющихся основной наземной силой, противостоящей ИГ, которое также выиграло от негласной поддержки Турции. Но поток не может более ограничиваться рамками региона.

Второй удар кувалдой разрушил Ливию, где теперь хаос воюющих группировок, где размещается база ИГИЛ, питательная среда джихадистов и источник оружия,двигающегося из Западной Африки на Ближний Восток, которая стала воронкой для потока беженцев из Африки. Тут в действие сразу же вступают долгосрочные факторы. На протяжении веков Европа мучила Африку или, более мягко, эксплуатировала ее в целях собственного развития, говоря словами Джорджа Кеннана, главного стратега США после Второй мировой войны.

История, которая должна быть хорошо знакома, просто гротескна. Возьмем лишь один пример. Бельгия, которая сейчас страдает от миграционного кризиса, свое богатство получила в значительной степени от «эксплуатации» Конго с жестокостью, в которой она превзошла даже своих европейских конкурентов. Конго наконец-то завоевала свободу в 1960 году. Она могла бы стать богатой и развитой страной после того, как вырвалось из когтей Бельгии, а также стимулировать развитие Африки. Это были реальные перспективы, которые [могли быть реализованы] под руководством Патриса Лумумбы, одного из самых значительных политиков Африки. Он стал мишенью ЦРУ, однако бельгийцы оказались первыми. Его тело разрезали на куски и растворили в серной кислоте. США и их союзники поддержали кровавого клептомана Мобуту. Сейчас Восточная провинция Конго является ареной самых ужасных побоищ в мире, поддерживаемая фаворитом США — Руандой, в то время как воюющие ополченцы удовлетворяют потребность западных транснациональных корпораций в минеральном сырье для сотовых телефонов и других высокотехнологичных чудес. Картина, общая, насколько это возможно, для всей Африки, усугубляется бесчисленными преступлениями. Для Европы все это оборачивается миграционным кризисом.

С. Д. П.: Волны мигрантов (очевидно, многие из них являются иммигрантами, а не просто беженцами из ох-

ваченных войной регионов), проникающих в сердце Европы, представляют собой своего рода «стихийное бедствие» или же это исключительно результат определенной политики?

Н. Х.: Здесь есть момент стихийного бедствия. Страшная засуха в Сирии, которая постигла общество, предположительно является следствием глобального потепления, которое, в свою очередь, не является полностью естественным. Кризис в Дарфуре в результате опустынивания, который заставил кочевое население перейти в места оседлости. Ужасный голод в Центральной Африке также может быть частично связан с насилием над окружающей средой в период «Антропоцена» — новой геологической эпохи, когда деятельность человека, главным образом индустриализация, разрушает перспективу достойного существования, и это будет продолжаться, если ее не ограничивать.

С. Д. П.: Чиновникам Европейского союза сейчас чрезвычайно трудно справляться с миграционным кризисом, поскольку многие государства — члены ЕС не желают вносить свой вклад и сделать нечто большее, чем просто принять некоторое количество беженцев. Что можно сказать о руководстве ЕС и ценностях большинства европейских организаций?

Н. Х.: Руководство ЕС умеет очень эффективно вводить жесткие меры экономии, которые опустошают

бедные страны и приносят доход Северному банку. Но он почти полностью разрушен, если рассматривать человеческую катастрофу, которая в значительной мере является результатом западных преступлений. Бремя упало на немногих, в частности на Швецию и Германию, которые согласились, по крайней мере временно, сделать больше, чем просто ударить пальцем о палец. Многие просто закрыли свои границы. Европа пытается привлечь к решению вопроса Турцию, чтобы сохранить жалкие обломки подальше от своих границ, как делают США, оказывая давление на Мексику, чтобы предотвратить появление у своих границ тех, кто пытается выбраться из руин, созданных преступлениями США в Центральной Америке. Хотя это описывается как гуманная политика, направленная на снижение уровня «нелегальной миграции».

Что же все это говорит нам об основных ценностях? Трудно даже использовать слово «ценности», не говоря уже о комментариях. Особенно когда в США — наверное, самой безопасной стране в мире — ведутся споры о том, можно ли вообще допускать сирийцев, среди которых кто-то может оказаться террористом, притворяющимся врачом, или, в крайнем случае, что, к сожалению, является мейнстримом в США, следует ли разрешать въезд мусульманам, в то время как огромная стена защищает нас от мигрантов, спасающихся от разрухи у наших южных границ.

С. Д. П.: Как вы относитесь к аргументу, что многие европейские страны просто не могут принять такое количество иммигрантов и беженцев?

Н. Х.: Германия сделала это — она приняла около 1 миллиона беженцев, будучи достаточно богатой страной с населением более 80 миллионов человек. Сравните Ливан — бедное государство с серьезными внутренними проблемами. Его население сейчас примерно на 25 % состоит из сирийцев, в дополнение к потомкам тех, кто был изгнан из бывшей Палестины. Кроме того, в отличие от Ливана, Германия остро нуждается в иммигрантах для поддержания своего населения в связи с сокращением рождаемости, что, как правило, является результатом образования женщин по всему миру. Кеннет Рот, глава Human Rights Watch, безусловно, прав, утверждая, что «эта „волна“ больше похожа на ручей, когда рассматривается на фоне того моря, в которое он должен влиться... Учитывая то, что ЕС богат и обладает развитой экономикой, трудно утверждать, что Европе не хватает средств, чтобы обеспечить этих новичков», особенно в странах, которые нуждаются в мигрантах для собственного экономического здоровья.

С. Д. П.: Многие беженцы, пытающиеся попасть в Европу, никогда не путешествовали и в больших количествах гибнут, направляясь к берегам Греции и побережью Италии. Действительно, по данным Агент-

ства ООН по делам беженцев, более 2500 человек умерли прошлым летом [2015 года], пытаясь в одиночку пересечь Средиземное море по пути в Европу. Юго-западное побережье Турции стало отправной точкой для тысяч беженцев, которых завлекают в свои разваливающиеся лодки турецкие контрабандисты. Почему Европа не оказывает большее давление на турецкое руководство в лице [Президента Турции Реджепа Тайипа] Эрдогана, чтобы предпринять что-то в этой ужасной ситуации?

Н. Х.: Основные европейские усилия, как уже было замечено, сосредоточены на том, чтобы оказать давление на Турцию с целью удержать нищету и страдания вдали от себя. Как и в случае Соединенных Штатов и Мексики. Смерть всегда вызывает меньшее беспокойство, если она происходит далеко от нас.

С. Д. П.: Совсем недавно вы обвинили Эрдогана в двойных стандартах в отношении терроризма, когда он упомянул вас в связи с петицией, которую подписали сотни ученых, протестующих против действий Турции в отношении курдского населения, назвав вас, по сути, террористом. Можете ли вы сказать несколько слов об этом, поскольку история уже превратилась в международный скандал?

Н. Х.: Тут все довольно просто. Группа турецких ученых инициировала петицию с протестом против жестокости правительства и усиления репрессий про-

тив курдского населения. Я был одним из немногих иностранцев, поставивших подпись. Сразу после кровавого теракта в Стамбуле Эрдоган выступил с речью, в которой нападал на тех, кто подписал декларацию, объявив в стиле Буша: либо вы с нами, либо с террористами. Поскольку он выбрал меня как объект для критики, я попросил у турецких СМИ и друзей дать мне возможность ответить. Ответ вкратце выглядит следующим образом: «Турция обвинила ИГИЛ, тогда как Эрдоган во многом помогал и поддерживал „Фронт ан-Нусра“, который практически не отличается от него. Затем он выступил с речью против тех, кто осудил его преступления против курдов, ставших основной наземной силой, противостоящей ИГ в Сирии и Ираке. Есть ли необходимость это комментировать?»

Турецкие ученые, подписавшие петицию, были задержаны и запуганы, некоторые из них были избиты. Между тем государственные репрессии усиливаются. Темные дни 1990-х годов еще свежи в памяти. Как и прежде, турецкие ученые и ученые из других стран в решительном выступлении против преступлений государства проявили замечательную решительность и единство, которое редко можно встретить, рискуя, а иногда и претерпевая жестокое наказание за свою достойную уважения позицию. К счастью, их международная поддержка растет, хотя она по-прежнему на много меньше, чем они заслуживают.

С. Д. П.: В переписке вы упомянули Эрдогана как «диктатора своей мечты». Что вы имеете в виду под этим?

Н. Х.: На протяжении нескольких лет Эрдоган предпринимает меры для укрепления своей власти, сворачивая обнадеживающие шаги в направлении демократии и свободы, сделанные Турцией в предыдущие годы. Он показывает всем видом, что стремится стать крайне авторитарным правителем, приближаясь к диктатуре, жестоким и репрессивным.

С. Д. П.: Греческий кризис продолжается, и международные кредиторы страны постоянно требуют дополнительных реформ, которые невозможно было бы провести ни одному из демократических правительств какой-либо из европейских стран. В некоторых случаях, по сути, их требования дополнительных реформ не сопровождаются конкретными шагами, и создается впечатление, что происходящее не более чем проявление жестокого садизма по отношению к греческому народу. Каково ваше мнение по этому вопросу?

Н. Х.: Условия, наложенные на Грецию в интересах кредиторов, привели к разорению государства. Провозглашенной целью было снижение долговой нагрузки, которая выросла вследствие таких действий. Так как экономика подорвана, ВВП, естественно, снизился, а отношение долга к ВВП возросло, несмотря на радикальное сокращение государственных

расходов. Теоретически Греции была предоставлена возможность облегчения долгового бремени. В реальности же это обернулось воронкой, через которую идет поток европейской помощи северным банкам, которые неудачно раздали рискованные кредиты и хотели бы возместить убытки за счет европейских налогоплательщиков, — знакомая черта финансовых институтов в неолиберальную эпоху.

Когда греческое правительство предложило народу Греции выразить свое мнение о своей судьбе, реакцией европейских элит был полнейший ужас от такой наглости. Как это греки решились рассматривать демократию как ценность, которая должна быть уважаема в их стране? Верхи еврократов отнеслись к этому с крайней злостью, вводя еще более жесткие требования для ослабления Греции вплоть до полного разорения, между прочим присваивая себе все, что возможно. Цель такого садизма не сам греческий народ, а любой, кто посмеет вообразить, что люди могут иметь права, которые сравнимы с правами финансовых институтов и инвесторов. В целом принимаемые меры жесткой экономии во время кризиса не имеют экономического смысла, как признают даже экономисты МВФ (хотя и не из его политической части). Трудно назвать их иначе, чем классовой войной, направленной на отмену социал-демократических завоеваний, которые были одним из основных вкладов Европы в современную цивилизацию.

С. Д. П.: Как вы смотрите на коалицию СИРИЗА* во главе правительства, которое отказалось от своих предвыборных обещаний и в итоге подписало новое соглашение о финансовой помощи, тем самым став еще одним греческим правительством жесткой экономии и антинародных мер?

Н. Х.: Я не чувствую себя достаточно погруженным в ситуацию, чтобы комментировать конкретные действия коалиции СИРИЗА и оценивать альтернативные пути, по которым она могла бы следовать. Я думаю, ее позиции были бы значительно прочнее, получи она реальную поддержку народных сил где-нибудь в Европе.

С. Д. П.: Бывший министр финансов Греции Янис Варуфакис сформировал новую партию, целью которой, по его словам, является проведение в жизнь «простой, но радикальной идеи демократизации Европы». В связи с этим у меня к вам два вопроса: во-первых, почему социал-демократия все больше уходит в прошлое во многих европейских обществах и, во-вторых, насколько возможно «демократизировать» капитализм?

Н. Х.: Социал-демократия не только в ее европейском варианте, но и в других, прошла серьезное испытание на прочность во времена неолиберализма прошлого поколения, который был вреден для населения

* Левая партия в Греции. — *Примеч. пер.*

фактически любой страны, в то время как малый процент элиты оставался в выигрыше. Одну из иллюстраций несправедливости этой доктрины дает нам исследование, только что опубликованное «Оксфам», согласно которому 1 % самых богатых людей Земли вскоре будет владеть более чем половиной мирового богатства. Между прочим, в США, самом богатом из крупных государств мира, обладающем несравнимыми преимуществами, миллионы детей растут в семьях, которые пытаются выжить на 2 доллара в день. И даже эти гроши находятся под прицелом так называемых консерваторов.

Как далеко могут зайти реформы при существующих разновидностях государственного капитализма, вопрос спорный. Но что они могут выйти далеко за пределы того, что есть сейчас, сомнений не вызывает. Как не вызывает сомнений и то, что необходимо приложить все усилия, чтобы установить для них определенные рамки. Такой должна была бы стать цель даже тех, кто крайне сильно привержен идеям социальной революции, а она приведет только к худшим последствиям, если сама не будет брать свое начало в стремлении широких масс, пришедших к выводу о том, что властные центры всегда будут блокировать дальнейшее продвижение вперед.

С. Д. П.: Европейский миграционный кризис заставил ряд государств — членов ЕС, включая Австрию,

Швецию, Данию и Нидерланды, приостановить действие Шенгенского соглашения. Вам не кажется, что мы являемся свидетелями крушения интеграционного проекта ЕС, включая, возможно, единую валюту?

Н. Х.: Думаю, нам нужно различать единую валюту, которая ни при каких условиях не является целесообразной, и интеграционный проект ЕС, который, я думаю, был серьезным шагом вперед. Достаточно вспомнить, что на протяжении сотен лет в Европе шла взаимная резня ужасающих масштабов. Преодоление национальной вражды и смягчение границ — это существенное достижение. Будет большим позором, если Шенгенское соглашение рухнет перед угрозой, с которой нетрудно справиться гуманным способом, и не сможет на деле способствовать экономическому и культурному оздоровлению европейского общества.

Запреты буркини, новый атеизм и культ государства: Ноам Хомский о религии в политике

*(Truthout, 31 августа 2016 года
(в соавторстве с Лили Сэйдж))*

С. Д. Полихрониу и Лили Сэйдж: В ходе человеческой истории религия смягчала боль и страдания бедных и угнетенных людей по всему миру, что, вероятно, и имел в виду Маркс, когда он сказал «религия есть опиум для народа». И в то же время во имя Бога совершались неопикуемые злодеяния, а религиозные организации часто действовали как охранители традиции. Каковы ваши взгляды на роль религии в делах человеческих?

Ноам Хомский: Общая картина достаточно неприглядная и слишком хорошо известная, чтобы говорить об этом вновь. Но стоит помнить, что есть некоторые исключения. Одним из ярких примеров является то,

что произошло в Латинской Америке после II Ватиканского собора 1962 года, созванного по инициативе папы Иоанна XXIII. Были предприняты значительные шаги в смысле возвращения к исключительно пацифистской направленности Евангелия, которая оставалась в стороне с тех пор, как император Константин в IV веке принял христианство в качестве официальной доктрины Римской империи, превратив церковь гонимую в церковь гонителей, как охарактеризовал эту трансформацию историк христианства Ганс Кюнг. Идея II Ватиканского собора была воспринята в Латинской Америке, где епископы, священники, миряне посвящали себя помощи бедным и помогали тяжело угнетенным организовать сопротивление, чтобы завоевать и отстаивать свои права. Это получило название «теологии освобождения».

Были, конечно, более ранние корни и аналоги во многих протестантских конфессиях, включая христиан-евангелистов. Эти группы составили значительную часть замечательного движения в США 1980-х годов, когда — впервые, насколько мне известно, — очень многие люди не только выходили на митинги против ужасных преступлений, совершавшихся правительством, но и решали присоединиться и помочь жертвам выдержать притеснения.

В те же годы США запустили виртуальную войну против Церкви, принявшую наиболее резкую форму

в Центральной Америке. Десятилетие ознаменовалось двумя важными событиями в Эль-Сальвадоре: убийством в 1980 году архиепископа Оскара Ромеро, «голоса безгласных», и убийством шести ведущих латиноамериканских интеллектуалов из числа иезуитских священников в 1989 году. Ромеро был убит через несколько дней после того, как он отправил красноречивое письмо президенту Картеру, умоляя его не направлять помощь убийственной военной хунте, которая использует ее для «уничтожения народных организаций, борющихся за фундаментальные права человека», по словам Ромеро. В итоге силовики США оставили после себя в регионе множество религиозных мучеников вместе с десятками тысяч обычных жертв: бедных крестьян, правозащитников и других — тех, кто хотел «защитить фундаментальные человеческие права».

Американские военные с гордостью помогали уничтожать опасные ереси, которые выступали за «предпочтительный выбор для бедных»*, — одна из евангельских идей. Школа Америк (переименованная

* Понятие, используемое в теологии освобождения для описания особой заботы Бога о тех, кто находится в нищете, и их преимущества в способности познать Бога. Впервые оно вошло в употребление на Медельинской конференции (1968) вместе с пониманием того, что церкви следует встать на защиту бедняков перед лицом несправедливости и угнетения. — *Примеч. пер.*

в Институт Западного полушария по сотрудничеству в сфере безопасности), известная база подготовки латиноамериканских убийц, с гордостью объявила о том, что теология освобождения была «побеждена с помощью армии США».

С. Д. П. и Л. С.: Вы верите в духовность религии или видите в ней что-то полезное?

Н. Х.: Лично я — нет. Я полагаю, что иррациональная вера представляет собой опасное явление, и стараюсь избегать ее. С другой стороны, я признаю, что это значимая часть жизни других людей, имеющая неоднозначные следствия.

С. Д. П. и Л. С.: Каково ваше мнение о подъеме «нового атеизма», который, кажется, начался в ответ на теракты 9/11? Кто составляет целевую аудиторию этого движения? Имеет ли оно отличительную политическую программу, вокруг которой должны сплотиться прогрессивные и левые силы?

Н. Х.: Зачастую не очень понятно, кто в данном случае составляет целевую аудиторию, а программа, несомненно, отличается. Хорошо, что у них есть желание воплощать в жизнь образовательные инициативы, направленные на искоренение необоснованных и иррациональных убеждений, которые часто могут быть довольно опасными. И возможно, иногда такие усилия имеют положительный эффект. Но вопросы остаются.

Возьмем, к примеру, Джорджа Буша, который апеллировал к вере христианских фундаменталистов для обоснования своего вторжения в Ирак, самого страшного преступления этого века. Является ли он частью целевой аудитории или принадлежит к числу евангельских христиан? Или, например, видные раввины в Израиле, которые призывают судить всех палестинцев, подобно амаликитянам (полное уничтожение, вплоть до их животных)? Или радикальные исламские фундаменталисты в Саудовской Аравии, которые на протяжении 75 лет являются ценными союзниками Вашингтона на Ближнем Востоке, в то время как они проводят ваххабизацию суннитского ислама, которую спецкор на Ближнем Востоке Патрик Кокберн описывает как одну из величайших трагедий современности? Если подобные группы являются целевой аудиторией [нового атеизма], то усилия, мягко говоря, не слишком перспективны. Или это человек без особых религиозных убеждений, который регулярно совершает религиозные обряды и отмечает праздники, чтобы стать частью общества взаимной поддержки и солидарности и вместе с другими поддерживать традицию и укреплять ценности, помогающие преодолеть изоляцию в атомизированном мире, где нет социальных связей? Или это скорбящая мать, которая утешает себя мыслью о том, что она снова встретится со своим умирающим ребенком на небесах? Действительно они могут

быть аудиторией, но ее состав и границы вызывают вопросы.

Кроме того, если быть серьезным, «новый атеизм» должен быть направлен против вирулентной секулярной религии — государственного культа, часто замаскированного риторикой исключительного и благородного содержания, который столь часто является источником больших злодеяний, что напоминать об этом вряд ли необходимо.

Пока этого не происходит, у меня есть оговорки. Хотя, повторю, усилия, направленные на преодоление ложных и зачастую крайне опасных убеждений, всегда уместны.

С. Д. П. и Л. С.: Можно было бы выдвинуть аргумент, что Соединенные Штаты в действительности глубоко фундаменталистская страна, если речь идет о религии. Есть ли надежда на действительно прогрессивные изменения в стране, когда подавляющее большинство населения, кажется, охвачено религиозным рвением?

Н. Х.: США с самого начала были глубоко фундаменталистской страной, неоднократно испытывавшей «великое пробуждение» и вспышки религиозного экстаза. Они и сегодня выделяются среди индустриальных обществ своей религиозностью. Тем не менее со времени основания США произошли значительные прогрессивные изменения, причем необязательно противоречащие религиозным взглядам.

Вспомним, например, Дороти Дэй и католическое рабочее движение. Или значительную роль религии в движении за гражданские права афроамериканских общин, и здесь, с человеческой точки зрения, очень помогало то, что после целого дня жестокости и побоев была возможность принимать участие в митингах демонстрантов в церквях на Юге, где участники укрепляли узы солидарности пением гимнов, собираясь с силами для следующего дня. Конечно, это не норма, и часто приверженность религиозному фундаментализму вредно влияла на социальную политику, если вообще не была губительной.

Как обычно, здесь нет простого ответа и все хорошо известно: с симпатией я отношусь к усилиям, отделяющим конструктивное и полезное и преодолевающим вредные тенденции, к дальнейшему развитию сил светского гуманизма против переходящих границу и радикальных убеждений, что настоятельно требуется для решения проблем сегодняшнего дня, с которыми мы все сталкиваемся.

С. Д. П. и Л. С.: Многие политические речи в Соединенных Штатах заканчиваются словами: «Боже, благослови нас, Боже, благослови Америку». Какое влияние подобные языковые обороты оказывают на политику, культуру и социальную реальность?

Н. Х.: Я предполагаю, что причинная связь здесь проходит, по существу, в противоположном направ-

лении, хотя вполне возможна и обратная связь. Вой пропаганда о том, что «мы хорошие», а «они злые», постоянные упражнения в самолюбании и оскорблениях не могут не оказывать влияние на восприятие мира.

Примеров более чем достаточно, но для иллюстрации общей картины возьмем свежий случай из области интеллектуальной культуры — статью Саманты Пауэр в *New York Review of Books* от 18 августа. Не имея соответствующих навыков и без достаточных комментариев автор представляет остроумные размышления Генри Киссинджера о «трагической ошибке Америки»: «...полагая, что наши принципы — это всеобщие принципы, и стремясь распространить права человека далеко за пределы нашей государственной границы... Ни один народ... не предъявлял к себе таких моральных требований, какие Америка предъявляет к себе. И ни одна страна не мучается так по поводу разрыва между ее нравственными ценностями, которые являются абсолютно определенными, и несовершенством конкретных ситуаций, к которым они должны применяться».

Тому, кто хотя бы мало-мальски знаком с современной историей, такие глупые рассуждения представляются просто позорными или, если быть более точным, ужасными. И это не беседа на радио, а ведущий журнал леволиберальной интеллигенции. Людей

со всех сторон пичкают патриотической ахинеей, чтобы у них создалось представление о себе и мире, несущее серьезную угрозу для человечества. В свете исторических документов и подобных самоописаний, созданных идеологами, неудивительно, что, по данным международных опросов, США считаются самой большой угрозой миру во всем мире, с которой ничто не может сравниться. Неудивительно и то, что «свободная пресса» защищает население от таких неблагоприятных деталей.

С. Д. П. и Л. С.: Риторика широко используется в политических кампаниях, и ею нередко злоупотребляют в политическом контексте. У вас есть теория политической риторики?

Н. Х.: У меня нет никакой теории риторики, но я стараюсь придерживаться принципа, что надо не уговаривать, а скорее очертить позицию, насколько это возможно, так, чтобы другой мог использовать свои собственные интеллектуальные ресурсы, чтобы определить для себя, что происходит, что правильно, а что — нет. Также, особенно в политических статьях, я стараюсь предельно ясно выразить, на чем я основываюсь, исходя из чего читатели могут сделать соответствующие выводы. Идея нейтральной объективности в лучшем случае вводит в заблуждение и часто оказывается мошенничеством. Даже если мы не можем помочь, то можем дать подход к решению сложных

и спорных вопросов, в особенности имеющих значение для человека, с определенной точки зрения, в определенном срезе, если хотите, и этот срез должен быть виден сразу, так что те, к кому мы обращаемся, могли увидеть, как мы двигаемся, исходя из своего отбора и интерпретации событий истории.

В той небольшой мере, в которой я могу контролировать свою собственную риторическую деятельность, я стараюсь воздерживаться от того, чтобы передавать людям выводы просто, без размышлений с их стороны. Подобно этому, всякий хороший учитель знает, что передача информации гораздо менее важна, чем помощь студентам в овладении навыком исследовать и творить самостоятельно.

С. Д. П. и Л. С.: На протяжении уже довольно долгого времени популярна точка зрения, что знание является социально сконструированным, и сторонники идеи о том, что знание является просто результатом консенсуса по какому-либо вопросу, требующему исследования и анализа, утверждают, это справедливо и для самой реальности. Согласны ли вы с этой релятивистской идеей знания и реальности?

Н. Х.: Я думаю, что это не так, хотя некоторая доля истины здесь есть. Без сомнения, стремление к знаниям руководствуется первичными представлениями, и, без сомнения, также часто — не всегда, но как правило — они вырабатываются в ходе совместной деятель-

ности. Это по существу верно для организованного знания, скажем, исследований в области естественных наук. Например, аспирант приходит и сообщает мне, что я был не прав в том, о чем говорил вчера на лекции, по той или иной причине. Мы будем это обсуждать, будем соглашаться или не соглашаться, и, возможно, обнаружится еще ряд проблем. Это нормальный процесс. Любой результат есть некоторая форма познания или понимания, которая, в частности, социально обусловлена природой такого взаимодействия.

Мы еще не знаем многого о том, как приобретается научное знание и как оно развивается. Если мы обратимся к тем областям, о которых мы что-то знаем, то увидим, что развитие когнитивных систем, включая систему познаний и понимания, по сути, определено нашей биологической природой. В случае со знанием языка у нас есть четкие доказательства и значимые результаты этого. Отчасти мой личный интерес к изучению языка возник потому, что в этой области данные вопросы могут быть исследованы относительно точно, в гораздо большей степени, чем во многих других областях. К тому же мы касаемся не каких-то несущественных моментов, но того, что является неотъемлемой частью человеческой природы и человеческой деятельности. Я думаю, что здесь мы имеем очень веские доказательства прямого влияния

биологической природы на формирование системы знаний.

О других областях, например о внутреннем устройстве нашего морального кода, мы знаем меньше, хотя есть довольно интересные и показательные исследования по этой теме. Я думаю, что с точки зрения качества природа проблемы подсказывает очень схожий вывод о непосредственном влиянии биологической природы. Если обратиться к научно-исследовательской деятельности, то, опять же, так мало известно о том, как она протекает — как совершаются открытия, — что все в итоге сводится к спекуляции и анализу исторических примеров. Но я думаю, что качественный характер процесса приобретения научных знаний лишний раз подтверждает в высшей степени непосредственное влияние биологической природы. Основу этого раскрыл Платон, идеи которого, я полагаю, являются по сути верными. Вот почему эту проблему иногда называют «проблемой Платона». Смысл рассуждения в платоновских диалогах заключается в том, что богатство, специфичность и общность знания мы постигаем далеко не полностью, что может быть обусловлено имеющимся опытом, который включает в себя межличностные взаимодействия. И независимо от божественных действий, которые остаются лишь возможными, в конечном счете наше знание внутренне определено биологической природой.

Это та же логика, которой обычно пользуются ученые-естественники при изучении органических систем. Так, например, когда мы изучаем физическое развитие, образно говоря, того, что находится «ниже шеи», то есть всего, кроме разума, и принимаем эти рассуждения на веру... Допустим, я скажу вам, что пубертат — это вопрос социального взаимодействия и он имеет место, потому что одни люди видят, что другие прошли через это, чувствуют давление со стороны сверстников. Вы бы засмеялись. Почему? В окружающей среде нет ничего, что могло бы направлять эти очень специфические изменения в организме. Соответственно, мы все принимаем как должное, что это биологически предопределено, что развитие ребенка запрограммировано таким образом, чтобы он прошел период полового созревания на определенном этапе жизни. Социальные факторы не оказывают никакого влияния на течение этого процесса? Нет, не совсем так. Конечно, необходимо соответствующее социальное взаимодействие. В условиях социальной изоляции он может даже не состояться. Та же логика действует, если мы продолжаем исследование «выше шеи».

С. Д. П. и Л. С.: Возвращаясь к теме взаимосвязи между религией и политикой, по утверждению многих комментаторов, израильско-палестинский конфликт является войной за религию, а не за территории. Насколько это верно?

Н. Х.: Сионистское движение было изначально светским, хотя религиозные элементы приобрели особенно большую роль, в частности, после войны 1967 года и начала оккупации, которая оказала существенное воздействие на израильское общество и культуру. Это в особенности важно для военных, эта проблема вызывает глубокую обеспокоенность аналитиков начиная с 1980-х годов (предупреждения Йорама Пери в то время оказались точными) и в еще большей мере сегодня. Палестинское движение также было в значительной степени светским, хотя там религиозный экстремизм тоже растет, и так на самом деле во всем мусульманском мире, где светские инициативы были отброшены и этой жертве стали искать какое-то объяснение. Однако, я думаю, было бы совершенно неверно расценивать это как войну религий. Что бы мы ни думали о нем, сионизм был колониальным движением со всеми вытекающими из этого последствиями.

С. Д. П. и Л. С.: Что вы думаете о французском законе о светскости и бросающихся в глаза религиозных символах? Это шаг вперед или назад в смысле прогресса и универсализма?

Н. Х.: Я не думаю, что должны быть законы, предписывающие женщине снимать чадру или выбирать ту или иную одежду для купания. Я полагаю, что светские ценности нужно уважать. Среди них есть и уважение к индивидуальному выбору до тех пор, пока он не на-

носит вред другим. Светские ценности, которые должны соблюдаться, подрываются, когда государственная власть вторгается в сферу личного выбора. Если евреи-хасиды предпочитают одеваться в черные плащи, белые рубашки и черные шляпы, с волосами, уложенными в ортодоксальном стиле, то это не дело государства. То же самое, если мусульманская женщина решает надеть шарф или плавать в буркини.

Конструируя образ «вечного мира»: интервью с Ноамом Хомским

*(Первоначально опубликовано в Truthout
19 июня 2016 года)*

С. Д. Полихрониу: Ноам, объяснение упадка демократии как отражение политической апатии, проявляющегося в Соединенных Штатах и в Европе, данное в книге *Who Rules the World?*, заключается в убеждении большей части населения западных обществ «в том, что несколько больших игроков управляют политикой». Это, безусловно, верно, но разве так было всегда? Я имею в виду, что люди всегда знали о том, что политика находится в руках элиты, но это не мешало им в прошлом стремиться оказывать влияние на политические результаты с помощью голосования и других средств. Итак, какими же конкретными факторами может объясняться аполитичность нашего времени?

Ноам Хомский: «Покорность», возможно, здесь более подходящее слово, чем «апатия», и даже, полагаю, куда более глубокое.

С начала 1980-х годов опросы общественного мнения в США показывали, что большинство людей считает, что власть сосредотачивается в руках немногочисленных крупных бизнесменов... Я не знаю более ранних опросов или опросов в других странах, но было бы неудивительно, если результаты были аналогичны. Важный вопрос: люди мотивированы на изменение такого положения вещей? Это зависит от многих факторов, обязательно включая осознание того, что это (изменения. — *Пер.*) для них возможно. Серьезная задача активистов состоит в том, чтобы помочь им развить это понимание и поощрять людей к осознанию того, что они могут. Двести пятьдесят лет назад в одной из первых современных работ по политической теории Дэвид Юм заметил, что «власть находится в руках управляемых», если только они решат воспользоваться ею, и, в конечном итоге, «это всего лишь мнение», — то есть мнение доктрины и пропаганды, — что они не могут реализовать свою власть. Его можно преодолеть, что часто происходило.

Тридцать пять лет назад политолог Уолтер Дин Бернхем определил «полное отсутствие социалистической или трудовой народной партии, спланированное конкурентами на избирательном рынке» как основную причину высокого уровня явки на выборах в США. Традиционно рабочие движения и партии рабочего класса играли ведущую роль в предложениях способов «влия-

ния на политические результаты» в рамках избирательной системы и на улицах, и в цехах. Этот потенциал значительно снизился под натиском неолиберализма, который вел ожесточенную войну против профсоюзов на протяжении всего послевоенного периода.

В 1978 году, еще до того как Рейган усилил атаки на труд, президент организации работников автомобильной промышленности Дуг Фрэйзер понял, что происходит, — слишком поздно! — и раскритиковал «представителей бизнес-сообщества» за «решение вести одностороннюю классовую войну в стране... войну против трудящихся, безработных, бедных, меньшинств, очень молодых и очень пожилых и даже многих представителей среднего класса нашего общества», а также за то, что они «пренебрегли и нарушили хрупкий неписаный договор, действовавший ранее, в период роста и прогресса». Руководство объединения вступило — отчасти для собственной выгоды, как и для выгоды трудовой бюрократии, — в договор с собственниками и менеджерами во время послевоенного роста и высоких прибылей, которые кончились в 1970-х. К тому времени мощная атака на труд уже успела нанести довольно серьезный ущерб. Она приняла еще более крайние формы в период в корне антинародной администрации Рейгана.

Между тем демократы совершенно забыли об интересах рабочего класса. Независимые политические

партии были по большей части маргинальными, а политическая активность, несмотря на свое широкое распространение, [часто] оставляла в стороне проблемы рабочих и дала очень немного белому рабочему классу, который сейчас дрейфует в руки своего классового врага. В Европе уровень демократии неуклонно снижается, так как основные политические решения сместились в сторону бюрократии Брюсселя, работающей в тени северных банков. Но, как мы видим в современных политических кампаниях в США и Европе, есть много мер противодействия этому, разрушительных и иных, достаточно перспективных и продуктивных.

С. Д. П.: В вашей книге вы ссылаетесь на «невидимую руку власти». Каков точный смысл этого выражения и в каких ситуациях и обстоятельствах оно может применяться для понимания внутренних и глобальных политических событий?

Н. Х.: Я использовал эту фразу для обозначения руководящих доктрин формирования политики, иногда прописанных в документах, иногда легко обнаруживаемых в происходящих событиях. Есть много примеров в международной и внутренней политике. Иногда их смысл высвечивается на большом расстоянии или же речь идет о значительных исторических событиях. Например, реальная природа холодной войны в значительной мере проявилась, когда СССР распался и далее было уже просто невозможно заявлять, что

русские наступают. Интересен анализ политических мотивов, скрытых под предложениями холодной войны и [внезапно] исчезнувших.

Из документов администрации Буша мы узнаем, например, что нам необходимо сохранять войска нацеленными на Ближний Восток, где угроза нашим интересам «исходит не из дверей Кремля», вопреки давнему обману. Скорее серьезная проблема заключается в «радикальном национализме» — термин, регулярно использующийся для независимого национализма, который находится под контролем. То есть собственно главная тема холодной войны замаскирована речами о великом враге.

Судьба НАТО тоже показательна. Блок был создан и поддерживался якобы в целях защиты от русских войск. К 1991 году этой угрозы уже не было, Варшавского договора тоже, а Михаил Горбачев предложил широкую систему безопасности без военных пактов. Что происходит с НАТО? Оно расширяется на восток в нарушение данных президентом Бушем-старшим и госсекретарем Джеймсом Бейкером Горбачеву обещаний, которые были сделаны специально, чтобы ввести его в заблуждение и получить от него согласие на вхождение Германии в НАТО, о чем убедительно свидетельствует проводимая в последнее время архивная работа.

Переходя в другую область, свободный рыночный капитализм, превозносимый в доктрине, по существу,

отражает исследование крупных банков, проведенное МВФ, которое показало, что их прибыль в основном формируется из неявных страховых услуг.

Примеров предостаточно, и они весьма показательны.

С. Д. П.: После окончания Второй мировой войны капитализм на Западе, а на самом деле по всему миру, сумел удержать и расширить свое господство не только политическими и психологическими методами, но и с помощью репрессивного государственного аппарата, в том числе военных. Можете ли вы рассказать немного об этом в связи с вопросом о том, «кто правит миром»?

Н. Х.: «Бронированного кулака» [угрозы вооруженных или провластных сил] недостаточно даже в самых свободных обществах. В послевоенных США самым ярким примером этого была COINTELPRO — программа, запущенная политической полицией (ФБР) с целью искоренения инакомыслия и активизма в широком смысле слова, вплоть до политической расправы (над создателем партии «Черных пантер» Фредом Хэмптоном). Совершенно ненужное массовое лишение свободы населения (в основном афроамериканского, в силу понятных исторических причин) — это еще один способ.

За рубежом кулак также постоянно формируется, непосредственно или через помощников. Войны в Ин-

докитае — это самый крайний случай, худшее за всю послевоенную историю XX века преступление, раскритикованное в основном как «промах», подобно вторжению в Ирак — самому страшному преступлению века нового. Одним из весьма значимых примеров послевоенного времени является эпидемия жестоких репрессий, которая распространилась в странах Латинской Америки после того, как Джон Кеннеди фактически перевел военную миссию из разряда «обороны полушария» в разряд «внутренней безопасности» — эвфемизм для войны против населения. Она имела ужасающие для всего континента последствия, достигнув Центральной Америки в виде кровавых войн Рейгана, в основном опиравшегося на силы террористов и государств-клиентов.

С. Д. П.: Нет никаких сомнений в том, что обладающие колоссальной силой США находятся в упадке. Каковы причины и последствия американского упадка?

Н. Х.: Влияние США достигло своего пика, находясь на исторически беспрецедентном уровне в конце Второй мировой войны. Однако это не могло продолжаться постоянно. В очень скором времени после того, что весьма характерно называется «потерей Китая» [превращение Китая в коммунистическое государство в 1949 году], влияние начало ослабевать. Этот процесс продолжился в дальнейшем в связи с восстановлением индустриальных обществ после военной разрухи и про-

цессом деколонизации. Одним из проявлений упадка является изменение отношения к ООН. В первые послевоенные годы она была уважаема, хотя едва ли представляла собой нечто большее, чем простой инструмент власти США. В большей степени под ее удар попадали — как «антиамериканские» — те, кто выходил из-под контроля, так что после 1970 года, когда США присоединились к Великобритании в поддержку расистского режима Южной Родезии, они удерживали рекорд по количеству вето после 1970 года. Тогда мировая экономика была трехсторонней: Европа во главе с Германией, Восточная Азия во главе с Японией, Северная Америка во главе с США.

В военном плане США остаются лидером. Отсюда можно вывести много следствий. Одно из них — обращение к «добровольной коалиции», когда международное общественное мнение, и даже союзники, подавляющим большинством выступает против интервенции США, как и в случае с вторжением в Ирак. Другой — «мягкие перевороты», вроде теперешнего в Бразилии, вместо поддержки неонацистской национальной безопасности государства, как было в недалеком прошлом.

С. Д. П.: Если США по-прежнему первая в мире сверхдержава, какую страну или организацию вы считаете второй сверхдержавой?

Н. Х.: Сейчас много говорят о Китае как развивающейся сверхдержаве. По мнению многих аналитиков,

у него есть все шансы обогнать США. Нет никаких сомнений в растущем значении Китая на мировой арене: он уже обогнал США по некоторым экономическим показателям (хотя все еще сильно отстает по уровню доходов на душу населения). В военном плане Китай гораздо слабее; столкновения происходят в прибрежных водах вблизи Китая, а не в Карибском море или у берегов Калифорнии. Но Китай сталкивается с очень серьезными внутренними проблемами — с репрессиями труда и протестами, с серьезными экологическими угрозами, с нехваткой рабочей силы и другими. Экономика Китая даже во время подъема по-прежнему сильно зависит от более передовых промышленно развитых стран на периферии и на Западе, хотя в этом плане что-то меняется, а в некоторых высокотехнологичных областях, таких как проектирование и разработка солнечных батарей, Китай, кажется, уже занимает первое место в мире. Так как Китай окружен морями, это компенсируется расширением на Запад, возрождением чего-то вроде старого Шелкового пути в рамках евразийской системы, которое происходит в значительной степени под влиянием Китая и в ближайшее время достигнет Европы.

С. Д. П.: В течение длительного времени вы утверждаете, что ядерное оружие представляет собой одну из двух величайших угроз для человечества. Почему крупные державы так неохотно уничтожают ядерное

оружие? Разве существование такого оружия не представляет угрозу для самого «повелителя Вселенной»?

Н. Х.: Весьма примечательно, как мало беспокоятся разработчики о перспективах собственного уничтожения — это не ново в мировых делах (те, кто был инициатором войны, нередко в итоге разорялись), но сейчас совершенно иной масштаб. Мы видим это с самых первых дней атомного века. Сначала США были практически неуязвимы, хотя на горизонте была одна серьезная угроза: МБР [межконтинентальные баллистические ракеты] с водородными боеголовками. Архивные исследования сейчас подтверждают то, о чем догадались раньше: не было никакого плана, даже мысли по достижению соглашения, которое бы запрещало это оружие, хотя есть веские основания полагать, что это могло быть осуществлено.

Те же настроения господствуют в настоящее время, когда колоссальное наращивание сил на традиционном пути вторжения в Россию создает серьезную угрозу ядерной войны.

Разработчики вполне доходчиво объясняют, почему так важно иметь такое оружие. Один из очевидных аргументов содержится в одном частично рассекреченном документе времен Клинтона, выданном Стратегическим командованием (STRATCOM), которое отвечает за политику в области ядерных вооружений и его использование. Документ называется «Основы

доктрины сдерживания после холодной войны». Термин «сдерживание», подобно «обороне», — известный оруэллизм, отсылающий к насилию и нападению. Документ разъясняет, что «ядерное оружие всегда бросает тень на любой кризис или конфликт» и поэтому должно быть доступно в качестве перевеса. Если противник знает, что оно у нас есть и что мы можем его использовать, он может отступить — характерная черта дипломатии Киссинджера. В этом смысле ядерное оружие постоянно используется, о чем не раз говорил Даниэль Эллсберг, подобно тому, как используется пистолет, когда грабят магазин, но при этом не стреляют. В одном из разделов своего доклада, в главе «Поддержание двусмысленности», он говорит, что «разработчики не должны быть слишком рациональными при определении того, что противник ценит больше всего» в каждом конкретном случае.

«Одной из наиболее тревожных и опасных тенденций является растущая изоляция элиты от любой системы демократической отчетности», — говорит Ноам Хомский. «То, что США могут стать иррациональными и мстительными, если их жизненно важные интересы подвергнутся атаке, должно быть частью национального образа, который мы создаем», [говорится в докладе с добавлением, что] для нашей стратегической позиции «полезно», если «некоторые элементы будут казаться находящимися „вне всякого контроля“». Теория су-

масштабного Никсона, но на этот раз изложенная в хорошо структурированном документе, а не просто по воспоминаниям консультанта (Холдемана в случае Никсона).

Как и другие документы первых лет после холодной войны, этот также был практически проигнорирован. (Я уже ссылался на него несколько раз, цитируя незаметно то, что я знаю.) Весьма показательное пренебрежение. Простой логики достаточно, чтобы увидеть, что этот документ после исчезновения мнимой российской угрозы в высшей степени ясно говорит о том, что произошло на самом деле.

С. Д. П.: Администрация Обамы сделала несколько шагов навстречу Кубе. Как вы считаете, в ближайшее время наступит конец эмбарго?

Н. Х.: Весь мир уже давно против эмбарго, как показывает ежегодное голосование по вопросу эмбарго на Генеральной Ассамблее ООН. Сейчас нас поддерживает только Израиль. Раньше США иногда могли рассчитывать на тихоокеанские острова или некоторых других зависимых. Конечно, Латинская Америка категорически против. Намного интереснее то, что ведущие секторы американского капитала уже давно выступали за нормализацию отношений, как и общественное мнение: АПК, фармацевтика, энергетика, туризм и другие. Если нормой стало игнорирование общественного мнения, то отвергающий большие

концентрации бизнеса мир говорит нам, что здесь на самом деле есть значительный «государственный интерес». Похоже, у нас хватит здравого смысла признать, что такие интересы есть.

Со времен Кеннеди и до сегодняшнего дня было возмущение по поводу американской политики «успехов наперекор Кубе», восходящей к доктрине Монро, которая свидетельствует о намерении контролировать полушарие. Тогда эта задача была нерешаемой из-за относительной слабости, также как и потому, что британский сдерживающий фактор помешал США достичь своей первой цели во «внешней политике» — завоевания Кубы в 1820-х годах (здесь термин «внешняя политика» используется в общепринятом смысле, который включает то, что историк Бернард Портер называет «ошибкой соленой воды»: завоевание только тогда становится имперским, когда оно пересекает соленые воды, так что уничтожение индейцев и захват половины Мексики не были «империализмом»). США достигли своей цели в 1898 году, помешав Кубе обрести независимость от Испании и сделав ее фактически колонией.

Вашингтон никогда не смирится с тем невыносимым высокомерием Кубы, обретшей независимость в 1959 году, отчасти потому, что США отказались вернуть ценную территорию Гуантанамо, отчужденную по «соглашению» под дулом пистолета в 1903 году и не

возвращенную, несмотря на просьбы правительства Кубы. Кстати, можно вспомнить, что грубейшие нарушения прав человека на Кубе происходят на этих украденных территориях, на которые США имеют гораздо меньше прав, чем Россия на Крым, также возвращенный силой.

Но вернемся к вопросу: сложно сказать, согласятся ли Штаты снять с Кубы эмбарго, длящееся уже более двухсот лет, если не все его условия будут приняты ею.

С. Д. П.: Как вы определяете и оцениваете историческое значение и влияние кубинской революции на международные дела и развитие социализма?

Н. Х.: Ее влияние на положение дел на международной арене было необыкновенным. Прежде всего Куба сыграла очень важную роль в освобождении Западной и Южной Африки. Ее войска отразили поддерживаемое США вторжение ЮАР в Анголу, вынудив ЮАР отказаться от попыток создать региональную систему поддержки и незаконного захвата Намибии. Тот факт, что черные кубинские войска одержали победу над ЮАР, имел огромное психологическое влияние как в Белой, так и в Черной Африке. Замечательный опыт убежденного интернационализма, совершенно бескорыстно проводимого с большим риском против властвующей сверхдержавы, которая была последним оплотом апартеида в Южной Африке. Неудивительно,

что, когда Нельсон Мандела был освобожден из тюрьмы, одним из его первых действий было заявление:

«В течение всех лет, которые я провел в тюрьме, Куба была источником вдохновения, а Фидель Кастро — надежной опорой... [Кубинская победа] разрушила миф о непобедимости белого угнетателя [и] вдохновила на борьбу народ Южной Африки... переломный момент в освобождении нашего континента и моих людей... от ужасов апартеида... Какая еще страна могла бы проявить больше бескорыстия, чем Куба по отношению к Африке?»

Кубинская медицинская помощь бедным и страждущим областям также поистине замечательна.

В самой стране также были очень значительные достижения, среди которых выживание перед лицом США, которые старались перенести «ужас, которого не знала Земля» на Кубу (выражение историка Артура Шлезингера из написанной им биографии Роберта Кеннеди, которая была поручена ему в знак его высоких заслуг), в условиях жесткой блокады. Кампании по борьбе с неграмотностью были весьма успешны, а система здравоохранения по праву признана повсеместно. Есть серьезные нарушения прав человека и ограничения политических и личных свобод. В какой мере они объясняются внешними атаками, а в какой — независимыми политическими решениями, вопрос спорный, но для американцев осуждение таких нарушений

без признания своей огромной ответственности прида-ет новый смысл их лицемерию.

С. Д. П.: Остаются ли США ведущим сторонником мирового терроризма?

Н. Х.: Автор обзора нескольких недавних книг о проводимой Обамой кампании глобальных убийств (Drope campaign) в *American Journal of International Law* приходит к выводу, что есть «убедительные доводы», что эта кампания «незаконна»: «атаки американских беспилотников, как правило, нарушают международное право, усугубляют проблему терроризма и нарушают основополагающие моральные принципы» — разумная оценка, я полагаю. Детали холодной и расчетливой президентской машины убийств ужасающи, как, например, и позиция Департамента юстиции Обамы относительно «презумпции невиновности» — базового элемента современного права, восходящего к Великой хартии вольностей, созданной 800 лет назад. Вот как позиция была объяснена в *New York Times*: «Г-н Обама избрал спорный способ подсчета жертв среди мирного населения противника. По сути, он рассматривает всех мужчин призывного возраста, находящихся в зоне удара, как военных, следуя мнению ряда чиновников администрации, если нет очевидных посмертных доказательств их невиновности», то есть уже после убийства. В больших племенных зонах Пакистана и Йемена и в других странах население трав-

мировано страхом внезапного убийства с неба, которое может произойти в любой момент. Выдающийся антрополог Акбар Ахмед с большим профессиональным и личным опытом общения с племенными сообществами, которые подвергаются нападению по всему миру, убедительно показывает, как эти покушения вызывают желание отомстить, что неудивительно. Разве мы отреагировали бы иначе?

Только этими кампаниями, я думаю, США обеспечивают себе добычу.

С. Д. П.: Исторически, при капитализме, грабеж бедных и присвоение природных ресурсов слабых наций было любимым занятием богатых государств и империй. В прошлом грабеж происходил в основном путем прямой физической эксплуатации и военных завоеваний. Как меняется способ эксплуатации в эпоху финансового капитализма?

Н. Х.: Госсекретарь Джон Фостер Даллес раз жаловался президенту Эйзенхауэру, что коммунисты имеют несправедливое преимущество. Они могут «обращаться непосредственно к массам» и «получить контроль над массовыми движениями, что мы не сможем повторить. Бедные — те, к кому они апеллируют, — всегда хотели грабить богатых». Не так легко реализовать принцип, что богатые имеют право грабить бедных.

Это правда, средства изменились. Международное Соглашение о свободной торговле (FTAs) является хо-

рошим примером этого, в том числе нынешние переговоры, происходящие в основном втайне от населения, но не от корпоративных юристов и лоббистов, которые владеют подробностями. Соглашение отказывается от «свободной торговли»: оно очень протекционистское, с обременительными патентными правилами, созданными для того, чтобы гарантировать сверхприбыли фармацевтической промышленности, медиаконгломератам и другим, а также для защиты богатых профессионалов, в отличие от работающих людей, которые находятся в конкуренции со всем миром с очевидными последствиями. Соглашение в значительной степени касается не торговли, а скорее защиты прав инвесторов, таких как право корпораций (конечно, не простых людей из плоти и крови) подавать в суд на правительства за действия, которые могут снижать потенциальную прибыль иностранных инвесторов, и правил, касающихся окружающей среды, охраны здоровья и техники безопасности. Многие из того, что называется торговлей, не заслуживает такого названия, например производство деталей в Индиане, сборка в Мексике, продажа в Калифорнии: все в целом в рамках командной экономики, мегакорпорации. Свободное движение капитала при отсутствии движения рабочей силы. Тем самым нарушается то, что Адам Смит считал основным принципом свободной торговли, — свободное движение рабочей силы. И в довер-

шение всего Соглашение действует только между членами демократических обществ.

С. Д. П.: Это значит, что сейчас мы живем в постимпериалистическую эпоху?

Н. Х.: Мне кажется, это просто вопрос терминологии. В процессе изменения мира господство и принуждение принимают многочисленные и разнообразные формы.

С. Д. П.: Последние несколько лет мы видим, как так называемые прогрессивные лидеры приходят к власти в результате выборов только для того, чтобы предать клятвы, данные народу, в момент их вступления в должность. Какие средства или механизмы должны быть в подлинно демократической системе, чтобы гарантировать, что народные избранники оправдают доверие избирателей? Например, древние афиняне придумали «право отзыва», которое в XIX веке стало очень важным, хотя и малоизвестным, элементом проекта будущего социального и политического порядка конкретных социалистических движений. Вы за возрождение этого механизма как значимого компонента реальной устойчивой демократии?

Н. Х.: Я думаю, сильный случай может дать право в той или иной форме, подкрепленной свободным и независимым исследованием, следить за тем, что делают избранники. Великое достижение Челси Мэннинга, Джулиана Ассанжа, Эдварда Сноудена и других

современных «разоблачителей» заключается в том, что они служат и продвигают фундаментальные права граждан. Реакция органов государственной власти показательна. Как известно, администрация Обамы побила все рекорды по наказанию разоблачителей. Примечательно также, насколько запугана Европа. Мы увидели, насколько все драматично, когда самолету президента Боливии Эво Моралеса, возвращавшегося домой из Москвы, страны Европы, пребывавшие в сильном страхе перед Вашингтоном, не разрешили пересечь свое воздушное пространство из-за подозрений, что на борту может находиться Эдвард Сноуден. Когда же самолет приземлился в Австрии, его обыскивала полиция, нарушая дипломатический протокол.

С. Д. П.: Возможно ли в принципе оправдать террористический акт против руководителей, которые нагло предали доверие избирателей?

Н. Х.: «В принципе» — сильное выражение. Трудно представить себе все возможные обстоятельства. Бремя доказательств в случае применения насилия должно быть очень весомым, и даже в этом случае, кажется, чрезвычайно трудно его оправдать.

С. Д. П.: Возможно и/или желательно по-настоящему справедливое общество при нынешнем состоянии человека, какой он есть, в окружении людей, имеющих очевидно различные навыки, умения, убеждения и стремления?

Н. Х.: Человеческая природа одна у святых и у грешников, в каждом из нас заложены все эти возможности. Я не вижу конфликта между эгалитарным пониманием и человеческим многообразием. Можно, пожалуй, утверждать, что те, у кого больше навыков и талантов, уже вознаграждены умением реализовать их, поэтому они заслуживают меньше внешнего вознаграждения, хотя я не согласен с этим. Что касается возможности более справедливых и свободных социальных институтов и практик, то здесь мы никогда не можем быть уверены заранее, и можно только стремиться сузить границы, насколько это возможно, избегая явных причин, которые могли бы привести к провалу.

С. Д. П.: На ваш взгляд, каким должно быть хорошее общество и какая форма мирового порядка будет необходима, чтобы полностью исключить вопросы о том, кто правит миром?

Н. Х.: Мы можем создать образ «вечного мира», воплощение кантианского проекта, и общества свободных и творческих личностей, не подчиненных иерархии, господству, вольных в принятии решений. Мое личное мнение, с которым уважаемые друзья и товарищи по борьбе не согласятся: мы не располагаем достаточными данными, чтобы изложить подробности с большей уверенностью, и можем предположить, что на этом пути будет необходимо провести серьезные

эксперименты. Есть очень срочные задачи, не последнее по значению вопросы буквального выживания организованного человеческого сообщества, вопросы, которые не поднимались никогда ранее в истории человечества, но от которых сейчас уже не уйти. Есть много других задач, которые требуют немедленной и самоотверженной работы. Это дает нам здравый смысл, позволяющий держать в уме долгосрочные устремления в качестве руководящих принципов для решения насущных вопросов, а также сознавать, что сами эти руководящие принципы не являются неизменными. Нам предстоит сделать еще очень много.

Хомский: Все это хорошо для богатых и обладающих властью

*(Первоначально опубликовано в Truthout
на 8 декабря 2013 года
(в соавторстве с Анастасией Джамали))*

С. Д. Полихрониу: Неолиберальная идеология утверждает, что правительство — это проблема, общества не существует и люди сами ответственны за свою судьбу. Однако большой бизнес и богатые, как всегда, опираются на вмешательство государства, чтобы сохранить свою власть над экономикой и насладиться еще большим куском экономического пирога. Неолиберализм — это только миф, идеологический конструкт?

Ноам Хомский: Термин «неолиберальный» немного вводит в заблуждение. Эта доктрина не является ни новой, ни либеральной. Как говорится, большой бизнес и богатые люди полагаются исключительно на то, что экономист Дэн Бейкер называет «консервативным государством-нянькой», которое они подпитывают.

Это в значительной мере касается финансовых учреждений. В недавнем исследовании МВФ прибыль крупных банков («слишком больших, чтобы рухнуть») почти полностью объясняется неявной государственной страховкой, не только широко разрекламированной экономической помощью, но и доступом к дешевым кредитам, выгодными рейтингами вследствие государственных гарантий и многим другим. То же верно и для производящего сектора экономики. ИТ-революция, ныне его движущая сила, в большой мере опирается на государственные НИОКР, закупки и другие механизмы. Эта модель восходит к эпохе ранней английской индустриализации.

Однако ни «неолиберализм», ни его более ранние версии вроде «либерализма», конечно, не были мифами для их жертв. Историк Пол Бэйрох является лишь одним из тех, кто показал, что «принудительная либерализация экономик третьего мира в XIX веке является главным моментом, объясняющим задержку его индустриализации», по факту, его «де-индустриализацию» — история, которая под различными предлогами продолжается до настоящего времени.

Короче говоря, эти учения по большей части — мифы для богатых и влиятельных, которые создают механизмы защиты от рыночных сил, а не для бедных и слабых, которые подвергаются их разрушительному воздействию.

С. Д. П.: Чем объясняется господство рыночно ориентированных правил и хищных финансовых условий в эпоху, когда мы переживаем самый разрушительный кризис капитализма со времен Великой депрессии?

Н. Х.: Основное объяснение обычно одно: все это весьма хорошо для богатых и влиятельных. В США, например, десятки миллионов безработных, неизвестно, сколько миллионов потерявших работу в отчаянии, доходы и условия жизни в основном или не меняются, или ухудшаются. Но крупные банки, ответственные за последний кризис, стали больше и богаче, чем когда-либо, корпоративная прибыль бьет рекорды, богатство большее, чем в самых алчных мечтах, накапливается у тех, кто спровоцировал разорение профсоюзов и «растущую незащищенность рабочих», если воспользоваться термином Алана Гринспена, использованным при описании грандиозного успеха экономики, которой он управлял, когда еще был «святым Аланом», возможно, величайшим экономистом наряду с Адамом Смитом, до распада возглавляемого им ведомства вместе с его интеллектуальным основанием. Так на что здесь жаловаться?

Рост финансового капитала связан с уменьшением нормы прибыли в отраслях и новыми возможностями для более широкого распространения продукции в местах, где труд легче эксплуатировать и ограничение капитала самое слабое, а доходы распределяются по

местам с самой низкой [налоговой] ставкой («глобализация»). Этот процесс обусловлен технологическими изменениями, которые способствуют росту «бесконтрольного финансового сектора», который «разъедает современную рыночную экономику [то есть производительную экономику] изнутри подобно тому, как личинка осы питается телом паука, в котором она была отложена», используя вызывающую фразу Мартина Вулфа из Financial Times, пожалуй, самого уважаемого финансового корреспондента в англоязычном мире.

Кроме того, как было замечено, «рыночно ориентированные правила» устанавливают жесткий порядок для многих и мало кто может эффективно противостоять им.

С. Д. П.: Как вам идея о засилье транснациональной элиты и конце национального государства, сторонники которой, в частности, утверждают, что этот новый мировой порядок уже наступил?

Н. Х.: В некотором смысле она верна, но ей нельзя придавать слишком большое значение. Транснациональные корпорации по-прежнему опираются на государство в вопросах экономической и военной защиты, так же как и, по сути, в вопросе инноваций. Международные организации в основном остаются под контролем самых могущественных государств, и в целом ориентированный на государство мировой порядок остается достаточно стабильным.

С. Д. П.: Европа подходит все ближе к концу «общественного договора». Вас это удивляет?

Н. Х.: В интервью *The Wall Street Journal* Марио Драги сообщил, что «на континенте традиционный общественный договор», внесший, вероятно, основной вклад в современную цивилизацию, «устарел» и должен быть ликвидирован. И он является одним из международных чиновников, которые делают все, чтобы защитить свои позиции. Бизнес всегда недолюбливал общественный договор. Вспомним эйфорию в деловой прессе после падения «коммунизма», открывшего новую рабочую силу — образованных, обученных, здоровых и даже светловолосых и голубоглазых людей, которых можно использовать, чтобы нарушить «роскошный образ жизни» западных рабочих. Это не результат действия неумолимых сил, экономических или иных, а политическая стратегия, основанная на интересах политиков, которыми скорее будут банкиры и директора, нежели дворники, убирающие их кабинеты.

С. Д. П.: Одной из самых больших проблем, с которой сталкиваются многие части передового капиталистического мира сегодня, является долговое бремя государственного и частного секторов. В периферийных странах еврозоны, в частности, долги имеют катастрофические социальные последствия, поскольку «люди всегда платят», как вы многозначительно заметили ра-

нее. Для пользы сегодняшних активистов не могли бы вы объяснить, в каком смысле долг — это «социальный и идеологический конструкт»?

Н. Х.: Есть много причин. Одна была хорошо схвачена во фразе исполнительного директора МВФ Карин Лиссакерс, которая назвала этот институт «инфорсером кредитного сообщества». В капиталистической экономике если вы одолжите мне денег и я не смогу вернуть их вам, то это ваша проблема: вы не можете требовать, чтобы мои соседи погасили долг. Но так как богатые и власть имущие защищают себя от рыночного порядка, то ситуация выглядит совершенно иначе, когда большой банк ссужает деньги рискованным заемщикам, а следовательно, под большие проценты и с прибылью, а они в какой-то момент перестают платить. Тогда приходит на помощь «инфорсер кредитного сообщества», обеспечивающий выплату долга передачей ответственности широкой публике в виде программ реструктуризации, экономии и тому подобным. Если богатый не хочет погашать такой долг, он может объявить его «одиозным» и поэтому неправильным, перекладывая его нечестным путем на слабых. Огромное количество долгов «одиозно» в этом смысле, но мало кто может призвать на помощь мощные институты, чтобы спастись от тягот капитализма.

Есть много других способов. J. P. Morgan Chase совсем недавно была оштрафована на 13 млрд долларов

(половина налогов) за то, что должно быть расценено как преступление с мошенническими ипотечными схемами, из-за которых простые люди оказались безнадежно отягощены бременем долга.

Генеральный инспектор правительства США по программе помощи, Нил Барофский, подчеркнул, что формально это была законная сделка: виновные банки были спасены, а их жертвы — люди, потерявшие свои дома, — должны получить некоторую ограниченную защиту и поддержку. Как он поясняет, только первая часть сделки была действительно реализована, а план стал «подарком руководителей Уолл-стрит» — это не удивило никого, кто действительно знаком с «реалиями капитализма».

Список можно продолжать.

С. Д. П.: Во время кризиса греков всюду изображали как ленивых и коррумпированных налоговых уклонистов, которые просто хотели демонстраций. Эта точка зрения стала господствующей. Какие механизмы использовать, чтобы изменить общественное мнение? Можно ли найти решение в данной ситуации?

Н. Х.: Такой образ создан финансовыми и политическими элитами в рамках господствующего дискурса. Искажение и обман могут быть прекращены только путем подрыва их власти и создания органов народной власти, как и во всех других случаях угнетения и господства.

С. Д. П.: Каково ваше видение происходящего в Греции, особенно учитывая постоянные требования «тройки» и настойчивую просьбу Германии расширить меры экономии?

Н. Х.: Представляется, что конечная цель немецких требований к Афинам заключается в том, чтобы под предлогом урегулирования долгового кризиса захватить все ценное в Греции. Некоторые люди в Германии, кажется, стремятся навязать грекам условия виртуального экономического рабства.

С. Д. П.: Вполне вероятно, что новое правительство в Греции будет правительством коалиции радикальных левых. Каким в этом случае должен быть подход Европейского союза и кредиторов Греции? Кроме того, следует ли правительству спокойно относиться к наиболее производительной части капиталистического класса или оно должно принять основные элементы традиционной рабоче-популистской идеологии?

Н. Х.: Это сложные практические вопросы. Мне было бы легко описать то, что я хотел бы видеть, однако, учитывая существующие реалии, любой курс несет риски и расходы. Даже если бы я был в состоянии правильно их оценить, чего я сделать не могу, было бы безответственно обсуждать стратегию без серьезного анализа и доказательств.

С. Д. П.: Капиталистический аппетит к разрушению никогда не ставился под сомнение, но в своих послед-

них работах вы уделяете больше внимания разрушению окружающей среды. Вы действительно думаете, что человеческая цивилизация находится под угрозой?

Н. Х.: Я думаю, что достойное выживание человека находится под угрозой. Первой жертвой, как обычно, будут самые слабые и самые уязвимые. Это во многом стало очевидно уже на глобальном саммите по изменению климата, который только что завершился в Варшаве с незначительным результатом. И все же есть основания ожидать, что он продолжится. Будущий историк бросит удивленный взор на происходящие события. Лидерами в попытках преодолеть возможную катастрофу являются так называемые примитивные общества: первые нации в Канаде, коренные народы Южной Америки и так далее по всему миру. Мы видим, борьба за спасение окружающей среды и ее защиту, которая сегодня разворачивается в Греции, где жители Скуриес в Халкидики героически сопротивляются захватническим целям компании Eldorado Gold и полицейским силам, которые были мобилизованы в поддержку международной компании.

Они с энтузиазмом лидируют в гонке, тогда как самые богатые и влиятельные общества, обладающие несравнимыми преимуществами, вроде США и Канады, катятся в пропасть в полном противоречии с логикой, за исключением безумной логики «реально существующей капиталистической демократии».

С. Д. П.: США остаются мировой империей и, по вашему мнению, действуют по принципу мафии, подразумевающему, что крестный отец не терпит «успешного неповиновения». Если американская империя в упадке, представляет ли она все еще большую угрозу для глобального мира и безопасности?

Н. Х.: Глобальная гегемония США достигла исторически беспрецедентного максимума в 1945 году, и с тех пор ее уровень неуклонно снижается, хотя он по-прежнему довольно высок. Несмотря на то что появляются разнообразные силы, нет ни одного реального конкурента. Часто можно слышать отсылки к традиционному принципу мафии, однако возможность его реализации более ограничена. Угроза миру и безопасности вполне реальна. Приведем лишь один пример: кампания по применению беспилотников, развернутая президентом Обамой, является самой масштабной и разрушительной террористической операцией нашего времени. США и их израильские партнеры абсолютно безнаказанно нарушают нормы международного права, например угрожая напасть на Иран («все возможности открыты») в нарушение основополагающих принципов Устава ООН. Последний обзор ядерной стратегии США (2010) имеет более агрессивный тон, чем предшествующие, его предупреждения не должны быть проигнорированы. Концентрация власти в этой сфере в целом также представляет опасность.

С. Д. П.: Что касается израильско-палестинского конфликта, вы постоянно повторяете, что дискуссия «одно государство для двух народов или два государства» не имеет никакого смысла.

Н. Х.: Такая дискуссия не имеет никакого смысла, потому что одно государство — это не вариант. Она более чем неуместна: она уводит от реальности.

Фактические возможности: (1) либо два государства, либо (2) продолжение того, что Израиль сейчас делает при поддержке США, — сокрушительная осада Газы, отделенной от Западного берега, и систематический захват всего ценного, что есть на Западном берегу, в то время как он окончательно интегрируется в Израиль, захват областей, в которых не так много палестинцев, и постепенное освобождение от них территорий. Перспективы вполне понятны, учитывая программу развития и выселения.

Исходя из приведенного варианта (2), нет никаких причин, по которым Израиль или США должны были бы согласиться с идеей одного государства, которая также не имеет никакой международной поддержки. Если иметь в виду реально складывающуюся ситуацию, то говорить об одном государстве (гражданские права/борьба против апартеида, «демографическая проблема» и т. д.) — это просто диверсия, неявно поддерживающая функцию (2). Такова, по сути, логика ситуации, нравится вам она или нет.

С. Д. П.: Вы говорили, что вы сильно раздражаете интеллектуальную элиту. Это потому, что вы соединяете политику с моралью?

Н. Х.: Интеллектуальная элита по определению имеет много привилегий. Привилегия предоставляет возможности и возлагает ответственность. Более привилегированные располагают большими возможностями для того, чтобы получить информацию и действовать так, чтобы повлиять на политические решения. Оценка их роли следует незамедлительно.

Я действительно думаю, что люди должны выполнять свои элементарные обязанности — положение, которое не нуждается в защите. И ответственности у них в более свободном и открытом обществе, опять же очевидно, больше, чем у тех, кто может себе позволить некоторые расходы на честность и порядочность. Если комиссары в Советской России подчинялись государственной власти, они могли, по крайней мере, сослаться в качестве оправдания на страх. Их коллеги в более свободных и открытых обществах вправе ссылаться только на трусость.

С. Д. П.: Недавно на экраны некоторых театров Нью-Йорка и других крупных городов США вышел анимационный документальный фильм Мишеля Гондри *Is the Man Who Is Tall Happy?* вскоре после того, как он получил восторженные отзывы. Вы его видели? Он вам понравился?

Н. Х.: Я смотрел его. Гондри по-настоящему большой художник. Фильм тонко и умело сделан, и в нем удалось выразить некоторые важные идеи (часто неясные даже в этой сфере) очень простым и понятным образом, в межличностном контакте, как мне показалось, весьма деликатно и глубоко.

Может ли выжить цивилизация «реально существующего капитализма»?

*(Первоначально опубликовано в Truthout
1 октября 2014 года)*

С. Д. Полихрониу: В телевизионном обращении накануне 13-й годовщины терактов 11 сентября Обама объявил американскому народу и всему остальному миру, что Соединенные Штаты возвращаются к войне в Ираке, на этот раз против самопровозглашенного исламского государства Ирака и Сирии (ISIS). Является ли Ирак неоконченным проектом американского вторжения 2003 года или ситуация есть лишь неизбежное следствие стратегической повестки «империи хаоса»?

Ноам Хомский: «Неизбежное» — это сильное слово, но появление ИГИЛ и всеобщее распространение радикального джихадизма является весьма естественным продолжением ударов Вашингтона по неустойчивому обществу Ирака, которое едва оправилось после десятилетия санкций США и Великобритании, на-

столько тяжелых, что авторитетные международные дипломаты ООН, курировавшие их, уволились в знак протеста, заявив, что они были «геноцидом».

Один из самых авторитетных американских аналитиков по Ближнему Востоку, экс-сотрудник ЦРУ Грэм Фуллер не так давно написал: «Я думаю, что США являются одним из ключевых создателей [ИГИЛ]. Соединенные Штаты не планировали формирование ИГИЛ, но их деструктивное вмешательство на Ближнем Востоке и война в Ираке были основными причинами его появления».

Я думаю, он прав. Это катастрофическая ситуация для США, но она является естественным результатом их вторжения. Одним из серьезных последствий американо-британской агрессии стало разжигание межрелигиозных конфликтов, которые сегодня разрывают Ирак на части и распространяются по всему региону, неся ужасные последствия.

С. Д. П.: ИГИЛ, похоже, представляет собой новое джихадистское движение с большей внутренней склонностью к жестокости в следовании своей миссии восстановления исламского халифата, которое, очевидно, может вербовать больше молодых радикальных мусульман в самом центре Европы и даже в Австралии, чем даже сама «Аль-Каида». На ваш взгляд, почему религиозный фанатизм стал движущей силой очень многих мусульманских движений по всему миру?

Н. Х.: Подобно Великобритании в прежние времена, США поддерживают радикальный ислам и выступают против светского национализма, который обоим имперским государствам представляется большей угрозой целям их господства и контроля. Когда светские возможности терпят крах, вакуум заполняется религиозным экстремизмом. К тому же Саудовская Аравия, основной союзник США на протяжении многих лет, является наиболее радикальным исламским государством в мире, а также миссионерским государством, которое использует свои огромные запасы нефти, чтобы пропагандировать свои экстремистские учения ваххабитов-салафитов путем открытия школ, мечетей и другими способами, а также основным источником финансирования радикальных исламистских группировок, наряду с Эмиратами, также союзниками США.

Нужно отметить, что религиозный фанатизм распространяется на Западе по мере того, как разрушается демократия. США — яркий пример. Существует не так много стран в мире, где подавляющее большинство населения считает, что божья рука направляет эволюцию, и почти половина из них думают, что мир был создан несколько тысяч лет назад. Как только Республиканская партия стала столь усердно служить богатству и власти корпораций, она уже не могла апеллировать к общественности в своей реальной политике и в своей предвыборной кампании была вынуждена сделать

ставку на них, предоставляя им тем самым возможность существенно влиять на политику.

С. Д. П.: США совершили серьезные военные преступления в Ираке, но акты насилия, совершенные в то же время против гражданского населения страны, особенно в отношении детей и людей из различных этнических и религиозных общин, также ужасны. Учитывая, что Ирак при Саддаме Хусейне на протяжении довольно долгого времени демонстрировал политическую стабильность, какие дидактические уроки следует извлечь из сегодняшней крайне неприятной ситуации в этой части мира?

Н. Х.: Самый простой урок заключается в том, чтобы разумно придерживаться цивилизованных норм и международного права. Преступное насилие со стороны государств-изгоев вроде США и Великобритании не обязательно будет иметь катастрофические последствия, но мы вряд ли можем говорить, что будем удивлены, если это произойдет.

С. Д. П.: Американские удары по базам ИГИЛ в Сирии без одобрения и сотрудничества с сирийским режимом Башара Асада будут представлять собой нарушение международного права, заявили Дамаск, Москва и Тегеран еще до начала бомбардировок. Однако не приведет ли уничтожение сил ИГИЛ в Сирии к дальнейшему укреплению сирийского режима? Или режим Асада боится, что он будет следующим в очереди?

Н. Х.: Режим Асада был довольно спокоен. Он не апеллировал, например, к Совету Безопасности с просьбой прекратить атаку, которая, несомненно, является нарушением Устава ООН — основы современного международного права (и, если кому интересно, части Высшего закона страны в США, согласно Конституции). Несомненно, кровавый режим Асада может видеть то, чего не замечает остальной мир: наступление США на ИГИЛ ослабляет его главного врага.

С. Д. П.: Помимо некоторых западных стран, арабские государства также предложили военную поддержку атаки США против ИГИЛ в Ираке и Сирии. В таком случае одна форма исламского фундаментализма (в Саудовской Аравии, например) проявляет страх по отношению к другой форме исламского фундаментализма (ИГИЛ)?

Н. Х.: По меткому слову *New York Times*, это поддержка «тепленьких». Режимы, конечно, боятся ИГИЛ, но оно очевидно продолжает получать финансовую поддержку от состоятельных доноров из Саудовской Аравии и Эмиратов, а его идеологические корни, которые, как я уже говорил, в саудовском радикальном исламизме также не исчезли.

С. Д. П.: Жизнь в секторе Газа вернулась в нормальное русло после того, как ХАМАС и Израиль договорились о прекращении огня. Надолго ли?

Н. Х.: Я бы поостерегся использовать слово «нормальное». Последняя атака была более жесткой, чем предшествующие, и последствия ее ужасны. Египетская военная диктатура, которая настроена категорически против ХАМАС, также подлила масла в огонь трагедии.

Что будет дальше? Можно проследить некоторую закономерность с тех пор, как в ноябре 2005 года было достигнуто первое такое соглашение между Израилем и палестинской администрацией в ноябре 2005 года. В нем говорилось о «переходе между сектором Газа и Египтом в Рафияхе для экспорта товаров и перемещения людей, непрерывной работе контрольно-пропускных пунктов между Израилем и Газой для ввоза/вывоза товаров и транзита людей, устранения препятствий для передвижения на Западном берегу, автобусов и автоколонн между Западным берегом и сектором Газа, о строительстве морского порта [и] возрождении аэропорта в Газе», разрушенного израильскими бомбардировками.

Более поздние договоры были вариациями на те же темы, точно так же, как и нынешний. Каждый раз Израиль отказывался от договоренностей, в то время как ХАМАС придерживался их (как признает израильская сторона) до тех пор, пока очередная эскалация конфликта со стороны Израиля не получала ответ ХАМАС, который давал Израилю еще одну возмож-

ность «косить газон», используя его элегантную фразу. Промежуточные периоды «затишья» (одностороннего) позволяли Израилю продолжать свою политику, захватывая все ценное на Западном берегу и оставляя палестинцев на расчлененных территориях. И все это, конечно, при существенной поддержке США — военной, экономической, дипломатической и идеологической, с представлением проблемы в соответствии с базовой точкой зрения Израиля.

Собственно, целью соглашения 2005 года было «размежевание» Газы и Израиля, хотя он остается оккупирующей державой, как это было признано во всем мире (кроме самого Израиля), даже в США. На эту цель прямо указал архитектор и главный переговорщик по плану «размежевания», бывший юрист премьер-министра Шарона Дов Вейсгласс. Он сообщил прессе, что «план размежевания означает замораживание мирного процесса. С остановкой этого процесса удастся предотвратить создание палестинского государства, избежать обсуждения вопроса о беженцах, границах и Иерусалиме. Фактически весь этот пакет, предложенный палестинской стороне, со всеми вытекающими последствиями, был удален на неопределенный срок из нашей повестки дня. И все это с согласия и разрешения, с благословения президента [США] и ратификации обеими палатами Конгресса».

Эта модель воспроизводилась снова и снова, и кажется, что сегодня она снова будет повторена. Однако некоторые осведомленные израильские комментаторы полагают, что Израиль может наконец ослабить пытки Газы. Его рейдерский захват значительной части Западного берега (в том числе Большого Иерусалима) зашел настолько далеко, что израильские власти могли бы уже понять, что он необратим. Сейчас же они имеют союзника в лице жесткой военной диктатуры Египта. Кроме того, подъем ИГИЛ и общее разрушение в регионе усилили негласный альянс с саудовской диктатурой и, возможно, с другими. Не исключено, что Израиль может отойти [от своей политики] крайнего неприятия, хотя в данный момент поступают неблагоприятные сигналы.

С. Д. П.: Последняя израильская резня в Газе настроила общественное мнение всего мира исключительно против Государства Израиль. В какой степени безусловная поддержка со стороны США по отношению к Израилю обыгрывает внутривосточные факторы и при каких условиях, по вашему мнению, произойдет сдвиг в политике Вашингтона в отношении Тель-Авива?

Н. Х.: Есть очень влиятельные внутренние факторы. Одна из иллюстраций этого была дана прямо в разгар последнего израильского нападения. С одной стороны, израильское оружие, казалось, было на исходе,

и США любезно предоставили Израилю более продвинутое оружие, которое позволило продолжать наступление. Это оружие было взято из запасов, которые США разместили в Израиле на случай возможного применения собственных вооруженных сил — один из многих признаков очень тесных военных связей, которые развиваются уже много лет. Интеллектуальное взаимодействие налажено еще лучше. Израиль — излюбленное место американских инвесторов, а не только их передовой военной экономики. Есть огромный избирательный блок евангельских христиан, настроенных фанатично произраильски. Существует также эффективное израильское лобби, которое часто ломится в открытую дверь и быстро отступает, если есть опасность конфронтации с властями США, что неудивительно.

Однако настроения в обществе, особенно среди молодежи, в том числе в еврейской общине, меняются. Я переживаю это лично, как и другие. Не так давно я буквально должен был прибегнуть к защите полиции, когда рассуждал на эти темы в студенческих городках, даже в моем родном университете. Что-то очень сильно изменилось. Сейчас солидарность с Палестиной является одним из основных обязательств во многих кампусах. С течением времени эти изменения могут в совокупности с некоторыми другими факторами привести к изменению политики США. Это случа-

лось и раньше. Но это потребует кропотливой, серьезной, целенаправленной работы.

С. Д. П.: Каковы цели и задачи политики США в Украине, кроме того, чтобы мутить воду, а затем позволить другим силам делать грязную работу?

Н. Х.: Сразу после падения Берлинской стены и последующего развала СССР США стали стремиться распространить свое господство, в том числе членство в НАТО, на регионы, вышедшие из-под контроля России, — в нарушение устных обещаний Горбачеву, чьи протесты были отклонены. Украина, безусловно, следующий спелый фрукт, который США хочет сорвать.

С. Д. П.: Нет ли у России обоснованных оснований для беспокойства по поводу потенциального альянса Украины с НАТО?

Н. Х.: Очень обосновано опасение по поводу расширения НАТО в целом. Это настолько очевидно, что стало темой передовой статьи в текущем выпуске одного из главных элитарных изданий, журнала *Foreign Affairs*, написанной экспертом в области международных отношений Джоном Миршаймером. Он отмечает, что корни нынешнего украинского кризиса — в США.

С. Д. П.: Глядя на нынешнюю ситуацию в Ираке, Сирии, Ливии, Нигерии, Украине, у Южно-Китайского моря и даже в некоторых частях Европы, представляется весьма уместным недавнее заявление Збигнева

Бжезинского на MSNBC о том, что «мы сталкиваемся со своего рода динамическим распространением хаоса в разных частях мира». Насколько такое развитие связано с упадком мирового гегемона и нарушением баланса сил, который существовал в эпоху холодной войны?

Н. Х.: Могущество США достигло своего пика в 1945 году и с тех пор неуклонно снижается. За последние годы произошло немало изменений. Одним из них является возвышение Китая как крупной державы. Другое — освобождение Латинской Америки от имперского контроля (в последнее столетие — контроля США) впервые за 500 лет. С этими событиями связано развитие блока БРИКС (Бразилия, Россия, Индонезия, Китай, ЮАР) и Шанхайской организации сотрудничества, базирующейся в Китае и включающей Индию, Пакистан, государства Центральной Азии и другие.

Но все же США в значительной мере остаются доминирующей мировой державой.

С. Д. П.: В прошлом месяце исполнилось 69 лет с момента американской атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в Японии, а ядерное разоружение по-прежнему остается химерой. В своей недавней статье вы подчеркиваете, что нам просто повезло, что до сих пор удавалось избежать ядерной войны. Вы полагаете, что ядерное оружие в руках террористов — это вопрос времени?

Н. Х.: Ядерное оружие уже в руках террористических групп — государств-террористов, главным из которых являются США. Вполне вероятно, что оружие массового уничтожения может попасть в руки «частных террористов», что значительно повысит опасность для выживания.

С. Д. П.: С конца 1970-х годов большинство стран с развитой экономикой вернулись к хищническому капитализму. В результате неравенство доходов и богатства достигло впечатляющих высот, нищета укрепляется, безработица растет, а уровень жизни снижается. Кроме того, «реально существующий капитализм» наносит значительный вред экологии и приводит к разрушениям, которые, наряду с демографическим взрывом, ведут нас к глобальной катастрофе. Может ли цивилизация выжить в условиях «реально существующего капитализма»?

Н. Х.: Во-первых, позвольте мне сказать, что то, что я имею в виду под термином «реально существующий капитализм», — это то, что действительно существует и что называется «капитализм». По понятным причинам Соединенные Штаты являются самым важным примером. Термин «капитализм» достаточно расплывчат, объединяет множество возможностей. Обычно он используется для того, чтобы описать экономическую систему США, в которой существенно вмешательство государства, начиная от творческих инноваций

до государственного страхового обеспечения банков, «слишком больших, чтобы обанкротиться», которая в высокой степени монополизирована и ограничивает самостоятельность рынка.

Нужно иметь в виду масштабы отклонения «реально существующего капитализма» от официального «свободного рыночного капитализма». Вот лишь несколько примеров. За последние 20 лет доля прибыли 200 крупнейших предприятий резко возросла, формируя олигополистический характер американской экономики. Это напрямую подрывает рынки. При этом избежать ценовых войн удастся ценой усилий по часто бессмысленному выделению продукта путем широкой рекламы, которая сама по себе направлена на подрыв рынков в собственном смысле слова, основанных на том, что информированные потребители делают рациональный выбор. Компьютеры и Интернет, наряду с другими базовыми компонентами ИТ-революции, в течение многих десятилетий в значительной степени оставались в государственном секторе (НИОКР, субсидии, закупки и другие устройства), прежде чем они были переданы в частное владение для приспособления к рынку и извлечения прибыли. Правительственный страховой полис, который дает большим банкам огромные преимущества, примерно оцененные экономистами и деловой прессой едва ли не в 80 млрд долларов в год. Однако недавнее исследова-

ние Международного валютного фонда указывает — цитирую деловую прессу, — что, пожалуй, «крупнейшим американским банкам это не слишком выгодно», добавляя, что «те миллиарды долларов, которые они якобы зарабатывают для своих акционеров, были почти полностью подарком американских налогоплательщиков». Это дает больше оснований поддержать вывод Мартина Вулфа из лондонской Financial Times о том, что «бесконтрольный финансовый сектор разъедает современную рыночную экономику изнутри, подобно тому как личинка осы питается телом паука, в которой она была отложена».

Таким образом, все это объясняет экономическую разруху, производимую современным капитализмом, как вы подчеркнули выше в своем вопросе. Реально существующий капитализм — сокращенно RECD* (произносится как «потерпевший крах»**) — совершенно несовместим с демократией. Мне кажется маловероятным, что цивилизация может выжить в условиях реально существующего капитализма и резкого ослабления демократии, которое его сопровождает. Может ли функционирующая в настоящее время де-

* Сокращение от «really existing capitalism» (англ.). — *Примеч. пер.*

** Хомский имеет в виду созвучие аббревиатуры «RECD» и слова «wrecked» (потерпевший крах, разбитый, разрушенный). — *Примеч. пер.*

мократия стать другой? Рассмотрение несуществующих систем может быть только спекулятивным, но я считаю, что есть некоторые основания так думать. Реально существующий капитализм — это творение рук человека, и он может быть изменен или заменен.

С. Д. П.: Ваша последняя книга *Masters of Mankind*, которая вышла в сентябре в *Naumarket Books*, представляет собой сборник эссе, написанных с 1969 по 2013 год. Мир сильно менялся в это время, поэтому мой вопрос таков: ваше понимание мира изменилось с течением времени? И если да, то какие события оказали наибольшее влияние на изменение вашей политической позиции?

Н. Х.: Мое понимание мира менялось с течением времени по мере того, как я узнавал больше о прошлых и настоящих событиях, осваивая новые критические материалы. Я не могу выделить отдельные события или людей. Это кумулятивный, постоянный процесс переосмысления в свете новых сведений и большего внимания к тому, что я неправильно понял. Но иерархическая и деспотическая власть в нашем мире остается центром политики и источником всех бед.

С. Д. П.: В ходе недавнего обмена мнениями я выразил пессимизм по поводу будущего нашего вида. Вы ответили: «Я разделяю ваше мнение, но все время помню строки из *Лунь Юйя*, которые при случае цитирую, — определение „достойного подражания челове-

ка“, данное предположительно самим Учителем*»: „Тот, кто ищет, хотя знает, что надежды нет“». Ситуация настолько ужасна?

Н. Х.: Мы не можем знать наверняка. Мы знаем только, что если мы впадем в отчаяние, то можно быть уверенным, что произойдет самое худшее. Но если мы зацепимся за надежду, которая существует, и будем работать над тем, чтобы лучшим образом ее воплотить, то, возможно, мир станет лучше.

Не так много выбора.

* Имеется в виду великий китайский философ Конфуций (Кун Фу-цзы) и книга «Лунь Юй» («Беседы и суждения», «Аналекты Конфуция») — один из наиболее знаменитых текстов Восточной Азии (Китая). Главная книга конфуцианства, составленная учениками Конфуция из кратких заметок, фиксирующих высказывания, поступки учителя, а также диалоги с его участием. — *Примеч. пер.*

Ноам Хомский: Республиканская база «вне контроля»

*(Первоначально опубликовано в Truthout
29 марта 2016 года)*

С. Д. Полихрониу: Ноам, вероятно, потому, что сейчас в политике США стало больше возмутительных персонажей, чем в любое другое время в недавнем прошлом, мы стали свидетелями какой-то необычной тенденции, когда кандидаты от Республиканской партии, и даже Дональд Трамп, повернувшийся спиной к своим друзьям-миллиардерам, нападают на соглашение о «свободной торговле». Являемся ли мы свидетелями конца старого экономического истеблишмента в американской политике?

Ноам Хомский: Есть что-то новое в выборах 2016 года, но это совсем не заявления кандидатов, которые пугают старую элиту. Это происходит регулярно. Это прослеживается в сдвиге обеих сторон вправо в не-либеральную эпоху. У республиканцев это движение зашло так далеко, что они не в состоянии получить

голоса с их реальной политикой, основанной на поддержке благосостояния самых богатых и корпоративного сектора. Соответственно, республиканское руководство было вынуждено мобилизовать ряд известных проблем, которые являются вспомогательными для решения основных вопросов: Второе пришествие, Обама — мусульманин, нападки на слабых и притесняемых и другое, также хорошо известное. Собранная база постоянно давала кандидатов, неприемлемых для элиты: [Микеле] Бахман, [Герман] Каин, [Рик] Санторум, [Майк] Хакаби... Но элите всегда удавалось подбить их под себя и предложить своего человека [Митт] Ромни. Отличие настоящего момента в том, что база вышла из-под контроля, и элита практически сходит с ума.

Аналогия не должна уводить нас слишком далеко, но в этом есть нечто новое. Немецкие промышленники и финансисты были рады использовать нацистов в качестве оружия против рабочего класса и левых, предполагая, что они могли бы держать их под контролем. Но оказалось, что это не совсем так.

Оставляя все это в стороне — США не застрахованы от общего упадка основных политических партий и роста политических волнений справа и слева (хотя «левый» на практике означает умеренный социал-демократ), и это одно из самых предсказуемых следствий неолиберальной политики, которая подрывает демокра-

тию и причиняет существенный вред большинству населения, наименее обеспеченным слоям. Все знакомо.

С. Д. П.: Похоже, что крупные спонсоры консерваторов, такие как братья Кох, не отвернулись от Республиканской партии. Если это действительно так, то чем можно было бы объяснить такое развитие событий?

Н. Х.: Причина, думаю, заключается в том, что у них есть проблемы с управлением базой, которую они мобилизовали, и они ищут какой-то способ, чтобы избежать серьезного удара по своим интересам. Я совсем не удивлюсь, если им удастся как-нибудь обойти [Республиканскую] Конвенцию и, возможно, даже провести кого-нибудь вроде Пола Райана. Не самая лучшая перспектива, на мой взгляд.

С. Д. П.: Истории о богатых людях, финансировавших политиков, так же стары, как и сама страна. Итак, каким образом деньги повлияли на американскую политику в наше время?

Н. Х.: Нет ничего совершенно нового. В образцовой научной работе по этой теме — выдающемся исследовании Томаса Фергюсона *Golden Rule* — и в более поздних публикациях раскрываются истоки и последствия этой практики, восходящие к концу XIX века, принесшей особенно интересные результаты для «нового курса», продолжающегося в настоящее время.

Но всегда есть новые повороты. Один из них, который обсудил Фергюсон, — махинации Ньюта Гингри-

ча 1990-х годов. Престижные и влиятельные позиции в Конгрессе предоставлялись на основании трудового стажа и предполагаемых достижений. Сейчас они в основном покупаются, что заводит представителей Конгресса еще глубже в карманы богатых. Решения Верховного Суда только ускорили этот процесс.

С. Д. П.: В прошлом кандидат с наибольшим количеством денег почти всегда выигрывал. Но Дональд Трамп, кажется, изменил правило о политике с деньгами, так как фактически он потратил меньше денег, чем его соперники. Уменьшится ли власть денег в предвыборный год под влиянием крайних голосов?

Н. Х.: Не знаю точных цифр, но Трамп, похоже, вложил много денег в избирательную кампанию. Тем не менее поразительно, что сундуки, наполненные деньгами, не всегда работают. Самый наглядный пример — Джеб Буш. Этому посвящена очень интересная статья Эндрю Кокберна в апрельском номере *Нагрев*, в которой дается обзор исследований, показывающих, что огромные деньги, потраченные в рамках политических кампаний на ТВ-рекламу и т. д., служат в первую очередь для обогащения сетей и профессиональных консультантов, но имеют небольшое влияние на голосование. В отличие от них, личный контакт и непосредственное общение, которые почти ничего не стоят, но чаще требуют труда волонтеров, оказывают заметное влияние. Отметим, что отдельным вопросом является

влияние расходов на избирательные кампании путем влияния капитала и власти на политические решения — это как раз тот вопрос, который исследовал Фергюсон.

С. Д. П.: Чьи конкретно экономические интересы лучше всего выражают кандидаты от Республиканской партии на выборах-2016?

Н. Х.: Интересы супербогатых людей и корпоративного сектора, даже больше, чем обычно.

С. Д. П.: Один из величайших мифов американской политической культуры создан вокруг «свободного рынка». Экономика США не является экономикой «свободного рынка», какой ее в основном хотели бы видеть либертарианцы, но вопрос в том, может ли существовать система «свободного рыночного» капитализма и даже насколько он предпочтителен.

Н. Х.: В истории были примеры чего-то вроде капитализма свободного рынка. Выдающийся экономический историк Пол Байрох отмечает: «Нет никаких сомнений, что принудительная либерализация экономик третьего мира в девятнадцатом столетии является важнейшим моментом, объясняющим задержку его индустриализации» или даже «деиндустриализацию». Существует множество хорошо исследованных примеров этого. Европа и регионы, которые сумели остаться свободными от ее контроля, развивались, как и сама Европа, с радикальным нарушением этих принципов,

яркими примерами чего являются Англия и США, а на юге единственной страной, которая противостояла колонизации и развивалась, была Япония.

Подобно многим другим историкам, Байрох завершает исследование широким выводом о том, что «трудно найти другой случай, когда факты противоречили бы основной теории», как в учении о том, что свободные рынки были двигателем роста, — суровый урок, который глобальный Юг выучил за эти годы, опять же в последний неолиберальный период. Есть классические исследования некоторых проблем, характерных для этапа формирования «свободного рынка» — Карл Полянши *The Great Transformation*, Раджани Кантх *Political Economy and Laissez-Faire*, — и обширная литература по экономической истории и истории техники.

Есть также фундаментальные проблемы нерегулируемых рынков, такие как ограничение выбора, которое они навязывают (кроме общественных благ вроде транспорта), и их игнорирование внешних факторов, которые сейчас могут привести к гибели вида.

С. Д. П.: В ходе недавнего опроса девять из десяти американцев заявили, что отдали бы свои голоса за достойного кандидата в президенты, будь он католиком, женщиной, чернокожим, латиноамериканцем или евреем, и менее половины заявили, что проголосовали бы за кандидата, который был бы социалистом. Почему социализм до сих пор табу в этой стране (хотя нуж-

но признать, что социализм, кажется, умер сегодня практически во всем западном мире)?

Н. Х.: Сложный вопрос для обсуждения, потому что термин «социализм» (как и большинство терминов политического дискурса) был настолько опошлен и политизирован, что стал почти бесполезным. Суть традиционного социализма заключалась в контроле рабочих над производством, наряду с народным демократическим контролем над другими сферами социальной, экономической и политической жизни. Вряд ли было общество в мире, более далекое от социализма, чем Россия, которая представлялась как ведущее «социалистическое» государство. Если это «социализм», то мы должны противостоять ему. Почту, национальные программы здравоохранения и другое в иных случаях также называют социалистическими, поскольку это общественные инициативы, в том числе национальное здравоохранение, поддерживаемое часто подавляющим большинством в течение многих лет и по сей день в США. Слово «социалист» стало табуированным по идеологическим соображениям во времена холодной войны, когда из него был выхолощен какой-либо полезный смысл.

Существует несколько важных элементов того, что можно считать подлинным социализмом в западном мире, в частности принадлежащие рабочим (а иногда и управляемые ими) предприятия, кооперативы с ре-

альным участием и многое другое. Я думаю, что его можно рассматривать с точки зрения Бакунина как создание институтов более свободного и справедливо-го общества в рамках существующего.

С. Д. П.: Кажется, сегодня США имеют сравнительное преимущество перед другими «развитыми» странами мира только в военной технике. В самом деле, США начинают все больше и больше напоминать страну третьего мира, по крайней мере в том, что касается инфраструктуры и уровня бедности и беспризорности среди значительной и постоянно возрастающей части населения. На ваш взгляд, какие факторы привели к этому ужасному состоянию дел в стране, которая по-прежнему остается очень богатой?

Н. Х.: США представляют собой довольно необычное бизнесцентрированное общество, не имеющее корней в обществах традиционного типа, в которых, при всех их серьезных недостатках, человек занимал какое-то место. История США как колониального и рабовладельческого общества сформировала их социальное и культурное наследие, наряду с другими факторами, такими как необычная роль религиозного фундаментализма. В американской истории были масштабные, радикальные демократические движения, подобные народничеству и воинствующим трудовым движениям, но в основном они были подавлены, зачистую со значительной долей насилия.

Одним из следствий этого является то, что Уолтер Дин Бернхем называет «важнейшими особенностями американской политической системы: полное отсутствие социалистических или массовых трудовых партий в качестве организованных конкурентов на избирательном рынке». Он показал, что это во многом объясняет «классовый перекося среди воздержавшихся от голосования», который продемонстрировали США, и принижение значения классовых проблем, связанных в основном с ориентированной на бизнес политической системой. В некотором смысле эта система является наследием Гражданской войны, которое так никогда и не было преодолено. Сегодняшние «красные Штаты» тесно сплелись в рамках Конфедерации, которая была подлинно демократической до того, как ее потеснили движение за гражданские права и «южная стратегия» Никсона.

Во многом США — это очень свободное общество, в том числе в плане социальных практик, даже в отсутствие уважения к тому, что уважается в других местах. Однако одним из следствий такого сложного сочетания является печальное состояние социальной справедливости. Будучи очень богатым государством, обладающим несравнимыми преимуществами, США имеют очень низкий уровень социальной справедливости по сравнению с другими богатыми обществами [Организация экономического сотрудничества и развития]

(OECD), находясь в одном ряду с Турцией, Мексикой и Грецией. Инфраструктура в катастрофическом состоянии. На скоростном поезде можно путешествовать и в других развитых обществах, например из Китая в Казахстан, но не из Бостона в Вашингтон — возможно, самый популярный туристический маршрут, — где не было улучшений с тех пор, как я путешествовал 65 лет назад.

С. Д. П.: Традиционно марксисты говорят о человеческом обществе как состоящем из двух частей: базиса и надстройки. Вы можете сказать, какой базис определяет надстройку в американском обществе?

Н. Х.: Здесь не приходится много говорить. Я не вижу в этой конструкции особенной пользы. Кому принадлежит доминирующая роль в принятии решений в американском обществе, в общем, довольно ясно — концентрированной экономической власти, в основном в системе корпораций. Если мы рассмотрим дело более внимательно, то все, конечно, сложнее, а население отнюдь не бессильно, когда оно организовано и свободно от иллюзий.

Ноам Хомский: Выборы 2016 ставят нас перед угрозой «полной катастрофы»

*(Первоначально опубликована в Truthout
9 марта 2016 года)*

С. Д. Полихрониу: Ноам, давайте начнем с размышлений о том, как определяются президентские выборы в США 2016 года с точки зрения состояния страны и ее роли в мировых делах и идеологических подходов, выраженных некоторыми ведущими кандидатами от обеих сторон.

Ноам Хомский: Нельзя упускать из виду, что мы переживаем уникальный момент человеческой истории. Впервые мы должны принимать решения, от которых в буквальном смысле зависят перспективы достойного выживания человека, сейчас, а не в далеком будущем. Мы уже приняли решение в пользу большого числа видов. Уничтожение видов находится на уровне 65 миллионов лет назад, пятого вымирания, конца эпохи динозавров. Это открыло путь для мелких мле-

копитающих и в конечном счете для нас — вида с уникальными возможностями, включая, к сожалению, холодное и варварское уничтожение.

Ярый противник Просвещения Жозеф де Местр в XIX веке критиковал Томаса Гоббса за использование римской фразы «человек человеку — волк», замечая, что это несправедливо по отношению к волкам, которые не убивают ради удовольствия. Способность распространяется на самоуничтожение, что мы сейчас и наблюдаем. Предполагается, что причиной пятого вымирания был огромный астероид, который упал на землю. Сейчас мы и есть тот самый астероид. Влияние человека уже существенно и в скором времени станет неизмеримо хуже, если прямо сейчас не предпринять решительные меры. Кроме того, опасность ядерной войны, вечная зловещая тень, возрастает. Чтобы завершить обсуждение, можно вспомнить ответ Эйнштейна на вопрос об оружии, которое будет использоваться в будущей войне. Он сказал, что не знает, но война *после этого* будет вестись каменными топорами. Обзор шокирующих данных показывает, что едва ли не чудом можно считать то, что катастрофы удавалось избежать до сих пор, но чудеса не вечны. И что, к сожалению, слишком очевиден рост рисков.

К счастью, существует противовес этому разрушительному и самоубийственному потенциалу челове-

ской природы. Есть веские основания полагать, что такие деятели Просвещения, как Давид Юм и Адам Смит, а также анархист, активист-мыслитель Петр Кропоткин, были правы в отношении сочувствия и взаимопомощи как основных свойств человеческой природы. Мы скоро узнаем ее главные признаки.

Переходя к вашему вопросу, мы можем спросить, как эти грандиозные проблемы затрагиваются в четырехлетней избирательной феерии. Больше всего бросается в глаза то, что они или не затрагиваются вообще, или затрагиваются номинально.

Нет необходимости говорить о зрелище республиканских праймериз. Комментаторы едва скрывают свое отвращение и беспокойство по отношению к тому, что республиканцы говорят нам о других странах и современной цивилизации. Однако кандидаты дали ответы на важные вопросы. Они либо отрицают глобальное потепление, либо настаивают, что с ним ничего нельзя сделать, тем самым настаивая на том, что мы должны еще быстрее мчаться к пропасти. В той мере, в какой у них обнаруживаются политические подходы, они выглядят как намеренная эскалация военного противостояния и угроз. Только по этим причинам Республиканская организация — воздержимся называть ее политической партией в обычном смысле — представляет собой угрозу нового рода, поистине ужасающую для человеческого вида и дру-

гих, которым причиняется «косвенный ущерб», когда высший разум переходит на самоубийственную стезю.

Со стороны демократов есть хотя бы какое-то осознание опасности экологической катастрофы, но этого еще очень недостаточно для существенных политических предложений. Я не смог увидеть у них ясных позиций по программе модернизации ядерного арсенала Обамы или по такому важному вопросу, как быстрое (обоюдное) наращивание военной мощи на границах России.

В целом в своих идеологических позициях кандидаты от Республиканской партии, кажется, пошли дальше, чем обычно: набивать карманы богатых, а остальным раздавать пощечины. Два кандидата от демократов представляют широкую палитру, начиная от программы Сандерса в духе Нового курса*, до «нового демократа/умеренного республиканца» версии Клинтон, уводимого немного влево под воздействием вызова Сандерса. В международных делах и в части больших проблем, стоящих перед нами, у них, похоже, в лучшем случае «больше сходств».

* Новый курс (англ. New Deal) — название экономической политики, проводимой администрацией Франклина Делано Рузвельта начиная с 1933 года с целью выхода из масштабного экономического кризиса (вошел в историю под названием Великая депрессия), охватившего США с 1929 по 1933 год. — *Примеч. пер.*

С. Д. П.: На ваш взгляд, что привело к популярности Дональда Трампа, и не есть ли он просто еще один вариант тех типичных правых популистских персонажей, которые часто являются в ходе истории, когда народы сталкиваются с серьезными экономическими кризисами и национальным упадком?

Н. Х.: В том, что США грозит «национальный упадок», во многом виноваты они сами. Правда, США не могли удерживать роль главного гегемона первых лет после Второй мировой войны, но все же остаются потенциально самой богатой страной в мире, обладающей несравними преимуществами и в сфере безопасности, и в военной сфере, практически соответствующими всему остальному миру, вместе взятому, и технологически гораздо более продвинутой, чем любой альянс соперников.

Призыв Трампа, похоже, в значительной степени основан на ощущении утраты и страха. Неолиберальная атака на население мира, почти всегда вредная для него, а зачастую жестокая, не обошла стороной США, хотя они были несколько более устойчивы, чем другие страны. Большинство населения переживает застой или спад, в то время как в немногих карманах скапливается исключительное и показное богатство. Формальная демократическая система, пострадавшая вследствие неолиберальной социально-экономической политики, дрейфует в сторону плутократии.

Нет необходимости снова вспоминать удручающие детали, например стагнацию реальной заработной платы мужчин старше 40 лет и что со времени последнего кризиса около 90 % созданных богатств принадлежат 1 % населения. Или тот факт, что большинство населения — чем ниже по шкале доходов, тем хуже — фактически бесправно, поскольку их представители игнорируют их мнение и предпочтения, внимая сверхбогатым спонсорам и влиятельным игрокам. Или тот факт, что среди 31 развитой страны ОЭСР [Организация экономического сотрудничества и развития] США, при всех своих замечательных преимуществах, по уровню социального неравенства, слабости социальных гарантий, уровню бедности занимают место в самом начале списка, в одном ряду с Турцией, Грецией и Мексикой.

В частности, сторонники Трампа — в основном, судя по всему, нижняя часть среднего класса, рабочий класс, менее образованные — это ответ на ощущение, в значительной степени верное, что их интересы были просто оставлены в стороне. Полезно сравнить текущую ситуацию с Великой депрессией. Объективно условия в 1930-х было гораздо хуже и, конечно, США были гораздо более бедной страной. Однако субъективно условия тогда были гораздо лучше. У американского рабочего класса, несмотря на очень высокий уровень безработицы и страдания, было

ощущение надежды, веры в то, что совместно мы найдем какой-то выход из этой ситуации. Этому способствовали успехи воинствующих рабочих-активистов, зачастую взаимодействовавших с левыми политическими партиями и другими организациями. Сочувствовавшая администрация отвечала конструктивными мерами, хотя всегда подчинялась огромной силе демократов Юга, которые были готовы мириться с социальной политикой государства до тех пор, пока черное население было маргинализировано. Главное, было ощущение, что страна на пути к лучшему будущему. Всего этого так не хватает сегодня, не в последнюю очередь благодаря успехам тяжелых атак на организации труда, которые прекратились, как только закончилась война.

Кроме того, Трамп имеет значительную поддержку среди шовинистов и расистов — стоит вспомнить, что США даже в большей степени, чем Южная Африка, были страной исключительно «белой власти», как убедительно показали сравнительные исследования Джорджа Фредериксона. США так никогда и не преодолели Гражданскую войну и чудовищное наследие угнетения афроамериканцев в течение 500 лет. Также есть длинная история иллюзий по поводу англосаксонской чистоты, которой угрожают волны иммигрантов (и свободные негры, и даже женщины, немалая проблема патриархальных частей общества). Преиму-

щественно белые сторонники Трампа могут видеть, как образ белого (а для многих — ориентированного на мужчин) общества растворяется на их глазах. Нужно также помнить, что, хотя США сверхбезопасны и защищены, они в то же время, пожалуй, самая запуганная страна в мире — другая черта этой культуры с многовековой историей.

Из соединения таких факторов получается гремучая смесь. Размышляя о нашем времени в книге более десяти лет назад, я процитировал авторитетного исследователя истории Германии Фрица Штерна, который писал в элитном журнале *Foreign Affairs* о «деградации Германии от порядочности к нацистскому варварству». Он многозначительно добавил: «Сегодня я беспокоюсь о ближайшем будущем США — страны, которая дала убежище немецкоязычным беженцам в 1930-е годы», включая его самого. С точки зрения смысла ситуации «здесь и сейчас», который невнимательный читатель может не уловить, Штерн рассматривает демоническую привлекательность Гитлера, апеллирующую к его «божественной миссии» «спасителя Германии», называя его «псевдорелигиозным преобразованием политики» в «традиционных христианских формах», сравнивая постановление правительства об «основных принципах» нации с идеей «христианства как основы нашей национальной морали и семьи как основы национальной жизни». Далее,

враждебное отношение Гитлера к «либеральному светскому государству» разделяет большая часть протестантского духовенства, двигающего вперед «исторический процесс, в котором обида на разочаровывающий светский мир разрешается в экстатическом бегстве в безумие».

Актуальность этих идей не вызывает сомнений.

С тех пор не было недостатка в причинах для «беспокойства о будущем Соединенных Штатов». Можно вспомнить, например, красноречивый и трогательный предсмертный манифест, составленный Стеком Джо-зефом, который врезался в Остине на своем небольшом самолете в офисное здание (штат Техас) налоговой службы. В нем он описал печальную историю собственной жизни работника, который делает все по правилам, но которого раз за разом подавляют коррупция и жестокость корпоративной системы и государственной власти. Он говорил от лица многих таких же, как он. Его манифест чаще всего высмеивается или игнорируется, но он должен быть воспринят со всей серьезностью, как и многие другие явные признаки того, что происходит.

С. Д. П.: Тем не менее Круз и Рубио кажутся мне куда более опасными, чем Трамп. Я вижу в них настоящих монстров, в то время как Трамп немного напоминает мне Сильвио Берлускони. Согласны ли вы с таким мнением?

Н. Х.: Я согласен, и, как вам известно, сравнение Трампа с Берлускони популярно в Европе. Я бы еще добавил в этот список Пола Райана. Он представляется мыслителем республиканцев, серьезным знатоком политики с таблицами и другим аппаратом вдумчивого аналитика. Предпринималось лишь несколько попыток безо всякой магии, которая регулярно появляется, проанализировать его программу, которая на самом деле предполагает фактическое уничтожение тех частей федеральной власти, которые служат интересам широких слоев населения, в то время как точно так же в ней говорится о военной экспансии и обеспечении богатых и корпоративного сектора — основа республиканской идеологии, если отбросить в сторону риторическую мишуру.

С. Д. П.: Молодежь Америки, кажется, очарована идеями Берни Сандерса. Вы удивлены тем, как хорошо он держится?

Н. Х.: Я удивлен. Я не ожидал такого успеха его кампании. Однако важно иметь в виду, что его политические предложения не удивили бы президента Эйзенхауэра и что они в значительной степени созвучны популярным устойчивым настроениям, зачастую характерным для подавляющего большинства. Например, раскритикованный вызов, брошенный им национальной системе здравоохранения, схожей с аналогичными системами в подобных обществах, сейчас поддержи-

вают примерно 60 % населения — очень высокий показатель, если учесть тот факт, что на него постоянно нападают, а его возможность защититься весьма ограничена. С такой народной поддержкой можно далеко пойти. В последние годы правления Рейгана около 70 % населения считали, что должны быть конституционные гарантии здоровья, а 40 % респондентов указали, что там такая гарантия уже была, что означает, что это очевидное требование, которое должно быть отражено в этом священном документе.

Когда Обама без обсуждения отказался от общественного выбора, его поддержали почти две трети населения. И есть все основания полагать, что экономия будет довольно впечатляющей, если в США примут гораздо более эффективные национальные программы здравоохранения других стран, расходы которых на здравоохранение составляют примерно половину от расходов на здравоохранение в США при в целом лучших результатах. То же касается его предложения о повышении налогов для богатых, бесплатном высшем образовании и других частей его программы внутренней политики, в основном отражающих обязательства Нового курса и схожих с политическими решениями самого успешного периода роста после Второй мировой войны.

С. Д. П.: При каком сценарии Сандерс мог бы одержать победу в демократической номинации?

Н. Х.: Очевидно, это потребует очень значительных образовательных и организационных мероприятий. По моему собственному ощущению, честно говоря, они должны быть направлены главным образом на развитие народного движения, которое не угаснет после выборов, но будет объединяться с другими, дабы сформировать своего рода активную силу, которая в прошлом играла важную роль в инициировании и осуществлении необходимых изменений и реформ.

С. Д. П.: Америка пока еще демократическое государство? И если нет, то каково тогда реальное значение выборов?

Н. Х.: При всех своих недостатках Америка по-прежнему очень свободное и открытое общество по сравнительным стандартам. Выборы, конечно, проблема. На мой взгляд, полной катастрофой для страны, мира и будущих поколений будет, если любой из нынешних кандидатов от республиканцев попадет в Белый дом и если они продолжат контролировать Конгресс. Анализа чрезвычайно важных вопросов, которые мы обсуждали ранее, достаточно, чтобы прийти к такому выводу, хотя это еще не все. По причинам, о которых я упоминал ранее, американская демократия, всегда ограниченная, по сути, двигалась в сторону плутократии. Но эти тенденции не высечены в камне. Мы пользуемся значительным наследием свободы и прав, доставшихся нам от предков, которые не сдава-

лись, находясь зачастую в гораздо более тяжелых условиях, чем мы сейчас. И это дает широкие возможности для работы, которая крайне необходима во многих отношениях, в плане непосредственной активности и поддержки значимых политических решений, в создании жизнеспособных и эффективных общественных организаций, активизации рабочего движения, а также на политической арене, от школьных советов до законодательных органов государства и многого другого.

Глобальное потепление и будущее человечества

*(Первоначально опубликовано в Truthout
17 сентября 2016 года)*

С. Д. Полихрониу: В среде ученых и даже политиков и социальных аналитиков формируется общий взгляд, что глобальное потепление и изменение климата представляют наибольшую угрозу для планеты. Согласны ли вы с этой точкой зрения, и если да, то почему?

Ноам Хомский: Я согласен с заключением экспертов, которые устанавливают стрелку часов Судного дня для Бюллетеня ученых-атомщиков. Они перевели часы на две минуты вперед, и теперь они показывают без трех минут полночь — из-за растущей угрозы ядерной войны и глобального потепления. Это кажется мне вполне оправданным. Анализ документов показывает, что наше выживание в ядерную эпоху можно считать практически чудом. Не раз мы стояли буквально на грани ядерной войны, что часто было следствием

неправильной работы, результатом системы раннего предупреждения и других несчастных случаев, а иногда — крайне авантюристских действий политических лидеров. С некоторых пор стало понятно, что полномасштабная ядерная война может привести к ядерной зиме, которая уничтожит нападающего, точно так же, как и цель. И угрозы настоящего времени, особенно на российской границе, подтверждают предсказание Дж. Кеннана и других видных деятелей, что расширение НАТО, особенно в том виде, как оно происходит, будет «трагической ошибкой», «политической ошибкой исторического масштаба».

В отношении изменения климата в научном сообществе сейчас широко распространен взгляд, что мы вступили в новую геологическую эпоху антропоцена, когда деятельность человека радикально меняет климат на Земле, создавая совершенно другую планету, которая может не выдержать организованной человеческой жизни, похожей на ту, которую мы хотели бы себе позволить. Есть веские основания полагать, что мы уже вошли в эпоху шестого вымирания, в период гибели видов в огромных масштабах, сравнимых с пятым вымиранием (65 миллионов лет назад), когда три четверти видов на Земле были погублены, по-видимому, огромным астероидом. По данным геологов, содержание CO_2 в атмосфере растет беспрецедентными темпами на протяжении 55 миллионов лет. Ци-

тируя заявление 150 выдающихся ученых, скажу: есть опасение, что «глобальное потепление, которое усиливается разрушением полярного льда, выделением метана из вечной мерзлоты и обширными пожарами, может стать необратимым», с катастрофическими последствиями для жизни на Земле, включая человека в недалеком будущем. Одно только повышение уровня моря и истощение водных ресурсов в результате таяния ледников может иметь ужасающие последствия.

С. Д. П.: Практически все научные исследования указывают на повышение температуры с 1975 года, и недавняя история из *New York Times* подтверждает, что многолетние предупреждения ученых о глобальном потеплении не выглядят теоретическими, когда лед тает и уровень моря повышается. Тем не менее все еще есть люди, которые ставят под сомнение не только общепринятую научную точку зрения, что нынешнее изменение климата в основном вызвано деятельностью человека, но и достоверность измерений температуры поверхности. Как вы полагаете, это мотивировано политически или же вызвано невежеством, а возможно, даже страхом перемен?

Н. Х.: Удивительный факт нашей эпохи заключается в том, что в самой могущественной стране за всю мировую историю, с высоким уровнем образования и с большими преимуществами, одна из двух политиче-

ских партий практически опровергает точно установленные факты об антропогенном изменении климата. На первых дебатах в рамках кампании 2016 года все кандидаты от Республиканской партии отрицали изменение климата, за исключением Джона Касича, «здоровомыслящего и умеренного», который сказал, что это, возможно, происходит, но мы не должны ничего делать с этим. Долгое время СМИ преуменьшали проблему. В головокружительных отчетах об добыче ископаемого топлива в США, об энергетической независимости и так далее почти никогда не говорится о том, что эти победы ускоряют наше движение к катастрофе. Существуют и другие факторы, но при таких обстоятельствах вряд ли стоит удивляться, что значительная часть населения либо присоединяется к тем, кто отрицает [реальность глобального потепления], либо рассматривает данную проблему как не слишком значительную.

С. Д. П.: Исходя из глобальных опросов, американцы в отношении изменений климата настроены более скептически, чем люди во всем мире. Почему? И что это нам говорит об американской политической культуре?

Н. Х.: США в необычайно высокой мере являются бизнесцентрированным обществом, где сиюминутная забота о прибыли и доле на рынке заменяет рациональное планирование. Также в США необычно вы-

сокий уровень религиозного фундаментализма. Его влияние на понимание мира является исключительным. В ходе национальных опросов почти половина респондентов сообщили, что они считают, что Бог создал людей в их нынешнем виде 10 000 лет назад (или меньше) и что у человека и обезьяны нет общих предков. Есть схожие представления и о втором пришествии. Сенатор Джеймс Инхоф, глава Комитета по окружающей среде, говорит за многих, уверяя нас, что «Бог существует и есть причина того, что происходит», поэтому простым людям в это вмешиваться кощунственно.

С. Д. П.: Последние данные по глобальным выбросам газов свидетельствуют, что мы, возможно, прошли период постоянного увеличения выбросов. Есть ли здесь повод для оптимизма за будущее окружающей среды?

Н. Х.: Всегда есть место для «оптимизма воли» (Грамши). Есть еще много возможностей, но их число уменьшается. Возможности варьируются от простых, которые легко реализовать, например герметизация домов (что также может создать много рабочих мест) и совершенно новые виды энергии, возможно, синтез, возможно, новые способы использования солнечной энергии за пределами земной атмосферы, которые всерьез предлагаются, до методов декарбонизации, которые могли бы, возможно, даже обратить вспять не-

которые из большого числа вредных процессов, уже запущенных на планете. И еще много чего.

С. Д. П.: Учитывая, что изменения в поведении человека происходят медленно и что пройдет много десятилетий, прежде чем мировая экономика совершит переход на новые, чистые виды энергии, должны ли мы рассматривать технологические решения проблемы изменения климата?

Н. Х.: Мы должны изучить целесообразные и потенциально эффективные возможности. Нет сомнений, что в значительной мере любое серьезное решение требует технического прогресса, но это может быть только частью решения. Необходимы другие большие изменения. Промышленное производство мяса вносит огромный вклад в глобальное потепление. В целом социально-экономическая система, основанная на производстве для получения прибыли и императиве роста, не может быть устойчивой.

Есть проблемы фундаментального характера: что такое достойная жизнь? Допустимы ли отношения «хозяин — служащий»? Действительно ли целью должно стать увеличение числа товаров — «демонстративное потребление» Веблена? Несомненно, существуют высшие и более полноценные устремления.

С. Д. П.: Многие прогрессивные и радикальные общества, в том числе Союз обеспокоенных ученых (СОУ), довольно скептически и даже враждебно на-

строены в отношении так называемого геоинжиниринга. Это еще одна группа тех, кто отрицает изменение климата?

Н. Х.: Это представляется мне несправедливой оценкой. СОУ и прочие могут быть правы или не правы, но они выдвигают серьезные доводы. То же относится к очень небольшой группе серьезных ученых, которые подвергают сомнению общее мнение подавляющего большинства. Массовые движения, отрицающие изменение климата, вроде руководства Республиканской партии и тех, чьи интересы оно представляют, — это совсем другое. Мнение серьезных критиков геоинженерии, таких как Клайв Гамильтон, я думаю, нельзя игнорировать, наряду со многими положительными оценками. Это не является предметом субъективных суждений, основанных на догадках и интуиции. Скорее, эти вопросы должны быть рассмотрены серьезно, опираясь на доступные научные знания, без отказа от разумного принципа осторожности.

С. Д. П.: Какие же непосредственные реалистичные и осуществимые меры могут или должны быть приняты для решения проблемы изменения климата?

Н. Х.: Возможно большее прекращение использования ископаемого топлива, значительное увеличение использования возобновляемых источников энергии, исследования новых вариантов устойчивого развития энергетики, значимые шаги в развитии, а не в сниже-

нии, имеющей далекие последствия критики капиталистической модели человека и эксплуатации: независимо от того, игнорируем ли мы внешние факторы, последняя грозит возможным вымиранием вида.

С. Д. П.: Есть ли возможность предсказать, как будет выглядеть мир через 50 лет, если люди не смогут справиться с глобальным потеплением и изменением климата?

Н. Х.: Если нынешние тенденции сохранятся, то результат будет плачевным. Большая часть мира станет едва пригодной для проживания, что коснется сотен миллионов людей, наряду с другими бедствиями, которые мы едва ли можем предвидеть.

Наследие администрации Обамы: интервью с Ноамом Хомским

*(Первоначально опубликовано в Truthout
2 июня 2016 года)*

С. Д. Полихрониу: Барак Обама был избран президентом США в 2008 году на волне оптимизма. В то время в стране разразился финансовый кризис, причиной которого, по словам самого Обамы, стало «безрассудное поведение многих финансовых институтов во всем мире» и «людей с Уолл-стрит». Приход Обамы к власти хорошо документирован, включая финансирование его политической карьеры в Иллинойсе известным чикагским застройщиком и торговцем властью Тони Резко, но итоги его президентства еще не описаны. Во-первых, как вы думаете, Обаме удалось спасти экономику США от краха и, во-вторых, запустил ли он реформы, необходимые, чтобы пресечь «безрассудное финансовое поведение»?

Ноам Хомский: По первому вопросу: эта проблема обсуждается. Некоторые экономисты утверждают, что

в спасении банков не было необходимости для избежания серьезной депрессии и что, возможно, система восстановится, когда некоторые крупные банки потерпят крах. Дин Бейкер один из таких ученых. Чтобы стать на твердую почву, я всегда проверяю свои собственные суждения.

По второму вопросу. Додд и Фрэнк сделали несколько шагов вперед, повышая прозрачность системы, увеличивая резервные требования и т. д., но вмешательство Конгресса устранило некоторые правила, например по сделкам с производными финансовыми инструментами, против чего Фрэнк решительно возражал. Некоторые комментаторы, например Мэтт Тайбби, утверждали, что Уолл-стрит и Конгресс коварным образом подорвали многие реформы еще на начальном этапе.

С. Д. П.: Как вы думаете, каковы были реальные причины финансового кризиса 2008 года?

Н. Х.: Непосредственной причиной кризиса стал пузырь на рынке жилья, возникший главным образом вследствие очень рискованных субстандартных ипотечных кредитов, а также экзотических финансовых инструментов распределения рисков, достигших такой сложности, что мало кто понимает, кто кому что должен. Более фундаментальные причины связаны с базовой рыночной неэффективностью. Если вы и я совершаем некоторую сделку (скажем, вы продаете

мне машину), то мы можем сделать выгодное приобретение для себя, не учитывая при этом его влияние на других (загрязнение окружающей среды, заторы, увеличение цен на газ и т. д.). Эти, скажем так, «проявления» могут быть очень большими. В случае финансовых учреждений результатом становится недооценка риска, игнорирующая «системный риск». Таким образом, если Goldman Sachs ссужает деньги, он, если менеджмент работает грамотно, учитывает потенциальные риски невозврата заемщиком средств, но не учитывает риск для финансовой системы в целом. Результатом является то, что риск очень недооценен. Существует слишком много рисков для здоровой экономики. В принципе, они могут регулироваться, но финансиализация экономики сопровождается магией дерегулирования, основанной на теологических понятиях «эффективных рынков» и «рационального выбора». Что интересно, некоторые из тех, кто несет главную ответственность за эти деструктивные действия, были избраны ведущими консультантами Обамы по вопросам экономической политики (Роберт Рубин, Лоуренс Саммерс, Тим Гайтнер и другие) во время его первого срока в Белом доме. Алан Гринспен, несколько лет назад большой герой, в конце концов спокойно признал, что он не понимал, как функционируют рынки, и это весьма примечательно.

Есть также другие механизмы занижения рисков. Государственные правила корпоративного управления порождают порочную мотивацию: руководители компаний получают высокое вознаграждение за учет краткосрочных рисков, но могут оставить развалины кому-нибудь другому, уплывая на своих «золотых парашютах», когда наступает момент краха. И так далее.

С. Д. П.: Не доказывает ли еще раз финансовый кризис 2008 года, что капитализм — это паразитическая система?

Н. Х.: Нужно иметь в виду, что «реально существующий капитализм» далек от капитализма, по крайней мере в богатых и могущественных странах. Таким образом, в США развитая экономика опирается прежде всего на динамику государственного сектора, чтобы обобществить затраты и риски в процессе приватизации возможной прибыли — «возможной» иногда в течение очень долгого времени: в случае с ядром современной высокотехнологичной экономики, компьютерной техникой и Интернетом это продолжалось на протяжении десятилетий. Есть еще большая мифологизация, которая должна быть устранена при серьезной постановке вопросов.

Существующие государственно-капиталистические экономики фактически «паразитируют» на людях как уже указанными способами, так и другими, та-

кими как финансовые вливания (которые также очень распространены в промышленной системе), протекционистские условия «торговли», гарантирующие монопольное право ценообразования корпорациям, субсидируемым государством, и многими другими механизмами.

С. Д. П.: Во время первого президентского срока Обамы вы признавали, что на Капитолийском холме он столкнулся с исключительно враждебно настроенной публикой, которая, конечно, оставалась враждебной в течение двух его сроков. Как бы то ни было, был ли Обама в чем-то настоящим реформатором или он скорее общественный манипулятор, который использовал популярную политическую риторику на волне прогрессивных настроений в стране в эпоху великого неравенства и массового беспокойства по поводу будущего США?

Н. Х.: Обама имел поддержку в Конгрессе в течение первых двух лет — время, когда было воплощено в жизнь большинство президентских инициатив. Я никогда не видел никаких признаков того, что он намеревался сделать существенные прогрессивные шаги. Я писал о нем до праймериз 2008, опираясь на данные интернет-страницы, где он представлял себя как кандидат. Я был весьма впечатлен, мягко говоря. Вообще-то, я был в шоке по причинам, о которые уже сказал.

Считается, что Обама и его сторонники рассматривают в качестве своего особенного достижения закон «О доступном медицинском обслуживании». Во-первых, общественная инициатива (эффективное национальное здравоохранение) была отвергнута. Она имела поддержку почти двух третей населения и была отброшена без какого-либо рассмотрения. Странное законодательство, запрещающее правительству вести переговоры о ценах на лекарства, против которого выступили около 85 % населения, сохранилось после небольшой дискуссии. Упомянутый закон призван уладить существующий международный скандал, но ненамного и с принципиальными недостатками.

Рассмотрим ядерное оружие. Обама сделал некоторые хорошие вещи, достаточно хорошие, чтобы получить Нобелевскую премию мира. Был достигнут некоторый прогресс, но он был небольшим, и события развиваются в неправильном направлении.

В общем: очень гладкая риторика, некоторые позитивные шаги, некоторые регрессивные меры — в целом не очень впечатляет. На мой взгляд, это справедливая оценка, даже если учесть довольно необычную позицию Республиканской партии, которая сразу после выборов Обамы проявила себя, по сути, как партия одной проблемы: запретить президенту делать что-либо, независимо от того, что происходит в стране и мире. Трудно найти аналоги в других промышленных

демократических странах. Неудивительно, что наиболее уважаемые консервативные политологи, такие как Томас Манн или Норман Орнстейн из консервативного американского Института предпринимательства, рассматривают эту партию как «радикальный переворот», уничтоживший нормальную парламентскую политику.

С. Д. П.: В области внешней политики Обама декларировал стремление США к новой эпохе, далекой от милитаризма предшествующей, к эпохе уважения международного права и активной дипломатии. Как вы оцениваете американскую внешнюю и военную стратегию администрации Обамы?

Н. Х.: Он больше не хотел привлекать войска на земле, в отличие от некоторых его предшественников и советников, и вместо этого резко интенсифицировал специальные операции и устроил кампанию глобального уничтожения — моральная катастрофа, к тому же, возможно, незаконная [по последнему вопросу см.: Mary Ellen O'Connell, *American Journal of International Law* volume 109, 2015, 889f]. На других фронтах получилась запутанная история. Обама продолжил создавать свободные от ядерного оружия (технически без оружия массового уничтожения) зоны на Ближнем Востоке, очевидно исходя из необходимости защитить от пристального внимания ядерное оружие Израиля. Поступая так, он ставит под угрозу договор о нерас-

пространении ядерного оружия, наиболее важный договор в сфере разоружения, которое зависит от создания такой зоны. По его вине произошла опасная эскалация напряженности у российских границ — продолжение более ранней политики. Его программа по модернизации системы ядерного оружия (на триллион долларов) противоположна тому, что должно быть сделано. Инвестиционно-правовые соглашения (так называемые Соглашения о свободной торговле), скорее всего, будут вообще вредны для населения, [но] выгодны для корпоративного сектора. Он благоразумно отреагировал на сильное давление континента и предпринял шаги к нормализации отношений с Кубой. Это и другие действия вместе составляют запутанную историю, в которой было все, от криминала до умеренного прогресса.

С. Д. П.: Глядя на состояние американской экономики, можно смело утверждать не только то, что последствия финансового кризиса 2007—2008 годов видны повсюду, но и что взамен его мы получили набор мер, которые продолжают подавлять уровень жизни работающего населения и порождают значительную экономическую нестабильность. Это последствия неолиберализма и особенностей природы американской экономики или же здесь играют роль глобальные и системные факторы, такие как свободное движение капитала, автоматизация и, наконец, индустриализация?

Н. Х.: Неолиберальная атака на население остается неизменной, хотя в меньшей степени в США, чем в Европе. Автоматизация — не главный фактор, а индустриализация не заканчивается, а просто переходит в офшоры. В неолиберальную эпоху произошел взрыв «финансиализации», и общие меры, по большей части глобального характера, предназначены для усиления личной и корпоративной власти. Так создается порочный круг, в котором концентрация богатства приводит к концентрации политической власти, которая, в свою очередь, создает законы и административные практики,двигающие этот процесс вперед. Существуют противодействующие силы, и они могут стать более мощными. Судя по кампании Сандерса и даже по кампании Трампа, потенциал есть, если белый рабочий класс, к которому апеллирует Трамп, сможет стать организованным, чтобы сосредоточиться на своих реальных интересах, а не находиться в плену у своего классового врага.

В той степени, в какой предложения Трампа являются последовательными, их можно отнести к той же общей категории, что и предложения Пола Райана, который оказал нам услугу, прописав их: увеличить расходы на военные нужды (уже более половины дискреционных расходов или почти столько же, сколько тратят на оборону все остальные страны мира, вместе взятые) и сократить налоги, главным образом для бо-

гатых, без новых источников доходов. Короче, не так много остается для какой-либо правительственной программы, которая может быть полезной для населения и мира. Трамп делает столько произвольных и зачастую противоречивых заявлений, что нелегко определить его программу, однако он постоянно держится в пределах этого диапазона, что, кстати, означает, что его заявления о поддержке социального обеспечения и медицинского обеспечения ничего не стоят.

Поскольку белый рабочий класс не может быть мобилизован в поддержку классового врага, в чем заключена суть ее реальной программы, «радикальный переворот» под названием «Республиканская партия» обращает внимание своих избирателей на так называемые «социально-культурные проблемы»: религию, страх, расизм, национализм. Такая апелляция способствует отходу белого рабочего класса от Демократической партии, которая предлагает ему очень мало и «все то же самое». Тем легче для либеральных профессиональных классов обвинять белый рабочий класс в расизме и в других подобных грехах, хотя более пристальный взгляд часто показывает, что все это проявления глубоко укоренившейся болезни общества, принимающей различные формы в разных областях.

С. Д. П.: Харизма Обамы и его несомненно уникальные коммуникативные навыки были важнейшими

элементами в ходе его борьбы за власть, тогда как Дональд Трамп — экстраверт, который производит впечатление сильного человека, знающего, как добиваться цели, даже если он прибегает к банальностям для создания образа, который показывал бы его как будущего лидера страны. Действительно ли роль личностей в политике очень высока, в частности в нашу эпоху?

Н. Х.: Я оцениваю харизматических лидеров, как и сильных, в зависимости от того, как они работают. В нашем случае лучшим, я думаю, являются государства типа созданного Рузвельтом, где с пониманием и ободряюще реагируют на народные движения за проведение значимых реформ. По крайней мере, иногда.

С. Д. П.: И политики, чтобы быть избранными в национальное управление, должны быть довольно хорошими актерами, не так ли?

Н. Х.: Избирательные кампании, особенно в США, построены на рекламной индустрии. Политическая кампания Барака Обамы в 2008 году была признана профессионалами индустрии лучшей маркетинговой кампанией года.

С. Д. П.: В последнем обращении Обамы к Конгрессу звучала риторика того, кто баллотируется в президенты, а не того, кто находился у власти в течение более чем семи лет. Каково представление Обамы

о будущем страны и задачах в перспективе 8—10 лет, как вы думаете?

Н. Х.: Он говорил так, как будто не был избран восемь лет назад. У Обамы было много возможностей изменить курс страны. Даже его «фирменное» достижение — реформирование системы здравоохранения — является облегченной версией, как я указал ранее. Несмотря на серьезные нападки официальной пропаганды, осуждающей вмешательство правительства в сферу здравоохранения, и крайне ограниченную возможность сформулировать ответ, большинство населения (и подавляющее большинство демократов) все еще за реформу национального здравоохранения, к которой Обама не приступал, даже когда у него была поддержка в Конгрессе.

С. Д. П.: Вы говорили, что ядерное оружие и изменение климата представляют собой серьезную угрозу для человечества. На ваш взгляд, является ли это прямым следствием капиталистической системы, как считает Наоми Кляйн, или это связано с человечеством и прогрессом в целом, как думает британский философ Джон Грей?

Н. Х.: Геологи делят историю планеты на эры. Плейстоцен длился миллионы лет, далее идут голоцен, который начался во времена сельскохозяйственной революции 10 000 лет назад, и недавно начавшийся антропоцен, соответствующий эпохе индустриализации. То, что мы

называем «капитализмом», на практике представляет собой различные разновидности государственного капитализма и, как правило, отчасти соответствует рыночным принципам, которые игнорируют нерыночные факторы в сделках: так называемые внешние факторы, стоимость сделки, совершаемой условными Биллом и Гарри. Это всегда серьезная проблема, подобно системному риску в финансовой системе, ведь в этом случае налогоплательщик должен компенсировать «провалы рынка». Другой внешний эффект — это разрушение окружающей среды, но в этом случае налогоплательщик не может участвовать в восстановлении системы. Это вопрос не «человечества и прогресса», а скорее особой формы социально-экономического развития, в качестве которой не обязательно выступает капитализм. Авторитарная российская государственная система (не социалистическая) была еще хуже. Важные шаги, которые можно предпринять в рамках существующих систем (налог на углекислый газ, альтернативная энергия, энергосбережение и т. п.), должны осуществляться в как можно большем объеме, наряду с усилиями по возрождению общества и культуры, служащими потребностям человека, а не власти и прибыли.

С. Д. П.: Что вы думаете о мерах геоинженерии по очистке окружающей среды, таких как использование углероднегативных технологий с целью захватить углекислый газ из окружающего воздуха?

Н. Х.: Такие меры нужно оценивать с большой осторожностью, обращая внимание на проблемы, начиная от сугубо технических и вплоть до крупномасштабных социальных и экологических последствий, которые могут быть весьма сложными и еще недостаточно изучены. Всасывание углерода из воздуха происходит все время (лес) и, вероятно, может и дальше давать хороший эффект, но у меня нет специальных знаний, чтобы сформулировать конкретный ответ. Другие, более экзотические предложения должны быть рассмотрены по существу и с надлежащей осторожностью.

С. Д. П.: Некоторые крупные страны — производители нефти, такие как Саудовская Аравия, находятся в процессе диверсификации своей экономики, будучи, по всей видимости, хорошо осведомленными о том, что эпоха ископаемого топлива подходит к концу. В свете такого развития событий не следует ли американской внешней политике на Ближнем Востоке принять совершенно иной оборот, учитывая, что нефть перестала быть тем же товаром, каким была до сих пор?

Н. Х.: Лидеры Саудовской Аравии заговорили об этом слишком поздно. Эти планы нужно было серьезно рассматривать десятилетия назад. Если нынешняя динамика сохранится, Саудовская Аравия и страны Персидского залива в не слишком далекой перспективе могут стать территорией, непригодной для проживания.

ния. Печальная ирония заключается в том, что они питаются ядом, который производят и который уничтожит их, — это то, что касается всех нас, пусть даже не напрямую. Насколько серьезны их теперешние планы, не очень понятно. Есть много скептиков. В одном комментарии в Twitter говорилось, что они разделили министерство электричества и министерство водных ресурсов, опасаясь поражения электрическим током. Это, в общем, вселяет оптимистичный настрой. Было бы приятно удивиться.

Трамп в Белом доме: интервью с Ноамом Хомским

*(Первоначально опубликовано в Truthout
14 ноября 2016 года)*

С. Д. Полихрониу: Ноам, случилось немыслимое: против всех прогнозов, Дональд Трамп одержал решающую победу над Хиллари Клинтон, и человек, которого Майкл Мур назвал «убогим, невежественным, опасным клоуном и полным социопатом», будет следующим президентом Соединенных Штатов. На ваш взгляд, какие решающие факторы оказали влияние на американских избирателей, чтобы мог произойти самый значительный сбой за всю политическую историю США?

Ноам Хомский: Прежде чем ответить на этот вопрос, я думаю, важно посвятить несколько минут размышлениям о том, что еще произошло 8 ноября — дата, которая может оказаться одной из самых важных в истории человечества, в зависимости от того, как мы будем действовать.

Без преувеличения.

Самые главные новости 8 ноября остались практически незамеченными — факт, имеющий некоторое значение сам по себе.

8 ноября Всемирная метеорологическая организация (ВМО) представила на международной конференции по изменению климата в Марокко (COP22) доклад, основной целью которого было развитие Парижского соглашения COP21. ВМО сообщила, что последние пять лет были самыми жаркими в истории. В докладе также говорилось о повышении уровня моря, только ускорившемся в результате неожиданно быстрого таяния полярных льдов, самое опасное — огромных ледников Антарктики. Морского льда в Арктике за последние пять лет стало меньше на 28 % по сравнению со средним показателем предыдущих 29 лет. Происходит не только повышение уровня моря, но и снижение эффекта отражения полярными льдами солнечных лучей, тем самым ускоряются тяжелые последствия глобального потепления. Наряду с другими печальными отчетами и прогнозами, ВМО сообщила, что температура опасно близка к точке, установленной COP21.

8 ноября произошло еще одно событие, которое также может иметь необычное историческое значение в силу причин, которые в очередной раз едва ли заметили.

8 ноября в самой мощной стране за всю мировую историю, которая оказывает заметное влияние на

дальнейший ход событий, проходили выборы. По итогам тотальный контроль над управлением страной — исполнительной властью, Конгрессом, Верховным Судом — оказался в руках Республиканской партии, которая стала самой опасной организацией в мировой истории.

Кроме последней фразы, все это является бесспорным. Последняя фраза может показаться необычной и даже возмутительной. Но так ли это? Факты говорят об обратном. Эта партия посвятила себя как можно более скорейшему разрушению организованной человеческой жизни. В истории не было подобных прецедентов.

Это преувеличение? Подумайте, свидетелями чего мы только что были.

В ходе республиканских праймериз каждый кандидат отрицал то, что происходит, за исключением умеренных здравомыслящих, вроде Джеба Буша, который сказал, что все это неясно, но мы не должны делать ничего, потому что мы производим больше естественного газа путем фрекинга*. Или Джона Касича, который согласился с тем, что глобальное потепление имеет место быть, но добавил, что «мы соби-

* Метод интенсификации работы нефтяных и газовых скважин и увеличения приемистости нагнетательных скважин путем создания трещины в целевом пласте. — *Примеч. пер.*

раемся сжигать [уголь] в Огайо, но не собираемся извиняться за это».

Победивший кандидат, теперь избранный президент, выступал за быстрый рост использования ископаемого топлива, включая уголь, за упразднение регламентов, за отказ от помощи развивающимся странам, которые стремятся двигаться к устойчивой энергетике, и вообще за скорейший подъем в гору.

Трампа уже предпринял шаги к ликвидации Агентства по охране окружающей среды (EPA), назначив Майрона Эбелла, известного своим (надменным) отрицанием климатических изменений, ответственным за переходный период Агентства. Топ-советник Трампа по вопросам энергетики, нефтяной магнат Харольд Хамм заявил о своих предпочтениях, которые были предсказуемы: отменить регламенты, снизить налоги для промышленности (и для богатых, и для корпоративного сектора в целом), производить больше ископаемого топлива, снять временный запрет Обамы на доступ к трубопроводу Dakota Access. Рынок отреагировал незамедлительно. Акции энергетических корпораций, включая крупнейшую в мире угольную компанию Peabody Energy, которая подала на банкротство, рухнули, но после победы Трампа выросли на 50 %.

Эффект республиканского отрицания уже ощущается. Были надежды, что парижское соглашение

СОР21 приведет к реализуемому договору, но подобные мысли можно отбросить, поскольку республиканский Конгресс не будет брать на себя каких-либо обязательств, таким образом, очевидно ослабляя действие разработанного добровольного соглашения.

В ближайшее время последствия могут стать заметнее, чем сейчас. Только из Бангладеш, как ожидается, в ближайшие годы придут десятки миллионов беженцев, спасающихся от низменных равнин, возникших из-за повышения уровня моря, и от суровых погодных условий, создавая кризис мигрантов, с которым сегодняшний не идет ни в какое сравнение. С большим основанием ученые, занимающиеся климатом Бангладеш, заявляют, что «эти мигранты должны иметь право переехать в страны, из которых приходят все эти парниковые газы. Миллионы людей должны иметь возможность переехать в Соединенные Штаты». И в другие богатые страны, которые стали богаты с наступлением новой геологической эпохи антропоцена, отмеченной радикальным человеческим влиянием на окружающую среду. Эти катастрофические последствия могут возрасти, причем не только в Бангладеш, но и во всей Южной Азии, так как температура, уже сейчас невыносимая для бедных, неминуемо повысится и Гималайские ледники растают, угрожая всей системе водоснабжения. Как сообщается, в Индии порядка 300 миллионов человек уже сей-

час испытывают нехватку нормальной питьевой воды. И эффект выйдет далеко за эти пределы.

Трудно найти слова, чтобы описать то, что люди подходят к самому важному вопросу в своей истории: выживет ли человеческая цивилизация в какой-либо из известных нам форм? — и не давать на него ответ значит ускорять движение к катастрофе.

Аналогичные наблюдения справедливы и в отношении другой огромной проблемы, связанной с выживанием человека, — угрозы ядерного уничтожения, — которая нависла над нашими головами 70 лет назад, а сейчас возрастает.

Не менее сложно подобрать слова, чтобы выразить тот удивительный факт, что при всем значительном освещении предвыборной феерии все эти проблемы были в лучшем случае просто упомянуты. По крайней мере, я недоумеваю, какие слова здесь подходят.

Наконец, возвращаясь к вопросу, уточню, что, как выясняется, Клинтон получила немного больше голосов. Эта победа связана с любопытными особенностями американской политики: наряду с другими факторами, Коллегия выборщиков, сохранившаяся с момента основания страны как союза отдельных штатов; система «победитель получает все» в каждом штате; расположение избирательных округов (иногда путем подтасовки), обеспечивающее перевес голосов сельского населения (на прошлых выборах — и, вероятно, на

этих также — демократы одержали победу с комфортным перевесом в народном голосовании, но удержали меньшинство мест); очень высокий уровень воздержавшихся от голосования (обычно на президентских выборах, включая эти, он составляет половину). Некоторое значение для будущего имеет тот факт, что большая часть людей в возрасте 18—25 лет поддержала Клинтон, а Сандерс получил еще более высокий уровень поддержки. Насколько это важно, зависит от того, с чем столкнется человечество в будущем.

По оперативной информации, Трамп побил все рекорды поддержки, которую он получил от белых избирателей, рабочего класса и низшей части среднего класса, в особенности людей с доходом в диапазоне от 50 000 до 90 000 долларов, живущих в деревнях или в пригородах, преимущественно малообразованных. Эти группы на Западе испытывают гнев по отношению к центристскому истеблишменту, проявившийся также в неожиданных итогах голосования по Брекситу и в коллапсе центристской партии в континентальной Европе. [Многие] из этих злых и недовольных людей — жертвы неолиберальной политики прошлого поколения, описанной в свидетельских показаниях председателя ФРС Алана Гринспена — «Святого Алана», как его благоговейно называли экономисты и другие поклонники до тех пор, пока чудесная экономика, которую он курировал, не рухнула в 2007—2008 го-

дах, угрожая увлечь за собой всю мировую экономику. Как говорил Гринспен в дни своей славы, его успехи в управлении экономикой были основаны главным образом на «растущей незащищенности работника». Запуганные люди труда не будут требовать повышения зарплат, льгот и безопасности, но будут довольны стагнирующей заработной платой и сокращением льгот, которые, по либеральным стандартам, свидетельствуют о здоровой экономике.

Рабочие, которые стали объектами этих экспериментов в сфере экономической теории, не особо довольны результатом. Они, например, не рады тому, что в 2007 году, на пике неолиберального чуда, реальная заработная плата обычных рабочих была ниже, чем несколько лет назад, или что реальная заработная плата рабочих-мужчин находилась на уровне 1960-х годов, в то время как прибыль от впечатляющих успехов ушла в карманы очень немногих топ-менеджеров, непропорционально малому 1 %. Это не результат рыночных сил, достижение или заслуга, а скорее определенные политические решения, тщательно рассмотренные экономистом Дином Бейкером в его недавно опубликованной работе.

Судьба МРОТ иллюстрирует происходящее. В периоды высокого и одинакового для всех роста в 1950-х и 1960-х годах минимальная заработная плата, которая устанавливает нижний предел для всех других зар-

плат, соответствовала производительности труда. Это закончилось с появлением неолиберальной доктрины. С тех пор минимальная заработная плата стагнировала (в реальном выражении). Если бы все шло, как раньше, она, вероятно, была бы близка 20 долларам в час. Сегодня ее повышение до 15 долларов воспринимается как политическая революция.

При всех разговорах о почти полной занятости на сегодняшний день показатель рабочей силы остается ниже нормы. И для работающих людей есть большая разница между постоянной работой на производстве с единой заработной платой и льготами, как в предыдущие годы, и временной работой с невысоким уровнем защищенности в некоторых профессиях. Помимо заработной платы, льгот и защищенности, происходит потеря достоинства, надежды на будущее в том смысле, что это тот мир, к которому я принадлежу и в котором играю достойную роль.

В глубоком и ясном описании оплота Трампа в Луизиане, данном Арли Хочшильд, которая жила и работала там на протяжении многих лет, показано влияние всего этого. Она использует образ очереди, в которой стояли жители, ожидавшие стабильного движения вперед, работающие в тяжелых условиях и придерживающиеся всех традиционных ценностей. Однако их положение в очереди не менялось. Впереди себя они видели людей-выскочек, но это не было причиной

больших огорчений, потому что «американский путь» (якобы) заключается в том, что заслуги должны быть вознаграждены. Что действительно причиняло страдания, так это то, что происходило за ними. Они верили, что «недостойные люди», которые не «соблюдали правила», продвигались вперед их благодаря федеральным государственным программам, которые ошибочно рассматривали как предназначенные для поощрения афроамериканцев, иммигрантов и тех, к кому часто относятся с презрением. Все это усугублялось расистскими измышлениями [Рональда] Рейгана о «благополучии королевы» (по определению черной), которая ворует кровные деньги белых людей, и прочими фантазиями.

Иногда неспособность объяснить, сама по себе одна из форм презрения, играет роль в развитии ненависти к власти. Однажды в Бостоне я встретил художника, ставшего рьяным противником «злого» правительства после вашингтонского чиновника, который, ничего не зная о живописи, организовал встречу контрагентов, чтобы сообщить им, что они больше не могут использовать свинцовую краску, «единственный вид [краски], который работает», как они все знали, но причины остались им неизвестны. Это разрушило его малый бизнес, вынудив его писать картины дома в одиночку, используя некачественные материалы и находясь под давлением правительственных элит.

Иногда попадают и настоящие причины такого отношения к правительственной бюрократии. Хоч-шильд описывает человека, чья семья и друзья тяжело страдают от смертоносного влияния химического загрязнения окружающей среды, который презирает правительство и «либеральную элиту», потому что для него АООС США* представляется безграмотным чудачком, который говорит ему, что он не рыба, но ничего не делает с химическими заводами.

Это просто примеры из реальной жизни сторонников Трампа, которые заставили себя поверить в то, что Трамп будет что-то делать, чтобы исправить их бедственное положение, хотя даже простой взгляд на его финансовые и другие предложения свидетельствует об обратном. Показать это — задача активистов, которые надеются избежать худшего и продвинуть крайне необходимые изменения.

Экзитполы свидетельствуют о том, что страстная поддержка Трампа была вдохновлена прежде всего верой в то, что он олицетворяет собой перемены, в то время как Клинтон воспринималась в качестве канди-

* Агентство по охране окружающей среды США (United States Environmental Protection Agency; EPA) — агентство федерального правительства США, созданное с целью защиты окружающей среды и здоровья людей, для чего оно разрабатывает и следит за исполнением норм, основанных на законах, принятых Конгрессом. — *Примеч. пер.*

дата, который не способен уменьшить их страдания. «Перемены», которые принесет с собой Трамп, могут быть вредными или совсем ужасными, но ясно, что в атомизированном обществе, состоящем из отдельных людей, где не хватает разнообразных организаций (например, профсоюзов), которые могли бы обучить и организовать их, такие следствия не представляются очевидными. В этом заключается принципиальная разница между сегодняшним отчаянием и в целом воодушевленным настроением большинства работников, испытывавших намного большее экономическое давление во время Великой депрессии 1930-х годов.

Есть и другие факторы успеха Трампа. Сравнительные исследования показывают, что доктрина превосходства белой расы имела большее влияние на американскую культуру, чем даже на культуру Южной Африки, и не секрет, что белое население сокращается. Согласно прогнозам, спустя одно или два десятилетия белые будут составлять меньшую часть рабочей силы, а через некоторое время — меньшинство населения. Традиционная консервативная культура также ощущает на себе давление успехов политики идентичности, которая считается уделом элит, испытывающих презрение к «трудолюбивым, патриотичным, воцерковленным [белым] американцам с настоящими семейными ценностями», которые видят, как знакомая им страна исчезает на глазах.

Одна из трудностей в привлечении внимания общественности к очень серьезной угрозе глобального потепления заключается в том, что 40 % населения США не понимают, почему это является проблемой, ведь Христос вернется в течение нескольких десятилетий. Примерно столько же людей считают, что мир был создан несколько тысяч лет назад. Если наука противоречит Библии, то тем хуже для науки. Было бы трудно найти аналоги этому в других странах.

Демократическая партия отказалась от какой-либо реальной заботы о рабочих в 1970-х годах, и потому ее ряды пополнились заклятыми классовыми врагами, которые в крайнем случае притворяются, говоря ее языком: Рейган с его простонародной манерой пошутить во время поедания драже или Джордж Буш-младший, тщательно культивировавший образ обычного парня, которого можно встретить в баре, который любит обрезать кустарники на ранчо в 100-градусную жару, с его, вероятнее всего, искусственными ошибками произношения (маловероятно, что он говорил так в Йеле), а сейчас Трамп, за которого отдали голоса люди с законными претензиями — люди, которые потеряли не только рабочие места, но и чувство собственного достоинства и которые выступают против правительства, которое они (не без оснований) воспринимают как перечеркнувшее их жизнь.

Одним из величайших достижений доктринальной системы является перенос гнева с корпоративного сектора на власть, реализующую программы, которые предлагает корпоративный сектор, такие как в высшей степени протекционистские корпоративные/инвестиционные соглашения по правам, которые СМИ и комментаторы одинаково неверно называют «соглашениями о свободной торговле». При всех своих недостатках правительство в какой-то степени остается под влиянием и контролем народа, в отличие от корпоративного сектора. Для бизнеса очень выгодно способствовать обострению ненависти к главным правительственным чиновникам и изгонять из сознания людей крамольную мысль, что правительство может стать инструментом народной воли, правительством из, от и для людей.

С. Д. П.: Трамп представляет новое движение в американской политике или он был результатом этих выборов, в первую очередь неприятия Хиллари Клинтон избирателями, которые ненавидят Клинтонов и которым надоела «политика как обычно»?

Н. Х.: Здесь нет ничего нового. Обе политические партии в неолиберальную эпоху сместились вправо. Новые демократы сегодня в значительной степени представляют собой то, что раньше называлось «умеренными республиканцами». «Политическая революция», к которой справедливо призвал Берни Сандерс, не сильно удивила бы Дуайта Эйзенхауэра. Республи-

канцы продвинулись столь далеко в плане поддержки богатых и корпоративного сектора, что, не надеясь получить голоса за свою реальную программу, мобилизовали слои населения, которые всегда были с ними, но не в качестве организованной в коалицию политической силы — евангелистов, нативистов, расистов и жертв различных форм глобализации, созданных для того, чтобы работающие люди по всему миру конкурировали друг с другом, тогда как сохранение льгот и предотвращение отмены правовых и иных мер, обеспечивающих защиту трудящихся, а также способы влияния на принятие решений тесно связаны в государственном и частном секторах, в частности, с эффективной работой профсоюзов.

Последствия стали очевидны в ходе последних республиканских праймериз. Каждый кандидат, который вышел из базы, например [Микеле] Бахман, [Герман] Каин или [Рик] Санторум, был столь значителен, что республиканские учреждения должны были использовать свои огромные ресурсы, чтобы победить их. Отличие 2016 года заключается в том, что, как мы видели, истеблишмент, к его большому сожалению, потерпел неудачу.

Заслуженно или нет, Клинтон олицетворяла политику, которой боялись и которую ненавидели, тогда как Трамп представлялся символом «перемен» — перемен, которые требуют тщательного анализа, осно-

ывающегося на его реальных предложениях, которого в значительной степени не хватает общественности. Сама кампания была замечательна своим избеганием острых проблем, СМИ в целом едины в своей позиции, что истинная «объективность» означает корректную передачу того, что находится «внутри кольцевой дороги», не углубляясь дальше.

С. Д. П.: По итогам выборов Трамп заявил, что он «будет представлять [интересы] всех американцев». Как он собирается это сделать, когда страна так разделена и он уже успел заслужить глубокую ненависть многих групп в Соединенных Штатах, в том числе женщин и меньшинств? Видите ли вы сходство между победой Дональда Трампа и Брекситом?

Н. Х.: Есть нечто, сближающее Брексита и подъем националистических ультраправых партий Европы, лидеры которых поспешили поздравить Трампа с победой, воспринимая его как одного из своих — [Найджел] Фараж, [Марин] Ле Пен, Виктор Орбан и другие. И эти события очень пугают. Взгляд на выборы в Австрии и Германии не может не вызвать неприятные воспоминания у тех, кто знаком с историей 1930-х годов, тем более у тех, кто был непосредственным свидетелем происходившего, как я в детстве. Я все еще могу вспомнить, как слушал речи Гитлера, не понимая слов, однако тон и реакция зрителей были очень пугающими. Первая статья, которую я помню, написанная

в феврале 1939 года, после падения Барселоны, — о, казалось бы, неумолимом распространении фашистской чумы. И по странному стечению обстоятельств Барселона была тем местом, где мы с женой узнали результаты выборов 2016 года в США.

Как Трамп будет справляться с тем, что он породил — не создал, но породил, — мы не можем сказать. Возможно, его самая поразительная особенность — это его непредсказуемость. Многое будет зависеть от реакции тех, кто в ужасе от него, и впечатления, которое он производит на таких, как они.

С. Д. П.: Трамп не придерживается определенной политической идеологии, организующей его позицию по экономическим, социальным и политическим вопросам, но в его поведении есть явные авторитарные тенденции. Ввиду этого не находите ли вы в какой-то мере обоснованным утверждение, что Трамп может являться свидетельством возникновения «фашизма с дружелюбным лицом» в США?

Н. Х.: На протяжении многих лет я писал и говорил об опасности возникновения в США честного и харизматичного идеолога, того, кто может использовать страх и гнев, давно царящие в обществе, и кто мог бы увести его далеко от реальных возбудителей болезни к уязвимым целям. Это действительно может способствовать тому, что социолог Бертрам Гросс в своем глубоком исследовании назвал «дружелюбным фа-

шизмом» еще 35 лет назад. Но для этого нужен честный идеолог типа Гитлера, а не тот, чья едва обнаруживаемая идеология сводится к личным выгодам. Однако опасность, реальная на протяжении многих лет, возможно, даже увеличивается в свете тех сил, которым Трамп развязал руки.

С. Д. П.: Республиканцы не только в Белом доме, но и контролируют обе палаты и определяют будущую модель Верховного суда по меньшей мере на ближайшие четыре года.

Н. Х.: Многое зависит от его назначений и круга советников. Первые признаки не очень хороши, мягко говоря.

Верховный суд будет находиться в руках реакционеров в течение многих лет — с предсказуемыми последствиями. Если Трамп продолжит действовать в духе Пола Райана, финансовые программы дадут огромные преимущества очень богатым: по оценкам Центра налоговой политики, налоги сократятся для 0,1 % более чем на 14 %, причем для верхних уровней по шкале доходов оно в целом будет еще больше, но при этом практически не будет налоговых послаблений для остальных, которые также сталкиваются с серьезным налоговым обременением. Уважаемый корреспондент отдела экономики газеты Financial Times Мартин Вульф пишет, что «налоговые предложения принесут огромную пользу уже разбогатевшим американцам,

таким как г-н Трамп», оставляя других на произвол судьбы, в том числе, конечно, своих избирателей. Немедленная реакция мирового бизнеса показывает, что Big Pharma*, Уолл-стрит, военную промышленность, энергетическую промышленность и другие столь же замечательные институты ждет довольно светлое будущее.

Одним из позитивных моментов могут быть инфраструктурные программы, которые пообещал принять Трамп, не скрывая (наряду со множеством сообщений и комментариев), что, по сути, это программа стимулирования Обамы, которая могла бы принести большую пользу экономике и обществу в целом, но была отклонена республиканским Конгрессом под предлогом того, что она увеличит дефицит. Хотя это утверждение было ложным в то время, с учетом очень низких процентных ставок, оно, несомненно, удержится в программе Трампа, сопровождаемое теперь радикальным снижением налогов для богатых и корпоративного сектора и увеличением расходов Пентагона.

Однако здесь есть спасение, представленное Диком Чейни, когда он объяснял министру финансов Буша Полу О'Нилу, что «Рейган доказал, что дефицит не имеет значения», имея в виду дефицит, который мы, республиканцы, создаем для того, чтобы добиться на-

* Крупные фармацевтические компании (англ.). — *Примеч. пер.*

родной поддержки, предоставляя кому-то другому, желательно — демократам, как-то навести порядок. Техника может работать, как минимум.

Есть также много вопросов по внешнеполитическим последствиям, в основном остающихся без ответа.

С. Д. П.: Между Трампом и Путиным есть взаимная симпатия. Насколько вероятно, что мы можем увидеть новую эру американо-российских отношений?

Н. Х.: Существует обнадеживающая перспектива, что очень опасная напряженность у российских границ может быть снижена. Обратите внимание — у «российских границ», а не на мексиканских границах. Таким образом, поднимается тема, в которую мы не можем вдаваться здесь. Возможно также, что Европа дистанцируется от Америки Трампа, как уже предлагали [немецкий] канцлер [Ангела] Меркель и другие европейские лидеры, и от британского голоса американской власти после выхода Великобритании из ЕС. Вероятно, это может помочь европейским усилиям по разрядке напряженности и, возможно, даже усилиям, направленным на создание чего-то, подобного целостной Евразийской системе безопасности в понимании Михаила Горбачева — без военных союзов, — отвергаемой США в пользу расширения НАТО, — идея, возрожденная Путиным, всерьез или нет, мы не знаем, поскольку этот жест был отвергнут.

С. Д. П.: Внешняя политика США администрации Трампа будет более или менее воинственной по сравнению с тем, что мы видели при администрации Обамы или Джорджа Буша?

Н. Х.: Я не думаю, что могу ответить с уверенностью. Трамп слишком непредсказуем. Есть слишком много открытых вопросов. Что мы можем сказать, так это то, что массовая мобилизация и активность, правильно организованная и направляемая, может создать большие отличия.

И мы должны иметь в виду, что ставки очень высоки.

Социализм для богатых, капитализм для бедных: интервью с Ноамом Хомским

*(Первоначально опубликовано в Truthout
10 декабря 2016 года)*

С. Д. Полихрониу: Ноам, в ряде своих работ вы ставите под сомнение привычное представление о Соединенных Штатах как архетипической капиталистической экономике. Пожалуйста, объясните.

Ноам Хомский: Смотрите, каждый раз, когда начинается кризис, налогоплательщик призывается к спасению банков и крупных финансовых учреждений. Если бы у нас была реальная капиталистическая экономика, этого не происходило бы. Капиталисты, которые делали рискованные инвестиции и просчитались, были бы ликвидированы. Но богатые и сильные не хотят капиталистической системы. Они хотят управлять государством-нянькой, чтобы в случае беды налогоплательщик спас их. Традиционная фраза — «слишком большие, чтобы обанкротиться».

Несколько лет назад МВФ провел интересное исследование прибыли крупных банков США. По его оценке, большинство из тех, кто обладает большими преимуществами, получает неявный правительственный страховой полис, не только в виде рекомендуемых дотаций, но и в виде доступа к дешевым кредитам и многого другого, в том числе и того, что не учтено в исследовании МВФ, вроде стимулов к проведению рискованных финансовых операций, очень выгодных в краткосрочной перспективе, ведь если что-то пойдет не так, то налогоплательщик всегда готов прийти на помощь. Bloomberg Businessweek оценил скрытые субсидии налогоплательщиков в более чем 80 миллиардов долларов в год.

С. Д. П.: Много было сказано и написано по поводу экономического неравенства. Экономическое неравенство в современную капиталистическую эпоху очень отличается от того, что было в другие периоды американской истории после отмены рабства?

Н. Х.: Неравенство современного периода является почти беспрецедентным. Если вы посмотрите на общее неравенство, то наше время является одним из худших периодов американской истории. Однако если вы посмотрите более внимательно на неравенство, вы увидите, что оно происходит из-за богатства, которое находится в руках крошечной части населения. В американской истории были периоды, например «позоло-

ченный век»* 1920-х и мятежные 1990-е годы, когда происходило нечто подобное. Но нынешний период является необычным, поскольку неравенство происходит из-за сверхбогатства. В буквальном смысле — из-за чуть более 0,1 % сверхбогатых. Это не только крайне несправедливо само по себе, но и представляет собой положение дел, которое имеет разрушительное влияние на демократию и образ приличного общества.

С. Д. П.: Что все это значит с точки зрения американской мечты? Она мертва?

Н. Х.: Смысл «американской мечты» заключался в социальной мобильности. Ты родился в бедной семье, но смог выбраться из нищеты благодаря упорному труду и обеспечить лучшее будущее для своих детей. [Некоторым работникам] удалось найти достойную и высокооплачиваемую работу, купить дом, машину

* «Позолоченный век» («Gilded Age») — понятие, вынесенное писателем Марком Твенем в заголовок его романа (1873), где высмеивался грубый материализм первого десятилетия после Гражданской войны в США на фоне денежной инфляции и падения нравов в политике и бизнесе. В дальнейшем многие писатели и мыслители сатирически изображали присущие этому периоду беззаконие, царившее на Диком Западе, коррупцию в ходе президентских выборов и беспощадные методы обогащения баронов-разбойников» большого бизнеса. Хомский и Полихрониу используют это понятие в метафорическом смысле. — *Примеч. пер.*

и платить за образование ребенка. Все это рухнуло, и у нас не должно быть слишком много иллюзий о том, когда это было отчасти реально. Сегодня социальная мобильность в США ниже, чем в других богатых обществах.

С. Д. П.: Получается, что в США демократия только на словах?

Н. Х.: США претендуют на то, чтобы быть демократией, но они очевидно стали чем-то вроде плутократии, хотя, по сравнительным критериям, остаются до сих пор открытым и свободным обществом. Но давайте выясним, что такое демократия. При демократии общество оказывает влияние на политику, а правительство приводит в исполнение то, что определено обществом. Правительство США по большей части проводит меры, которые удовлетворяют корпоративным и финансовым интересам. Важно также понимать, что привилегированные и власть имущие слои общества по вполне понятным причинам никогда не любили демократию. Демократия передает власть в руки населения и отнимает ее у них. В действительности привилегированные и властные классы этой страны всегда стремились найти пути ограничения власти, чтобы она не могла быть передана населению, и в этом отношении ничего не изменилось.

С. Д. П.: Концентрация богатства приводит к концентрации власти. Я думаю, это неоспоримый факт.

И поскольку капитализм в конечном счете всегда приводит к концентрации богатства, не следует ли отсюда, что капитализм противоречит демократии?

Н. Х.: Концентрация богатства, естественно, приводит к концентрации власти, что, в свою очередь, направляет законодательство в пользу интересов богатых и сильных, тем самым еще больше повышая концентрацию власти и богатства. Различные политические меры, такие как фискальная политика, дерегуляция, и правила корпоративного управления предназначены для усиления концентрации богатства и власти. Это мы и наблюдаем в неолиберальную эпоху. Это замкнутый круг, постоянно прогрессирующий. Государство существует, чтобы обеспечивать безопасность и поддержку интересов привилегированных и могущественных слоев общества, в то время как остальной части населения остается переживать жестокую реальность капитализма. Социализм для богатых, капитализм для бедных.

Так что да, в этом смысле капитализм действительно работает на подрыв демократии. Однако то, что только что было обозначено — порочный круг концентрации власти и богатства, — столь не ново, что было описано еще Адамом Смитом в 1776 году. В своем знаменитом трактате «О богатстве народов»^{*} он говорит,

^{*} Полное название этого произведения Адама Смита — «Исследование о природе и причинах богатства народов». — *Примеч. пер.*

что в Англии люди, которые руководят обществом — в его дни купцы и владельцы мануфактур, — являются «главными архитекторами политики». И они уверены, что их интересы очень хорошо защищены, однако политика, которую они отстаивают и проводят через правительство по отношению к народу Англии или другим народам, имеет тяжелые последствия.

Не торговцы и владельцы мануфактур сейчас управляют обществом и диктуют политику. На их место пришли финансовые институты и транснациональные корпорации. Сегодня они являются группами, которые Адам Смит назвал *хозяевами человечества*. И они также следуют отвратительному принципу, который он сформулировал: «Все для себя и ничего для остальных». Они будут проводить политику в своих интересах и во вред всем остальным, потому что капиталистические интересы требуют от них этого. Такова природа системы. И при отсутствии общей народной реакции этим в значительной степени ограничивается все, что вы можете получить.

С. Д. П.: Давайте вернемся к идее американской мечты и поговорим о происхождении американской политической системы. Я думаю, она никогда не была предназначена быть демократической (на самом деле этот термин всегда используется для описания архитектуры американской политической системы, по сути «республиканской», которая сильно отличается от де-

мократии, что хорошо понимали древние римляне), и всегда шла борьба за свободу и демократию снизу, которая продолжается и по сей день. В этом контексте не была ли американская мечта хотя бы частично основана на мифе?

Н. Х.: Конечно. На протяжении всей американской истории мы постоянно встречаемся со столкновением между стремлением к большей свободе и демократии, идущим снизу, и усилиями элиты удержать власть и господство. Она восходит ко временам основания страны, как вы сказали. «Отцы-основатели», даже Джеймс Мэдисон, главный создатель, который был таким же демократом, как и любая другая ведущая политическая фигура тех времен, чувствовал, что в США политическая система должна быть в руках богатых, потому что они являются «более ответственной группой людей.» И таким образом, структура формальной конституционной системы передает больше полномочий в руки Сената, который в те времена не избирался. Он состоял из богатых людей, которые, как Мэдисон выразился, проявляли симпатию к обладанию богатством и частной собственностью.

Это становится понятно, когда читаешь дебаты Конституционного Конвента. Как сказал Мэдисон, одна из важнейших задач политического порядка заключается в необходимости «защитить меньшинство богатых от большинства». И у него были аргументы. Если

бы все голосовали свободно, говорил он, большинство бедных могли бы собраться вместе и организовать, чтобы отнять имущество у богатых. Что, добавил он, было бы очевидно несправедливо, поэтому конституционная система должна быть настроена на предотвращение демократии.

Напомним, что и Аристотель говорил нечто подобное в своей «Политике». Из всех политических систем он считает демократию лучшей. Но в подлинной демократии он видел ту же проблему, что и Мэдисон: она заключается в том, что бедные могут организовать с целью отнять имущество у богатых. Решение, которое он предложил, однако, было в чем-то похоже на социальное государство, ориентированное на сокращение экономического неравенства. Другая альтернатива, к которой стремились «отцы-основатели», — это ослабление демократии.

Так называемая американская мечта всегда была отчасти основана на мифе, а отчасти на реальности. С начала XIX века и вплоть до недавнего времени представители рабочего класса, включая иммигрантов, надеялись на то, что их жизнь в американском обществе станет лучше благодаря упорному труду. И это было частично верно, хотя по большей части не распространялось на афроамериканцев, а женщин коснулось намного позже. Это более не кажется случайностью. Стагнация доходов населения, снижение уровня жиз-

ни, запредельный уровень долга и трудности в получении достойно оплачиваемой работы создали ощущение безысходности у многих американцев, которые начали смотреть на прошлое с некоторой ностальгией. В значительной степени этим объясняется рост симпатии к Дональду Трампу и привлекательность среди молодежи взглядов людей вроде Берни Сандерса.

С. Д. П.: После Второй мировой войны и почти до середины 1970-х годов в США двигались в сторону более эгалитарного общества и к большей свободе, несмотря на большое сопротивление и притеснения со стороны элиты и различных государственных учреждений. Что же случилось потом? Почему началось движение назад по сравнению с экономическим развитием послевоенной эпохи, породившее новый социально-экономический порядок, который можно называть неолиберализмом?

Н. Х.: Начиная с 1970-х годов, отчасти из-за экономического кризиса, который разразился в первые годы этого десятилетия, и падения нормы прибыли, а также отчасти из-за идеи, что демократия стала слишком распространенной, огромной, концентрированной и скоординированной, было начато наступление предпринимателей с целью отразить эгалитарные усилия послевоенной эпохи, которые только усилились с течением времени. Сама экономика ступила на путь финансиализации. Финансовые институты стали необы-

чайно распространенными. К 2007 году, незадолго до кризиса, за который они несут немалую ответственность, корпоративная прибыль финансовых учреждений составила рекордные 40 %. Порочная связь между концентрацией капитала и властью усиливалась, а все богатства сосредоточивались в финансовом секторе. Политики, столкнувшиеся с ростом стоимости компаний, были спрятаны еще глубже в карманах богатых покровителей. И политики вознаградили их, приняв меры, благоприятные для Уолл-стрит и других мощных бизнес-игроков. На протяжении этого периода мы вновь встречаемся с формой классовой борьбы, развязанной бизнесом против трудового народа и бедных, наряду с сознательной попыткой отбросить завоевания предыдущих десятилетий.

С. Д. П.: Если Трамп — ныне избранный президент, можно ли считать политическую революцию Берни Сандерса завершённой?

Н. Х.: Это еще предстоит определить нам и другим. «Политическая революция» Сандерса была весьма примечательным явлением. Я, конечно, был удивлен и рад. Но мы должны помнить, что термин «революция» несколько вводит в заблуждение. Сандерс — честный и убежденный сторонник Нового курса. Его политика почти не удивила бы Эйзенхауэра. Тот факт, что он считал ее «радикальной», говорит нам о том, насколько элита в неолиберальный период успела сме-

ститься вправо. У Сандерса было несколько перспективных начинаний, таких как движение за обновление Конгресса и ряд других. Могут и должны предприниматься усилия по созданию подлинно независимой левой партии, которая бы не просто появлялась один раз в четыре года, а работала бы постоянно как с широкими массами населения, так и на электоральном уровне (все, от школьных досок до встреч в законодательных органах штатов) и задействовала бы все возможные способы. Возможностей много, и ставки очень высоки, особенно если мы обратим внимание на две огромные тени, которые нависли над всеми, — ядерная война и экологическая катастрофа, обе зловещие и требующие незамедлительных действий.

Ноам Хомский об опасностях на рынке образования

(Первоначально опубликовано в Truthout

22 октября 2016 года

(в соавторстве с Лили Сэйдж))

С. Д. Полихрониу: По крайней мере с эпохи Просвещения образование рассматривается как одна из немногих возможностей приподнять завесу невежества и создать лучший мир. Каковы реальные связи между демократией и образованием? Или эта связь основана в основном на мифе, как утверждал Нил Постман в книге *The End of Education*?

Ноам Хомский: Я не думаю, что существует простой ответ. Фактическое состояние образования в этом плане имеет как положительные, так и отрицательные моменты. Образованное общество является предпосылкой для развития демократии — здесь «образованный» означает не просто информированный, но и способный к свободному и продуктивному исследованию, в чем и заключается главная цель образования. На

практике движение к этой цели иногда возможно, иногда затруднено, но установить правильный баланс — вот в чем основная задача, задача необыкновенной важности для Соединенных Штатов, отчасти вследствие их уникальной мощи, отчасти вследствие особенностей, которые отличают их от других развитых стран.

Важно помнить, что, хотя на протяжении долгого времени США являются самой богатой страной мира, вплоть до Второй мировой войны они были чем-то вроде культурного захолустья. Если кто-то хотел изучать передовые науки или математику или стать писателем и художником, он чаще всего отправлялся в Европу. По понятным причинам ситуация изменилась после Второй мировой войны, но только для части населения. Принять вопрос, являющийся, вероятно, наиболее важным в истории человечества, а именно как бороться с изменением климата, мешает то, что в США 40 % населения не видит в этом никакой проблемы, потому что Христос придет в течение ближайших десятилетий, — симптом многих других особенностей предсовременного общества и культуры.

С. Д. П.: В современном мире часто преобладает рыночная модель образования, которая фактически разрушает общественные ценности и подрывает культуру демократии, делая акцент на конкуренции, приватизации и получении прибыли. Как вы думаете, какая

модель образования является наиболее перспективной для лучшего и спокойного мира?

Н. Х.: В первые дни существования современной образовательной системы некоторое время конкурировали две модели. Образование можно представить как сосуд, в который наливают воду, притом дырявый сосуд, как все мы знаем. Или его можно рассматривать как направление, заданное наставником, в рамках которого учащиеся действуют самостоятельно, развивая свои способности «познавать и создавать», — модель, выдвинутая Вильгельмом фон Гумбольдтом, основателем современной университетской системы.

Образовательную философию Джона Дьюи, Пауло Фрейре и других сторонников прогрессивной и критической педагогики, я думаю, можно рассматривать как дальнейшее развитие гумбольдтовской концепции, которая зачастую реализуется как сама собой разумеющаяся в исследовательских университетах, поскольку это важно для преподавания и научных исследований, особенно в области естественных наук. Знаменитый физик из Массачусетского технологического института был известен своим высказыванием, которое всегда произносил перед новичками: не важно, что мы пройдем, главное, что вы откроете*.

* В оригинале интересная игра слов: «It doesn't matter what we cover, it matters what you discover». — *Примеч. пер.*

Те же идеи были творчески развиты на уровне детского сада, и они вполне уместны в системе образования в целом, и, конечно, не только в науках. Лично я счастлив, что был в экспериментальной школе Дьюи до 12 лет — очень полезный опыт, совершенно отличный от академической школы, которую я посещал позже и которая склонялась к модели «воды в сосуде», подобно модной сейчас программе обучения для прохождения тестов. Альтернативные типы моделей, которые нужно развивать, если мы хотим иметь хотя бы какую-то надежду на образованное население в широком смысле этого слова, могут столкнуться с очень важными вопросами, которые сейчас стоят на повестке дня.

Рыночные тенденции в образовании, о которых вы упоминаете, к сожалению, абсолютно реальны и вредны. Они должны, я думаю, рассматриваться как часть общей неолиберальной атаки на общество. Бизнес-модель преследует цель «эффективности», что означает навязывание «гибкости труда» и то, что Алан Гринспен охарактеризовал как «растущую незащищенность рабочих», когда воздавал должное великой экономике, которой управлял (до кризиса). Это выражается в сложных долгосрочных обязательствах перед факультетом и в расчете на дешевый и легко используемый временный труд (ассистентов, аспирантов). Последствия губительны для рабочей силы, студентов,

фундаментальных и прикладных исследований, то есть фактически для целей, к достижению которых должно стремиться высшее образование.

Иногда такие попытки поставить систему высшего образования на службу частному сектору принимают почти комичные формы. В штате Висконсин, например, губернатор Скотт Уокер и другие реакционеры пытаются разрушить то, что осталось от когда-то великого Университета Висконсина, делая из него учреждение, которое будет отвечать потребностям бизнес-сообщества штата Висконсин в рамках урезанного бюджета и увеличения использования временного персонала («гибкость»). В один прекрасный момент правительство штата даже хотело изменить традиционную миссию университета, устранив обязательство «поиска истины» — пустая трата времени для организации, производящей людей, полезных для предприятий штата Висконсин. Это было столь возмутительно, что попало в газеты, и тогда они (представители правительства. — *Пер.*), утверждая, что это была ошибка, отказались от своего требования.

Однако это иллюстрирует то, что происходит не только в США, но и во многих других странах. Комментируя подобные события в Великобритании, Стефан Коллини делает весьма правдоподобное заключение о том, что правительство тори пытается превратить университеты первого класса в коммерческие учреж-

дения третьего класса. Так, например, факультету классической культуры и литературы Оксфорда* придется доказывать, что оно может реализовать себя на рынке. Если спрос на рынке отсутствует, то зачем людям изучать и исследовать классическую греческую литературу? Это типичная вульгаризация, которая может возникнуть в результате распространения на все общество капиталистических принципов бизнес-класса.

С. Д. П.: Что нужно сделать для того, чтобы создать систему бесплатного высшего образования в Соединенных Штатах и, как следствие, перенаправить финансирование из военно-промышленного и тюремно-промышленного комплекса на образование? Это привело бы к кризису национальной идентичности части нации, исторически экспансионистской, интервенционистской и расистской?

Н. Х.: Я не думаю, что этот вопрос заходит так далеко. США были не менее экспансионистскими, интервенционистскими и расистскими в предыдущие годы, но все же они шли в авангарде массового общественного образования. И хотя мотивы были иногда циничными — превращение независимых фермеров [в] винтики отрасли массового производства, чем они были возмущены, тем не менее в таком раз-

* Факультет включает в себя два подразделения: классических языков (греческий и латинский) и литературы и древней истории и археологии. — *Примеч. пер.*

витии событий было немало положительных аспектов. В последние годы высшее образование было практически бесплатным. После Второй мировой войны GI Bill* гарантировал обучение, а также субсидии миллионам людей, которые, вероятно, никогда не учились в колледже, что было очень полезно для них и внесло вклад в рост послевоенного периода. Даже у частных колледжей были, по современным стандартам, очень низкие сборы. Но тогда страна была намного беднее, чем сегодня. В других странах высшее образование бесплатное или близкое к этому: это и богатые страны, такие как Германия (по опросам, самая уважаемая страна в мире) и Финляндия (достижения которой стабильно высоки), и гораздо более бедные страны, такие как Мексика, которая имеет качественную систему высшего образования. Мне кажется, что бесплатное высшее образование может быть организовано без серьезных экономических или культурных проблем. То же относится к рациональной системе общественного здравоохранения, аналогичной системам других развитых стран.

* Закон, принятый в 1944 году, согласно которому лицам, служившим в вооруженных силах во время Первой мировой войны, выделялись стипендии для получения образования и предоставлялись другие льготы. В настоящее время этот закон распространяется на лиц, увольняемых из вооруженных сил после безупречной службы. — *Примеч. пер.*

С. Д. П.: В индустриальную эру многие представители рабочего класса по всему капиталистическому миру погрузились в изучение политики, истории и политической экономии в процессе неформального образования собственными усилиями, чтобы понять мир и изменить его посредством классовой борьбы. Сегодня ситуация выглядит совершенно иначе: большая часть рабочего населения охвачена пустым потребительством и политическим индифферентизмом или, что еще хуже, часто поддерживает политические партии и кандидатов, которые, по сути, являются убежденными сторонниками корпоративного и финансового капитализма и продвижения антирабочих мер. Как можно объяснить этот радикальный сдвиг в сознании рабочего класса?

Н. Х.: Изменения столь же заметны, сколь и прискорбны. Довольно часто эти достижения были основаны на деятельности в рамках профсоюзов и других рабочих организаций при участии представителей интеллигенции из левых партий — все они стали жертвами холодной войны и пропаганды, которую ведет бизнес-класс против рабочих и народных организаций, особенно усилившихся в неолиберальный период.

Вспомним первые годы промышленной революции. Культура рабочего класса в то время была жива и процветала. На эту тему есть отличная работа Джонатана Роуза под названием *The Intellectual Life of the British*

Working Class. Это монументальное исследование навыков чтения рабочего класса того времени. Он противопоставляет «страстное стремление к знаниям пролетариев-самоучек» «тотальному мещанству британской аристократии». Почти так же было в новых городах рабочего класса в США, вроде Восточного Массачусетса, где ирландский кузнец мог нанять себе молодого мальчика для того, чтобы он читал классику, пока тот работал. Фабричные девушки читали лучшую современную литературу своего времени, которую мы изучаем как классику. Они осуждали промышленную систему за то, что она лишает их свободы и культуры. Это продолжалось в течение длительного времени.

Я достаточно стар, чтобы помнить атмосферу 1930-х годов. Большая часть моей семьи состояла из рабочего класса. Многие едва окончили школу. Но они участвовали в высокой культуре того времени. Они обсуждали последние спектакли, концерты Будапештского струнного квартета, различные виды психоанализа и все мыслимые политические движения. Тогда была очень живая система образования рабочих с привлечением ведущих ученых и математиков. Много из этого было утрачено... но может быть восстановлено, поскольку не потеряно навсегда.

Об эволюции языка: биолингвистическая перспектива

*(Интервью Ноама Хомского С. Д. Полихрониу
от 24 сентября 2016)*

С. Д. Полихрониу: Ноам, в своей недавно вышедшей книге, написанной в соавторстве с Робертом С. Бервиком (*Why Only Us: Language and Evolution*, MIT Press 2016), вы решаете вопрос об эволюции языка, рассматривая язык как часть биологического мира. Это было темой вашего доклада на международной физической конференции, которая состоялась в этом месяце в Италии, и кажется, что научное сообщество имеет более глубокое и более тонкое понимание вашей теории изучения языка, чем большинство исследователей общества, которые, кажется, предъявляют серьезные претензии к биологии и к представлению о человеческой природе в целом. Действительно, разве это не случайность, что специфическая способность нашего вида к изучению языка является основной темой, интересующей современное научное сообщество со времен Галилея?

Ноам Хомский: Совершенно верно. В самом начале современной научной революции Галилей и ученые-философы из монастыря Пор-Рояль бросили серьезный вызов всем тем, кто занимается природой человеческого языка, — вызов, который лишь изредка признавался до тех пор, пока он не был воспринят всерьез в середине XX века, став главной проблемой изучения языка. Для краткости я буду называть его вызовом Галилея. Эти великие основатели современной науки были поражены тем, что язык позволяет нам (по их словам) «из 25 или 30 звуков составить бесконечное множество слов, которые, не имея сами по себе ничего общего с тем, что происходит в нашем рассудке, позволяют открыть эту тайну другим. И не проникая в наше сознание, дух других людей благодаря способности к слову может постичь все наши помыслы и все разнообразные движения нашей души»*.

Теперь мы видим, что вызов Галилея требует некоторых навыков и что он очень актуален и, я думаю, должен быть признан одним из глубочайших прозрений в богатой истории исследований языка и разума за последние 2500 лет.

Вызов не был проигнорирован полностью. Примерно в то же время у Декарта эта человеческая

* Цит. по: Арно А., Лансло Кл. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. Пер. с с фр. Н.Ю. Бокадоровой. М.: Прогресс, 1990. С. 89-90. — *Примеч. пер.*

способность к неограниченному и целесообразному использованию языка становится первичным основанием постулирования духа как нового творческого принципа. В более поздние времена иногда признавали, что язык представляет собой творческую деятельность, которая предполагает «бесконечное использование конечных средств» (в формулировке Вильгельма фон Гумбольдта) и что она дает «звуковой сигнал для мысли», говоря словами лингвиста Уильяма Дуайта Уитни, жившего сто лет назад. Также было осознание того, что эти способности являются одним из видов способностей, общих для всей людей, и характерны только для них, — самая яркая черта этого необычного существа, ставшая основой его выдающихся достижений. Но дело никогда не шло далее нескольких фраз.

С. Д. П.: Но почему взгляд на язык как видоспецифическую особенность был принят только в XX веке?

Н. Х.: Существует веская причина, почему это прозрение дождалось своего часа вплоть до середины XX века: не было достаточного интеллектуального инструментария, чтобы поставить проблему в более ясной форме и всерьез рассмотреть ее. Все изменилось благодаря работе Алана Тьюринга и других великих математиков, которые на твердой основе создали общую теорию вычислимости, в частности показав, как конечный объект — мозг может создавать бесконеч-

ное разнообразие выражений. Именно тогда стало возможным впервые хотя бы отчасти подойти к решению проблемы Галилея, хотя, к сожалению, более ранняя история [например, история исследований Галилея и Декарта по философии языка, а также «Грамматика Пор-Рояля» Антуана Арно и Клода Лансло] была в то время совершенно неизвестна.

С таким интеллектуальным инструментарием стало возможно сформулировать то, что мы можем назвать основным свойством человеческого языка, — способность языка давать средства для построения в цифровой форме бесконечного множества структурированных выражений, каждое из которых представляет собой семантическую интерпретацию, выражающую мысль, и может быть воплощено в некотором чувственном образе. Бесконечный ряд семантически интерпретируемых объектов образует то, что иногда называют «языком мышления», — систему мыслей, которые получают языковое выражение и участвуют в процессах мышления, умозаключения, планирования и других психических процессах и, получив внешнее воплощение, могут быть использованы в общении и иных видах социальных взаимодействий. Безусловно, в основном язык имеет внутреннее применение — мышление в языковой форме.

С. Д. П.: Не могли бы вы раскрыть понятие внутреннего языка?

Н. Х.: Теперь мы знаем, что, хотя речь обычно выступает в сенсомоторной форме, она также может принимать знаковую или даже сенсорную форму — открытия, которые требуют некоторой корректировки вызова Галилея. Более фундаментальное определение зависит от того, как сформулирован вызов в терминах продукции выражения. Такая формулировка вызова приводит нас к некоторым основным вопросам. Продукция, как и восприятие, относится к внутреннему языку, но не может быть отождествлена с ним. Мы должны отличать усвоенную систему знаний от действий, в которых она проявляется. Теория вычислимости позволяет установить различие, которое является важным, известное и из других областей.

Рассмотрим, например, способность человека к арифметическим действиям. Изучая ее, мы обычно отличаем внутреннюю систему знаний от действий над ней, подобно умножению чисел в уме — действию, которое включает в себя множество факторов, выходящих за рамки внутреннего знания, — ограничения памяти, например. То же верно и для языка. Продукция и восприятие связаны с внутренним языком, но также включают другие факторы, в том числе кратковременную память, — вопросы, которые начали изучаться с некоторой осторожностью, когда впервые заинтересовались проблемой Галилея, сейчас переформулированы, чтобы сосредоточиться на внутреннем языке —

системе знания, открывающей доступ к реальной продукции и восприятию.

С. Д. П.: Значит ли это, что мы раскрыли тайну внутреннего языка? Например, эта идея продолжает вызывать сомнения в некоторых кругах, хотя, по видимому, признана большинством ученых.

Н. Х.: Был достигнут значительный прогресс в понимании природы этого внутреннего языка, а его свободное творческое применение остается загадкой. Это совсем не удивительно. В недавнем обзоре современных исследований простых случаев волевых действий двое ведущих ученых, нейрофизиологи Эмилио Биззи и Роберт Ачемян, пишут, что мы начинаем узнавать что-то про кукол и веревки, но кукловод по-прежнему окутан тайной. Это еще более справедливо для таких творческих актов, как обычное [каждодневное] использование языка — уникальная человеческая способность, которая так впечатлила создателей современной науки.

Формулируя основное свойство (языка. — *Пер.*), мы предполагаем, что языковая способность является общей для всех людей. Кажется, это вполне обоснованно. Не существует никаких известных групповых различий в языковой способности, а обнаруживаемые индивидуальные вариации несущественны. В целом генетическая изменчивость среди людей весьма невелика, что не слишком удивительно, учитывая сравнительно небольшой срок существования человека.

Главная задача исследования языка заключается в том, чтобы определить сущность основного свойства — генетический дар, который лежит в основе языковой способности. В той мере, в какой будут изучены ее свойства, мы сможем говорить об особенностях внутреннего языка, каждая из которых представляет собой конкретизацию основного свойства подобно тому, как каждая конкретная зрительная система является частным проявлением человеческой способности зрения. Мы можем исследовать, как усваиваются и используются внутренние языки, как развивалась сама языковая способность, ее основание в генетике человека и способы ее функционирования в человеческом мозге. Эта общая программа исследований была названа биолингвистикой. Теория генетической языковой способности называется универсальной грамматикой, теория каждого отдельного языка называется его порождающей грамматикой.

С. Д. П.: Однако языки значительно отличаются друг от друга. Какова же связь между порождающей грамматикой и всеобщей грамматикой?

Н. Х.: Языки кажутся чрезвычайно сложными, кардинально отличающимися друг от друга. И действительно, среди профессиональных лингвистов еще 60 лет назад было распространено мнение, что языки могут изменяться произвольно и каждый из них должен изучаться без предубеждений. В свое время ана-

логичные мнения высказывались об организмах вообще. Многие биологи согласились бы с выводом молекулярного биолога Гюнтера Стента о том, что изменчивость организмов настолько свободна, что представляет собой «почти бесконечное число вариаций, которые должны быть рассмотрены в каждом конкретном случае». Там, где понимание затруднено, мы ожидаем увидеть крайнее разнообразие и сложность.

Тем не менее с тех пор наши знания существенно продвинулись вперед. В биологии в настоящее время признано, что разнообразие форм жизни очень ограничено, так что серьезно разрабатывается гипотеза «универсального генома». Мое собственное ощущение заключается в том, что лингвистика прошла схожий путь развития, и я буду держаться этого направления в современных исследованиях языка.

С точки зрения основного свойства язык представляет собой вычислительную систему, в которой, следовательно, мы ожидаем найти общие условия ее вычислительной эффективности. Вычислительная система состоит из набора атомарных элементов и правил построения более сложных элементов. В процессе выработки языка мышления эти атомные элементы создают подобие слов, но еще не сами слова; в каждом языке набор этих элементов составляет его лексику. Лексические единицы обычно рассматриваются как продукты культуры, варьирующиеся в широком диапазоне

в зависимости от опыта и экстрапсихических образований [объекты, находящиеся полностью за пределами нашего разума, такие как дерево за окном] — предположение, выраженное в названиях базовых работ, таких как влиятельный труд «Слово и объект» У. В. Куайна. Более пристальный анализ открывает совсем иную картину, которая скрывает в себе множество загадок. Давайте сейчас отложим это в сторону и перейдем к вычислительной процедуре.

Ясно, что будем искать простейшие вычислительные процедуры в соответствии с данными языка, руководствуясь основаниями, которые подразумеваются в базовых задачах научных исследований. Уже давно признано, что простота теории оказывает прямое влияние на ее эвристическую ценность. Частный вариант этих научных поисков предлагается в знаменитом изречении Галилея, которое послужило основой для наук в их современном виде: природа проста, и задача ученого — обнаружить ее в движении планет, полете орла, внутреннем устройстве клетки, развитии языка в сознании ребенка. Лингвистика имеет дополнительный мотив для поисков наиболее простой теории: она сталкивается с проблемой эволюции. Мы не слишком много знаем об эволюции современного человека, но те немногие факты, которые твердо установлены, и другие, которые были открыты недавно, скорее приводят нас к выводу, что языковая способность опти-

мальна для вычислительной системы — цель, к которой мы должны стремиться из чисто методологических оснований.

С. Д. П.: Существовал ли язык до появления *Homo sapiens*?

Н. Х.: Один факт, о котором я уже упоминал, кажется, хорошо установлен, а именно, что языковая способность является видовой особенностью, инвариантной у различных групп людей и, более того, в своих существенных чертах присущей только человеку. Из этого следует, что эта способность претерпела незначительную эволюцию или вообще никак не эволюционировала с момента отделения человеческих групп друг от друга. Недавние геномные исследования показывают, что это случилось спустя не очень большое время после появления анатомически современного человека около 200 000 лет назад, возможно около 50 000 лет спустя, когда люди общины Сан в Африке отделились от других людей. Есть некоторые свидетельства, что это могло произойти еще раньше. Нет никаких доказательств существования чего-либо подобного человеческому языку или символической деятельности в целом до появления современного человека, *Homo Sapiens Sapiens*. Это позволяет предположить, что языковая способность возникает вместе с современными людьми или вскоре после их появления — очень короткий миг для эволюционного

процесса. Отсюда следует, что основное свойство должно быть очень простым. Этот вывод соответствует тому, что было обнаружено в последние годы в исследованиях природы языка — долгожданное сближение.

Открытие раннего отделения племени Сан от других людей наводит на серьезные размышления... [У них] были, по существу, различные внешние языки. За несущественными исключениями, их языки целиком и полностью состояли из звуков, к которым соответствующим образом был приспособлен их речевой аппарат. Наиболее вероятное объяснение этих фактов, подробно разработанное в современной работе голландского лингвиста Рини Хёйбрегца, заключается в том, что появлению внутреннего языка предшествовало разделение, которое, в свою очередь, предшествовало экстернализации, которая немного поразному протекала в разных группах. Экстернализация представляется связанной с первыми признаками символического поведения, зафиксированными археологической летописью после отделения.

Сопоставив эти наблюдения, мы, кажется, достигаем того этапа понимания, на котором эволюция языка может быть конкретизирована в таких формах, которые невозможно было представить еще совсем недавно.

С. Д. П.: Когда же были обнаружены универсальные свойства языка?

Н. Х.: Универсальные свойства языковой способности начали проявляться, как только стали предпринимать серьезные усилия для построения порождающих грамматик, в том числе совершенно простых, которые никогда не были записаны и потому оказались совершенно загадочными — явление привычное в истории естественных наук. Одним из таких свойств является структурная зависимость: правила, которые формируют язык мышления, определяют только структурные свойства, независимые от свойств внешнего сигнала, даже простых свойств линейного порядка.

В качестве иллюстрации рассмотрим предложение *Birds that fly instinctively swim**. Оно неоднозначно: наречие *instinctively* может быть связано с предшествующим глаголом (*instinctively fly*)** или со следующим (*instinctively swim*)***. Предположим теперь, что мы извлекаем наречие из предложения, тогда получается: *instinctively, birds that fly swim*****. Теперь неопределенность устранена: наречие рассматривается только в связи с линейно более отдаленным, но кон-

* Дословный перевод этого предложения таков: «Птицы, которые летают (по инстинкту) плавают» (англ). — *Примеч. пер.*

** Инстинктивно летают. — *Примеч. пер.*

*** Инстинктивно плавают. — *Примеч. пер.*

**** Инстинктивно летающие птицы плавают. — *Примеч. пер.*

структивно близким глаголом *swim*, а не с линейно близким, но конструктивно более отдаленным глаголом *fly*. Единственная возможная интерпретация — птицы плавают — противоестественна, но это не важно: правила действуют жестко, вне зависимости от смысла и фактов. Что вызывает недоумение, так это то, что правила игнорируют простой расчет линейного расстояния и учитывают гораздо более сложный расчет структурного расстояния.

Свойство структуры зависимостей присуще всем конструкциям во всех языках, и это действительно озадачивает. Кроме того, оно известно без всяких доказательств, как это видно в примерах вроде того, который я только что привел, и в бесчисленном количестве других. Эксперимент показывает, что дети знают правила структуры зависимостей уже в самом раннем возрасте, который возможен для исследования, около трех лет, и не делают ошибок, естественно, не будучи при этом обученными этим правилам. Мы можем быть вполне уверены, то, что структурная зависимость вытекает из принципов универсальной грамматики, которые прочно укоренены в человеческой языковой способности. Есть доказательства из других источников, которые подтверждают вывод, что структурная зависимость — это настоящая лингвистическая универсалия, глубоко укорененная в конструкции языка. Исследование, проведенное в Милане

десять лет назад под руководством Андреа Моро, показало, что искусственные языки, построенные по принципу структурной зависимости, вызывают нормальную активацию языковых зон мозга, а гораздо более простые системы, в которых используется линейный порядок, нарушающий эти принципы продуктивной диффузной активации, подразумевают, что испытуемый рассматривает их как загадку, а не язык. Аналогичные результаты были получены в работе Нила Смита и Цимпли Янти в ходе их исследования когнитивно ограниченных, но лингвистически одаренных людей. Они также сделали интересное наблюдение, что [люди со средними когнитивными способностями] могут решить проблему, если она представлена им в виде загадки, но не в языковой форме, предположительно активируя языковую способность. Единственный правдоподобный вывод заключается в том, что структурная зависимость суть прирожденное свойство языковой способности, элемент основного свойства. Почему так должно быть? Есть только один ответ, и, к счастью, этот ответ приводит нас к общему основанию: вычислительные операции языка являются самыми простыми из всех возможных. Опять же это тот результат, к которому мы надеемся прийти из методологических оснований и которого следовало ожидать, принимая во внимание уже упомянутые данные об эволюции языка.

С. Д. П.: Что можно сказать о так называемом репрезентационизме в лингвистике? Он дает ложное представление о человеческом языке?

Н. Х.: Как я уже говорил, традиционная точка зрения заключается в том, что атомарные элементы языка являются продуктами культуры, и основные из них — те, которые используются для описания мира, — связаны с экстрапсихическими силами. В современный период это репрезентационистское учение было принято почти повсеместно. Оно, как представляется, относится к коммуникации животных: звуки обезьяны, например, связаны с конкретными физическими событиями. Но в отношении человеческого языка это учение в корне неверно, как было признано еще в классической Греции.

Чтобы проиллюстрировать это, давайте рассмотрим первый случай, который обсуждался в досократической философии, проблему Гераклита: как мы можем войти дважды в одну реку? Иначе говоря, почему два момента понимаются как два этапа одной и той же реки? Современные философы полагают, что проблема решается рассмотрением реки как четырехмерного объекта, но это просто подтверждает наличие проблемы: почему это тот же объект, а не вообще какой-то другой?

Когда мы рассматриваем этот вопрос, перед нами встает множество загадок. Предположим, что течение

реки остановилось. Это все та же река. Предположим, что то, что течет, будет на 95 % состоять из мышьяка, сброшенного вышестоящим заводом. Это все та же река. То же самое относится и к другим весьма радикальным изменениям физического объекта. С другой стороны, достаточно очень небольших изменений, и река перестает быть рекой. Если ее стороны ограничены фиксированными барьерами и она используется для нефтяных танкеров, то это канал, а не река. Если происходит незначительное изменение фазы ее поверхности и она становится твердой с проходящей посередине линией и используется для того, чтобы добраться до города, то это шоссе, а никак не река. Исследуя этот вопрос далее, мы обнаруживаем, что учитываем зависимость «реки» от ментальных актов и конструкций. То же верно, в общем, даже для самых элементарных понятий: дерево, вода, дом, человек, Лондон — или, на самом деле, любого из базовых слов человеческого языка. В отличие от животных, объекты человеческого языка и мышления равным образом радикально противоречат учению репрезентационизма.

Кроме того, сложное знание смысла даже самых простых слов, не говоря уже о других, приобретается фактически вне опыта. В пиковые периоды усвоения языка дети усваивают по слову в час, то есть часто им достаточно одной презентации предмета. Стало быть, обширная палитра значений даже самых элементар-

ных слов фактически врожденна. Эволюционное происхождение таких понятий покрыто тайной, которая не может быть разрешена при помощи доступных нам средств.

С. Д. П.: Итак, нам определенно нужно отличать речь от языка, верно?

Н. Х.: Возвращаясь к вызову Галилея, скажу, что он должен быть переформулирован, чтобы отличить язык от речи и чтобы отличить продукцию от внутреннего знания — последнее суть внутренняя вычислительная система, которая создает язык, мысли, система, которая может быть удивительно простой в соответствии с эволюционным уровнем. Вторичные процессы сопоставляют структуры языка с той или иной сенсомоторной системой экстернализации. Эти процессы, очевидно, определяют сложность и разнообразие языкового поведения и его изменчивость с течением времени.

В последнее время появляются интересные идеи о нейронной основе функционирования вычислительной системы и о ее возможном эволюционном происхождении. Однако происхождение элементов расчета, как и основной вопрос, который беспокоит тех, кто сформулировал вызов Галилея, — декартовский вопрос о том, как происходит творческое применение языка, в порядке, соответствующем ситуации, но не вызванном ею, — все эти вопросы остаются полной

загадкой. Как было сказано ранее, тайной окутаны даже простейшие формы волевого движения.

После того как возникла биолингвистическая программа, мы продвинулись вперед в изучении языка. Я думаю, справедливо будет сказать, что мы узнали о природе языка и о весьма различных типологически разных языках больше, чем за всю 2500-летнюю историю исследований в этой сфере. Но, как это часто бывает в науке, чем больше мы узнаем, тем больше сталкиваемся с тем, чего не знаем. И тем более загадочным представляется нам наш предмет.

Ноам Хомский об анархизме, коммунизме и революции

*(Первоначально опубликовано в Truthout
17 июля 2016 года)*

С. Д. Полихрониу: Ноам, с конца XIX века и до середины или даже конца XX века анархизм и коммунизм представляли собой живые и важные движения не только во всем западном мире, но и в Латинской Америке и в некоторых частях Азии и Африки. Однако политический и идеологический ландшафт, по-видимому, радикально изменился в 1980-х годах, когда сложилась точка зрения, что, хотя сопротивление капитализму всегда остается актуальным, оно во многом ограничено и лишено видения стратегии по созданию нового социально-экономического порядка. Почему анархизм и коммунизм в то время процветали и каковы ключевые факторы их трансформации из основных идеологий в маргинальные системы верований?

Ноам Хомский: Если мы посмотрим более внимательно, то, я думаю, обнаружим, что важные и живые

движения радикальной демократии, часто с элементами анархических и коммунистических идей, развиваются в периоды потрясений и нестабильности, когда, если перефразировать Грамши, старый мир потрясен, нового еще нет и открываются манящие перспективы. Таким образом, в конце XIX века в Америке, когда промышленный капитализм вынудил независимых фермеров и ремесленников стать промышленным пролетариатом, вызвав волну отчаянного сопротивления, возникло мощное и воинственное рабочее движение, основанное на принципе «те, кто работают на заводах, должны ими управлять», наряду с массовым фермерским движением, которое хотело освободить крестьян из лап банков и купцов. Драматическая эпоха деколонизации и породила разнообразные радикальные течения, и таких примеров много, в том числе в 1960-х годах. Неолиберальный период, начавшийся в 1980-х, привел к регрессу и маргинализации значительной части населения мира, но старый крот [Карла] Маркса никогда не уходит далеко от поверхности и появляется в самых неожиданных местах. Распространение управляемых работниками предприятий и кооперативов в США, конечно, не анархизм или коммунизм в буквальном смысле, они разносят семена далеко идущих радикальных преобразований, и не они одни.

С. Д. П.: Анархизм и коммунизм очень схожи, но со времен Маркса и [русского анархиста Михаила] Баку-

нина являются смертельными врагами. Различия между ними чисто стратегические и связаны с переходом от капитализма к социализму или же они отражают различные точки зрения на природу человека, а также экономические и социальные отношения?

Н. Х.: У меня такое ощущение, что дело обстоит на много сложнее. Левый антибольшевистский марксизм часто был довольно близок к анархо-синдикализму. Видный левый марксист Карл Корш довольно благосклонно относился к испанской анархической революции. Книга Даниэля Герена «Анархизм» стоит на грани левого марксизма. В середине 1917 года работы Ленина, в частности «Государство и революция», имели своего рода анархический оттенок. Там, конечно, были конфликты по поводу тактики и гораздо более фундаментальных вещей. Критика Энгельсом анархизма — известная иллюстрация этого. Маркс очень мало говорил о посткапиталистическом обществе, но основная направленность его размышлений о долгосрочных целях выглядит вполне совместимой с главными идеями и практикой анархизма.

С. Д. П.: Одна анархическая традиция, идущая от Бакунина, пропагандирует насилие как средство достижения социальных перемен, в то время как другая, идущая от [русского анархиста Петра] Кропоткина, похоже, считает насилие не только политически неэффективным в обеспечении справедливого социального

порядка, но и морально непростительным. Коммунистическая традиция также расходится в вопросе применения насилия в сложившейся революционной ситуации. Могут ли социальные революции происходить без насилия?

Н. Х.: Я не вижу, каким образом здесь может быть общий ответ. Борьба против классово-власти и привилегий обязательно означает сопротивление, иногда силовое. Возможен момент, когда насилие в защиту от силового воздействия для сохранения сил оправданно. Конечно, это крайняя мера.

С. Д. П.: В своих работах вы придерживаетесь точки зрения, что СССР не был социалистическим государством. Согласны ли вы с тем, что это было «деформированное государство рабочих» или вы полагаете, что это была форма государственного капитализма?

Н. Х.: Термины политического дискурса не являются образцами точности. С того времени, как советы и фабрично-заводские комитеты были фактически упразднены, а это произошло довольно рано, там вряд ли остался след «государства рабочих». [Фабричные комитеты были формой политической и экономической организации, которые брали на себя коллективный контроль над предприятиями.] Система наемного труда и другие признаки были капиталистическими, поэтому я полагаю, что это можно назвать своего рода

тиранией государственного капитализма в некоторых отношениях.

С. Д. П.: В некоторых коммунистических кругах проводится различие между ленинизмом и сталинизмом, тогда как более «ортодоксальные» коммунисты были убеждены, что постепенный отход от социализма в СССР начался с приходом к власти Никиты Хрущева. Вы можете прокомментировать эти два момента, сделав при этом особый акцент на предполагаемых различиях между ленинизмом и сталинизмом?

Н. Х.: Я бы сказал, что отход от социализма произошел гораздо раньше, при Ленине и Троцком, по крайней мере если под социализмом понимать как минимум контроль трудящихся над производством. Семена сталинизма присутствовали в начале большевистского периода, что отчасти объясняется Гражданской войной и иностранным вторжением, а частично — ленинской идеологией. При Сталине все это приняло чудовищные формы.

С. Д. П.: У большевиков, столкнувшихся с вызовами и угрозами (как внутренними, так и внешними) после захвата власти, не было никакого другого выбора, кроме централизации власти, создания армии и защиты Октябрьской революции любыми средствами?

Н. Х.: Более уместно, я думаю, спросить, не было ли у большевиков никакой другой возможности для

защиты своей власти. Заняв ту позицию, которую они заняли, они уничтожили достижения народной революции. Были ли альтернативы? Я думаю, да, но вопрос выводит нас на поле споров и дискуссий. Возможно, например, что вместо того, чтобы игнорировать идеи Маркса, к которым он пришел в последние годы жизни, о революционном потенциале российского крестьянства, они могли бы последовать им и предложить поддержку крестьянским организациям и активистам, а не подавлять ее (или хуже). И могли бы подпитывать, а не устранять советы и фабрично-заводские комитеты. Но все это вызывает множество вопросов и фактических, и в плане размышления о возможностях, например о создании дисциплинированной и эффективной Красной армии, выборе партизанской вместо обычной военной тактики, политических вместо военных действий, и о многом другом.

С. Д. П.: Вы можете согласиться с мнением, что исправительно-трудовых лагерей и других ужасных преступлений, которые были совершены во время правления Сталина, не было бы, если бы власть была в руках Ленина или Троцкого?

Н. Х.: Я сильно сомневаюсь, чтобы Ленин или Троцкий совершили бы подобные преступления.

С. Д. П.: И как вы относитесь к маоистской революции? Был ли Китай в какой-либо момент социалистическим государством?

Н. Х.: «Маоистская революция» была непростым делом. В раннем китайском марксизме был сильный народный элемент, описанный в блестящей работе Мориса Мейснера. Замечательное исследование Уильяма Хинтона Fanshen описывает момент глубоких революционных изменений не только в социальной практике, но и в менталитете и сознании крестьян, партийные кадры, зачастую подчиняющиеся народному контролю, в соответствии со смыслом времени. Позднейшая тоталитарная система несет ответственность за чудовищные преступления, в частности за «Большой скачок» с огромным количеством жертв, оцениваемым в десятки миллионов. Несмотря на эти преступления, как показали экономисты Амартия Сен и Жан Дрезом, от независимости до 1979 года, когда были запущены реформы Дэн Сяопина, благодаря китайским программам здравоохранения в сельской местности и развития были спасены жизни 100 миллионов человек по сравнению с Индией в те же годы. Какое отношение это имеет к социализму, зависит от того, как интерпретировать этот избитый термин.

С. Д. П.: Куба при Кастро?

Н. Х.: При оценке развития Кубы с момента обретения независимости при Кастро в январе 1959 года нельзя упускать из виду, что практически с первого момента это государство подверглось жестоким нападкам мировой сверхдержавы. В конце 1959 года самолеты,

базирующиеся в штате Флорида, бомбардировали Кубу. В марте было принято негласное решение о свержении правительства. Администрация Кеннеди готовила операцию в Заливе Свиней. Ее провал привел Вашингтон в бешенство, и Кеннеди начал войну, чтобы обрушить на Кубу «ужас, которого не знала Земля», по словам близкого соратника Кеннеди, историка Артура Шлезингера, из его полуофициальной биографии Роберта Кеннеди, которому было поручено руководство операцией в соответствии с его высокими заслугами. Это немалое дело, и оно было одним из факторов, которые привели к ракетному кризису, верно описанному Шлезингером как самый опасный момент в истории. После кризиса военный террор был возобновлен. При этом была развязана сокрушительная блокада, которая принесла Кубе огромные потери. Она продолжается по сей день, несмотря на то что против нее выступает практически весь мир.

Когда российская помощь закончилась, Клинтон ужесточил эмбарго, а несколько лет спустя [Акт] Хелмса-Бертон сделал его еще жестче. Последствия, конечно, были очень тяжелыми. Они рассматриваются в обстоятельном исследовании Салима Ламрани. Особенно острым было воздействие на систему здравоохранения, лишенную необходимых медикаментов. Несмотря на эти атаки, Куба создала замечательную систему здравоохранения и вывела медицинский меж-

дународный обмен на непревзойденный уровень, а также сыграла решающую роль в освобождении Черной Африки и сворачивании режима апартеида [в Южной Африке]. Там имели место серьезные нарушения прав человека, хотя ничего подобного тому, что было обычным делом в странах, контролируемых США, или в связанных с США системой безопасности государствах Южной Америки. И конечно, самые грубые нарушения прав человека на Кубе в последние годы происходили в Гуантанамо, который США отобрали у Кубы под дулом пистолета в начале XX века и отказываются возвращать. В общем, история сложна, и не просто дать оценку, учитывающую комплекс обстоятельств.

С. Д. П.: В целом считаете ли вы положительным исходом крах так называемого реально существующего социализма, и если да, то почему? Чем такое развитие было полезно для социализма?

Н. Х.: Когда распался Советский Союз, я написал статью, в которой назвал это событие маленькой победой социализма — не только из-за падения одного из самых антисоциалистических государств в мире, где работники имели меньше прав, чем на Западе, но и потому, что тем самым понятие «социализм» было освобождено от бремени связи с советским режимом, которое было на него наложено пропагандой Востока и Запада: на Востоке это нужно было для того, чтобы

воспользоваться аурой подлинного социализма, на Западе — для того, чтобы демонизировать это понятие.

Моя точка зрения на то, что стало известно как «реально существующий социализм», заключается в следующем: советское государство с самого момента его возникновения стремилось поставить энергию собственного населения и других угнетенных народов на службу людям, которые воспользовались народными волнениями в России в 1917 году, чтобы захватить государственную власть.

С момента своего происхождения социализм подразумевал освобождение трудящихся от эксплуатации. Теоретик марксизма Антон Паннекук заметил, что «эта цель недостижима и не может быть достигнута с помощью нового управляющего и руководящего класса, заменяющего собой буржуазию», но может быть реализована только «самими же трудящимися, которые управляют производством». Контроль рабочих над производством является сущностью социализма, и средства для достижения этой цели постоянно вырабатывались в периоды революционной борьбы, к большому сожалению традиционных правящих классов и «революционной интеллигенции», руководствующейся общими принципами ленинизма и западного менеджизма, адаптированных к изменяющимся условиям. Но важнейшим элементом социалистического

идеала остается преобразование средств производства в собственность свободно ассоциированных производителей и последующее преобразование социальных свойств людей, которые освободили самих себя от эксплуатации со стороны хозяина, совершив важный шаг в сторону расширения человеческой свободы.

У ленинской интеллигенции был другой план. Для нее подходит Марксово описание «заговорщиков», которые хотят «упредить развитие революционного процесса» и разворачивают его так, чтобы в конечном счете достичь господства. «Отсюда их глубокое презрение к большему теоретическому просвещению рабочих об их классовых интересах», которые включали свержение красной бюрократии, о которой предупреждал Бакунин, и создание механизмов демократического контроля над производством и социальной жизнью. По мысли ленинистов, массы должны быть строго дисциплинированы, в то время как социализм предполагает борьбу за социальный порядок, при котором дисциплина «станет излишней» в сообществе свободно ассоциированных производителей, «работающих по собственному желанию» (Маркс). Цели либертарианского социализма, кроме того, не ограничиваются демократическим контролем производителей над производством, но также заключаются в стремлении ликвидировать все формы господства и иерархии в любом аспекте социальной и личной жизни — бесконечная

борьба, поскольку прогресс в достижении более справедливого общества приводит к новому взгляду и пониманию форм угнетения, которые могут быть скрыты в традиционной практике и сознании.

Антагонизм ленинского учения и наиболее существенных черт социализма был очевиден с самого начала. В революционной России советы и фабрично-заводские комитеты появились в качестве инструментов борьбы и освобождения и при многих недостатках имели богатый потенциал. Ленин и Троцкий, придя к власти, сразу же занялись подавлением освободительного потенциала этих инструментов путем введения правил [Коммунистической] партии, реализации их в рамках Центрального Комитета и в высшем руководстве, точно так, как Троцкий предсказывал несколькими годами ранее, как предостерегали в свое время Роза Люксембург и другие левые марксисты и как всегда думали анархисты. Не только массы, но даже и партия должны быть предметом «неусыпного контроля сверху», чем и занялся Троцкий, когда совершил превращение из революционера-интеллектуала в государственного мужа. Добившись власти, руководство большевиков восприняло многое из риторики людей, которые были вовлечены в революционную борьбу снизу, однако их истинные намерения были совсем другими. Это было видно раньше и стало совершенно ясно, когда они получили государственную власть в октябре 1917 года.

Э. Х. Карр, симпатизирующий большевикам, пишет, что «спонтанная склонность рабочих к организации заводских комитетов и вмешательству в управление заводами с неизбежностью привела к революции, которая убедила работников в том, что производственный аппарат страны принадлежит им и может использоваться ими по своему усмотрению и в своих интересах». Как сказал один анархист, для рабочих «фабрично-заводские комитеты были клетками будущего... Они, а не государство, должны теперь управлять».

Но руководство знало лучше и сразу перешло к уничтожению фабрично-заводских комитетов и сокращению числа советов в органах власти. 3 ноября в «Проекте Декрета о рабочем контроле» Ленин объявил, что делегаты, избранные для осуществления такого контроля, должны «отвечать перед государством за поддержание строжайшего порядка и дисциплины, а также за охрану собственности». В конце года Ленин отмечал, что «мы перешли от рабочего контроля к созданию Высшего совета народного хозяйства», который должен был «заместить, поглотить и заменить собой механизм контроля трудящихся» (Карр). «Сама идея социализма воплощена в концепции контроля трудящихся», как сетовал один меньшевистский профсоюзный деятель. Большевистское руководство не реализовало эту идею, разрушив саму идею социализма.

США готовы к социализму?

*Интервью с Ноамом Хомским
(первоначально опубликовано в Truthout
18 мая 2016 года)*

С. Д. Полихрониу: Ноам, рост симпатий к Дональду Трампу и Берни Сандерсу, кажется, показывает, что в настоящее время американское общество находится в условиях серьезной идеологической санации, вызванной ухудшением уровня жизни населения, взрывным ростом неравенства в доходах и множеством других экономических и социальных проблем, стоящих перед страной в новом «позолоченном веке». На ваш взгляд, если учитывать особенности американской политической культуры, каково значение президентских выборов 2016 года?

Ноам Хомский: Выборы будут довольно значительными, независимо от результата, в том смысле, что они продемонстрируют растущее недовольство и гнев в отношении последствий неолиберальной программы прошлого поколения, которая, как, в общем, и везде, оказала сильное влияние на массы населения, в то же

время подрывая функционирование демократии и предоставляя возможности ничтожному меньшинству, в основном в финансовом секторе, играющему сомнительную, если не вредную, роль в экономике. Подобные события по аналогичным причинам происходят и в Европе. Тенденции были ясны еще некоторое время назад, но в эти выборы партийный аппарат впервые утратил контроль над ситуацией.

Что касается республиканцев, то в предыдущих праймериз им удалось устранить кандидатов, которые вышли из базы*, и выдвинуть своего человека. Но в этот раз у них это не получилось, и они в отчаянии от провала. Что касается демократов, то здесь вызов Сандерса и его успех были не менее неожиданными, чем триумф Трампа, и показывают схожие разочарования и проблемы, иначе выраженные, но имеющие некоторые общие черты. Среди сторонников Трампа есть много представителей белого рабочего класса. Можно понять их гнев и разочарование, а также почему риторика Трампа может быть близка им. Но они делают ставку не на ту лошадь. Его политические предложения, в той степени, в какой они являются последовательными, не только не касаются удовлетворения законных интересов рабочих, но и были бы весьма вредны для них. И не только для них.

* Имеется в виду электоральная база. — *Примеч. пер.*

С. Д. П.: В какой-то мере следующий по стопам движения «Захвати Уолл-стрит»* Берни Сандерс сделал экономическое неравенство и социальные права темами своей кампании. Эта тенденция, вероятно, будет иметь продолжение после выборов или наступит момент, когда она сойдет на нет?

Н. Х.: Это движение важно для нас, в особенности для тех, кто был мобилизован в ходе кампании, и для самого Сандерса. Энергия и решимость могут исчезнуть, подобно радужной коалиции**. Или они могут стать постоянной и нарастающей силой, которая не ориентирована на выборную феерию, хотя может использоваться в ней, чтобы донести истину о проблемах людей. Это критически важный выбор предстоящих месяцев.

С. Д. П.: Берни Сандерс просто придерживается Нового курса или, возможно, он социал-демократ в европейском смысле или кто-то еще левее?

* Движение гражданского протеста в Нью-Йорке, начавшееся 17 сентября 2011 года. Целью участников был захват финансового центра города — улицы Уолл-стрит с целью привлечения внимания к преступлениям финансовой элиты и призыва к структурным изменениям в экономике. — *Примеч. пер.*

** Объединение политических партий кардинально разного толка для составления, например, оппозиции в случае, если ни одна из партий не набрала решающего количества голосов для самостоятельного формирования оппозиции. — *Примеч. пер.*

Н. Х.: Мне он кажется порядочным и честным сторонником Нового курса, который не так уж отличается от европейской социал-демократии (на самом деле оба термина охватывают довольно широкий спектр).

С. Д. П.: На ваш взгляд, кейнсианство и социал-демократия по-прежнему актуальны и применимы в современной глобальной экономической среде или их просто более не существует?

Н. Х.: Я думаю, они вполне пригодны для того, чтобы восстановить некоторую степень вменяемости и порядочности в общественной и экономической жизни, но не достаточны. Мы должны стремиться за их пределы.

С. Д. П.: Левые в США должны бороться за реформы по образцу тех, которые были провозглашены Берни Сандерсом или они должны посвятить себя продвижению более радикального варианта социально-экономических преобразований?

Н. Х.: Я не думаю, что здесь можно выбирать, хотя, конечно, возможно сделать акцент на той или иной возможности. Оба варианта могут осуществляться одновременно и могут взаимно усиливать друг друга. Возьмем маститый анархистский журнал вроде Freedom, основанный [русским философом и общественным деятелем Петром] Кропоткинским. На его страницах мы часто встретим призывы к постоянной социальной борьбе с целью провести реформы, кото-

рые позволят улучшить жизнь людей и создать основу для движения вперед. При этом они руководствуются гораздо более радикальными долгосрочными целями.

Поддерживая ценные реформы и усилия, направленные на защиту и расширение прав, нет никаких причин в то же самое время не следовать совету [русского анархиста Михаила] Бакунина и не создавать зачатки будущего общества в настоящем. Например, мы можем поддерживать здоровье и стандарты безопасности в капиталистическом производстве и в то же время создание предприятий, собственниками и управляющими которых будут их рабочие. И даже поддержка реформистских мер может (и должна) разрабатываться таким образом, чтобы подчеркнуть корни проблем в рамках существующих институтов, способствуя признанию того, что защита и расширение прав — это всего лишь шаг на пути к устранению этих корней.

С. Д. П.: Исторически одним из основных вызовов, с которым столкнулось рабочее движение в США, было отсутствие национальной классовой политической организации. Вы полагаете, что эта ситуация в скором времени изменится благодаря социалистическим идеям, которые начинают укореняться среди определенных слоев американского населения, особенно среди молодежи?

Н. Х.: Политическая история США довольно нетипична для развитых государств с капиталистическими

укладом. Политические партии не были основаны на классах в той мере, как везде. В значительной части они были региональными, остатками Гражданской войны, которая еще не закончилась. Во время последних выборов, к примеру, красные (республиканские) штаты выглядели в точности как Конфедерация — названия партий, исчезнувших после того, как движение за гражданские права открыло путь для расистской «Южной стратегии» Никсона. Итак, партии были основаны скорее на ad hoc-коалициях, которые в дальнейшем утратили возможный классовый признак, став двумя сторонами в качестве, по сути, фракций правящей партии бизнеса, если говорить привычными словами.

В этом плане нет никаких признаков изменений, как и в системе «относительного большинства» и массовых расходов на кампанию. Очень трудно сломать спайку двух политических партий, которые суть не партии членства или участия, но скорее механизмы продвижения кандидата и привлечения средств с несколько различной политической ориентацией (в пределах достаточно узкого диапазона). Поразительно, например, видеть, как легко Демократическая партия почти открыто отказывается от белого рабочего класса, который дрейфует в сторону своего самого злого классового врага — лидерства и власти Республиканской партии.

В отношении социализма, пустившего свои корни среди молодежи, нужно быть осторожными. Неясно, означает ли «социализм» в данном контексте нечто отличное от Нового курса государства всеобщего капитализма, хотя на самом деле он мог бы послужить залогом здорового развития в неприглядном современном контексте.

С. Д. П.: Как мы должны определить социализм в XXI веке?

Н. Х.: Как и другие термины политического дискурса, «социализм» имеет довольно расплывчатое и широкое применение. Как его определять, зависит от наших ценностей и целей. Хорошим основанием, легко вписывающимся в американский контекст, может быть совет ведущего американского социального философа XX века, Джона Дьюи, который призывал к демократизации всех аспектов политической, экономической и социальной жизни. Он считал, что рабочие должны быть «хозяевами своей промышленной судьбы» и что «средства производства, обмен, реклама, транспорт и связь» должны быть под контролем обществу. В противном случае политика будет оставаться «тенью, которую большой бизнес отбрасывает на общество», а социальная политика будет служить интересам хозяев. Это хорошее начало. И глубоко укорененное в сознании значительной части общества и в его сложной истории.

С. Д. П.: Вплоть до сегодняшнего дня сохраняется проблема, что, когда кто-либо приходит к власти, он в самый короткий срок капитулирует перед капиталистическими силами и погружается в практику коррупции, стремясь обладать властью ради власти и материальной выгоды. Мы наблюдали это в Бразилии, Греции, Венесуэле и других странах. Как вы это объясните?

Н. Х.: Это было очень печальное положение дел. Причины различны, но результаты являются весьма разрушительными. В Бразилии, например, у Рабочей партии были огромные возможности, и, возможно, она обладала силой для изменения Бразилии и продвижения нового пути для всего континента, учитывая уникальное положение страны. Однако, несмотря на некоторые достижения, возможности были упущены, когда руководство партии присоединилось к остальной элите, погрузившись в пучину коррупции.

С. Д. П.: Когда стало ясно, что Берни Сандерс не может победить в качестве кандидата от демократов, он старался удержаться в качестве кандидата до съезда республиканцев. Какой была его цель при этом?

Н. Х.: Намерение, я полагаю, он выразил во многом из того, о чем говорил: он хотел играть важную роль в разработке платформы партии на съезде. Что мне кажется не столь важным, ведь платформы в основном имеют риторический характер. Однако весьма значи-

мым здесь может быть кое-что другое: используя воодушевление избирателей, в значительной степени подогреваемое пропагандой, организовать постоянное и растущее народное движение, независимое от избирательного цикла, которое посвятит себя достижению столь необходимых изменений путем прямого действия и других подходящих средств.

С. Д. П.: Последний вопрос: если американская мечта мертва, как говорит Дональд Трамп, почему опросы по-прежнему показывают, что большинство людей все еще верят и даже живут американской мечтой? Американская мечта — это реальность или просто миф?

Н. Х.: «Американская мечта» имела очень сложную историю. Она восходит к XIX веку, когда желающие могли бесплатно получить земельный участок и использовать другие возможности в растущей экономике — растущей благодаря уничтожению [коренных] наций, которые населяли страну, и благодаря огромному вкладу в экономику одной из самых жестоких форм рабства, которое еще существовало.

В дальнейшем «мечта» принимала иные формы — для некоторых и иногда. До того как в 1924 году были резко замедлены темпы европейской иммиграции с целью отгородиться от неугодных (в основном итальянцев и евреев), иммигранты могли надеяться на работу в богатом обществе, обладающем несравнимыми пре-

имуществами. В 1950-х и 1960-х годах, во времена великого роста государственного капитализма, трудовой народ, в том числе афроамериканцы — редкий момент за последние пятьсот лет тяжелых репрессий, — мог надеяться получить оплачиваемую работу и пособия, купить дом и машину, отправить своих детей в колледж. Эта мечта фактически рухнула с переходом экономики на рельсы финансиализации и неолиберализма в 1970-е годы, ускорившимся при Рейгане и после него. Но нет никаких оснований предполагать, что традиционная «мечта» в той форме, как она была, полностью исчезла или что нечто лучшее, гораздо более гуманное и справедливое, для нас недостижимо.

Почему я выбираю оптимизм вопреки отчаянию

*(Первоначально опубликовано в Truthout
14 февраля 2016 года)*

С. Д. Полихрониу: Ноам, в вашей последней книге исследования языка и разума объединены с вашими взглядами на общество и политику. Позвольте спросить, чувствуете ли вы, что биолингвистический подход к языку, который вы разрабатывали в течение последних 50 лет, остается открытым для дальнейших исследований, и если да, то какие вопросы, касающиеся освоения языка, пока остаются без ответа?

Ноам Хомский: Не только я разрабатывал его всеми силами. Над этим поработало довольно много людей. Одним из пионеров был покойный Эрик Леннеберг, мой близкий друг с начала 1950-х годов, когда эти идеи еще только вызревали. Его книга *Biological Foundations of Language* — это непреходящая классика.

Программа открыта для дальнейших исследований. Без ответа остались периферийные вопросы, имеющие

решающее значение для развития того, что Томас Кун называл «нормальной наукой». И вопросы, которые лежат за пределами традиционных и изученных.

Одна тема, которая открывается для серьезного исследования, — это реализация способности к языку и его использование мозгом. Это очень сложно изучить. Подобные вопросы крайне сложны даже в случае насекомых, а для человека они несравненно сложнее не только из-за значительно большей сложности мозга. Мы знаем достаточно много о зрительной системе человека, но это потому, что она такая же, как и зрительная система кошки и обезьяны, и (справедливо или нет) мы допускаем инвазивные эксперименты с этими животными. Что невозможно для человека, поскольку человеческая языковая способность столь уникальна с точки зрения биологии. Аналогов ее мы не встречаем нигде в биологическом мире — тема, интересная сама по себе.

Тем не менее новые малоинвазивные технологии начинают давать важные доказательства, которые иногда даже приводят к открытию интересных аспектов в вопросах о природе языка. Они находятся на границах познания, наряду с большой массой сложных проблем, касающихся свойств языка и принципов, объясняющих их. Выходящие далеко за пределы познания и, может быть, человеческой досягаемости, такие вопросы вдохновляли (и удивляли) традицион-

ную мысль о природе языка, в том числе таких великих людей, как Галилей, Декарт, Гумбольдт и другие: главной среди этих проблем было то, что называется «творческим аспектом использования языка», — способность каждого человека строить в уме конструкции для выражения своих мыслей и понимать неограниченное количество новых выражений, использовать их способами, соответствующими обстоятельствам, но не зависящими и даже радикально отличающимися от них.

Мы «направляемы и склонны», но не «вынуждены», используя картезианскую терминологию. Эти вопросы не ограничиваются языком. Та же проблема графически была поставлена двумя ведущими нейробиологами, Эмилио Биззи и Робертом Ачемяном, которые изучали произвольные движения. Анализируя современное состояние проблемы, они отмечают, что мы начинаем понимать что-то про кукол и веревки, но кукловод остается полной загадкой. Вследствие своей центральной роли в нашей жизни и важнейшей роли в построении, выражении и интерпретации мыслей в обычном использовании языка этот загадочный потенциал проявляется особенно драматичным и убедительным образом. Именно поэтому для Декарта язык есть основное различие между человеком и любым животным или машиной и основание дуализма духа и тела, который, вопреки распространенному мнению, для

своего времени был законной и разумной научной гипотезой, имевшей интересную судьбу.

С. Д. П.: В чем, на ваш взгляд, заключается философское значение языка?

Н. Х.: Приведенные выше замечания касаются этого вопроса. Традиционно считалось, что человеческий язык есть видоспецифическая особенность, общая для всех людей, за исключением некоторых патологических случаев, и, по существу, уникальная. Один из вкладов Леннеберга заключался в обосновании этого радикального разрыва в терминах современной биологии, а его выводы способствовали дальнейшей работе (проблема, которая горячо оспаривается, но, я думаю, ошибочно). Кроме того, работы, которые Леннеберг также инициировал, показывают, что способность человеческого языка довольно резко отличалась от других познавательных способностей. Это, кроме того, не только проводник мыслей, но и, вероятно, генеративный источник существенных частей нашего мышления.

Непосредственное изучение языка также обеспечивает глубокое понимание классической философской проблемы сущности понятий и их отношения к внепсихическим объектам — вопрос гораздо более сложный, чем часто предполагают. Более того, оно подсказывает способы исследования природы человеческих знаний и суждений. В другой области важные современные работы Джона Михаила и других оказали существен-

ную поддержку некоторым забытым идеям Джона Ролза об отношениях наших интуитивных моральных теорий к структуре языка. И так далее. В этом заключается весома причина, почему изучение языка всегда было центральной частью философского дискурса и анализа, а также новых открытий и выводов, как мне кажется, оказывает непосредственное влияние на многие традиционные проблемы.

С. Д. П.: Лингвист из хорошо известного лондонского университетского колледжа Нил Смит в своей книге *Chomsky: Ideas and Ideals* (Cambridge University Press, 1999) утверждает, что вы предложили отказаться от проблемы «сознание — тело», не показывая, что у нас есть ограниченное понимание сознания и что мы не можем определить, что такое тело. Что он мог иметь в виду?

Н. Х.: Я не был тем человеком, который предложил от нее отказаться. Задолго до меня это сделал Исаак Ньютон. Ранняя современная наука, начиная с Галилея и его современников, была основана на принципе, что мир — это машина, гораздо более сложная, чем те замечательные машины, которые могут построить хорошие мастера; в те времена они будоражили научную фантазию больше, чем сегодня компьютеры и средства обработки информации. Великие ученые того времени, в том числе Ньютон, принимали эту «механическую философию» (имеется в виду наука механики) в каче-

стве основы своих поисков. Декарт полагал, что ему принадлежит заслуга разработки теории механицизма, включающего все явления тела, хотя и признал, что некоторые явления находятся за пределами его досягаемости, в том числе самое главное — «творческий аспект использования языка», описанный выше. Поэтому, вероятно, он постулировал новый принцип в метафизике того времени, новую субстанцию, *res cogitans*, мыслящую субстанцию, разум. Его последователи разработали экспериментальные методики определения, обладают ли существа этой особенностью, и, подобно Декарту были озабочены проблемой взаимодействия двух субстанций*.

Ньютон разрушил эту картину. Он показал, что картезианское понимание тела было неправильным и, кроме того, что не может быть никакого механического физического мира: мир — это не машина. Ньютон считал этот вывод столь «абсурдным», что никто по здравом научном понимании не мог бы разделять его (хотя он был правилен). Таким образом, Ньютон разрушил концепцию тела (материальную, физическую и т. д.) в том виде, в котором она была тогда принята, и ему действительно нечем было заменить ее, кроме того, «всего, что мы более или менее понимаем». Картезианская концепция сознания остается незатронутой.

* Имеются в виду душа и тело. — *Примеч. пер.*

Принято говорить, что мы избавились от мистического «призрака в машине». Совсем наоборот: Ньютон изгнал машину, оставив дух нетронутым, что очень хорошо понимали великие философы того периода, например Джон Локк.

Еще дальше в своих спекуляциях (принятая теологическая идиома) пошел Локк, который сказал, что, подобно тому, как Бог наделил материю свойствами притяжения и отталкивания, которые непостижимы для нас (как показал «разумный господин Ньютон»), он также мог наделить ее «дополнительно» способностью мышления. Идея (известная в истории философии как «идея Локка»), широко распространенная в XVIII веке, сторонником которой, в частности, был философ и химик Джозеф Пристли, принятая Дарвином и вновь (видимо, без понимания ее более ранних истоков) возрожденная в современной нейробиологии и философии.

Многое здесь можно сказать о том, что же, в сущности, Смит имел в виду. Ньютон исключил психофизическую проблему в ее классической Декартовой форме (не понятно, что есть какие-либо другие согласованные версии), удалив тело и оставив разум нетронутым. При этом, как заключил Дэвид Юм, «в то время как Ньютон, казалось, сорвал завесу с некоторых тайн природы, он в то же время обнаружил несовершенства механической философии... оставив конечные

секреты [природы] покрытыми таким непроходимым мраком, каким они вряд ли были когда-либо опутаны».

С. Д. П.: Когда вы совершили свой прорыв в изучении языка, преобладал бихевиористский подход к языку Б. Ф. Скиннера, широко использовавшийся в области маркетинга и продвижения. Ваша критика подхода Скиннера в свое время не только опровергла доминирующую парадигму, но и заложила основу нового подхода в лингвистике. Однако кажется, что бихевиоризм до сих пор доминирует в общественной сфере, когда дело касается маркетинга и поведения потребителей. Каково ваше объяснение этого кажущегося противоречия?

Н. Х.: Бихевиористские методы (хотя и не совсем Скиннера) могут быть весьма эффективными в плане формирования и контроля мыслей и настроения и потому могут оказывать влияние на поведение, по крайней мере на поверхностном уровне маркетинга и стимулирования потребления. Необходимость контролировать мысли является ведущей идеей огромной PR-индустрии, развитие которой в самых свободных странах мира, в Англии и США, продиктовано пониманием того, что люди имеют слишком много возможностей для управления силой, а потому нужно обратиться к другим средствам — к тому, что один из основателей этой индустрии, Эдвард Бернайс, называл «инженерией согласия».

В своей книге Propaganda, одном из основополагающих трудов в данной области, Бернайс объяснил, что инженерия согласия и «регламентация» в демократическом обществе необходимы для обеспечения действий «интеллектуального меньшинства» (разумеется, на благо всех) без вмешательства надоедливой публики, которая должна быть пассивной, послушной и занятой. Увлеченное потребительство — понятный инструмент, основанный на «создании желаний» с помощью различных средств.

Как объяснял его современник и последователь, либерал и интеллектуал Уолтер Липпман, ведущий общественный деятель этого времени, «невежд и любопытных аутсайдеров» — широкую общественность — необходимо «поставить на место» как «зрителей», а не «участников», а «ответственные люди» должны быть защищены от «топота и шума растерянного стада». Это является важным принципом господствующей демократической теории. Реализация инженерии согласия в контроле мыслей, настроения и поведения — это важнейший момент на пути к достижению этих целей и (между прочим) для сохранения потока прибыли.

С. Д. П.: Многие считают, что мы, люди, имеем склонность к агрессии и насилию, которой в действительности объясняется рост карательных и репрессивных учреждений, которые сопровождали человеческую

цивилизацию по всему миру на протяжении значительной части ее истории. Каков ваш ответ этому мрачному представлению о человеческой природе?

Н. Х.: Поскольку наказания и репрессии существуют, они являются отражением человеческой природы. То же касается сочувствия, солидарности, доброты и заботы о других людях: по мнению некоторых великих деятелей, вроде Адама Смита, они являются существенными свойствами человека. Задача социальной политики состоит в выработке стандартов жизни, институциональных и культурных структур, которые бы работали на пользу доброкачественных и на подавление жестоких и разрушительных аспектов нашей фундаментальной природы.

С. Д. П.: Согласимся с тем, что люди являются социальными существами и, следовательно, их поведение определяется социальными и политическими механизмами. А существует ли такая вещь, как общее благо всех людей, выходящее за рамки базовых потребностей, таких как потребность в пище, убежище и защите от внешних угроз?

Н. Х.: Это то, что Маркс однажды назвал нашими «животными потребностями», которые, как он надеялся, будут обеспечены путем воплощения в жизнь идей коммунизма, освобождающего нас для того, чтобы могли быть продуктивными наши «человеческие потребности», которые значительно превосходят

первые по своему значению, притом что мы не должны забывать наставление Брехта: «Сначала накорми себя».

С. Д. П.: В целом как бы вы определили человеческую природу, иначе говоря, что мы за создания?

Н. Х.: Я начинаю книгу словами о том, что «я не настолько заблуждаюсь, чтобы думать, что я смогу найти удовлетворительный ответ» на этот вопрос. И далее: «Кажется разумным полагать, что в некоторых областях, по крайней мере в том, что касается нашей когнитивной природы, мы располагаем выводами, представляющими интерес и имеющими значение, в чем-то новыми, и что должно быть возможным убрать некоторые препятствия, которые мешают дальнейшему исследованию, в том числе некоторые широко распространенные учения, воздвигнутые на основаниях, которые гораздо менее устойчивы, чем принято считать». С тех пор я не стал заблуждаться меньше.

С. Д. П.: Вы определили свою политическую философию как либертарианский социализм/анархизм, но отказываетесь принять идею о том, что анархистское понимание общества естественным образом вытекает из ваших представлений о языке. Эта связь совершенно случайна?

Н. Х.: Это больше, чем совпадение, но гораздо меньше, чем дедуктивная связь. На известном уровне абстракции между ними есть нечто общее, что призна-

валось иногда, во всяком случае мельком, в эпоху Просвещения и романтизма. В обеих областях мы можем обнаружить или, по крайней мере, надеяться обнаружить в основе человеческой природы то, что [русский анархист Михаил] Бакунин назвал «инстинктом свободы», который проявляется в творческом аспекте нормального использования языка и в признании того, что ни одна из форм господства, авторитета, иерархии не является оправданной сама по себе: каждая из них должна оправдать себя, а если она не сможет, как это обычно и происходит, она должна быть упразднена в пользу большей свободы и справедливости. Вот в чем, мне кажется, заключается основная идея анархизма, которая вытекает из его классических либеральных корней и более глубокого понимания — или веры, или надежды — сущности человеческой природы. Либертарианский социализм пошел дальше, чтобы соединить идеи сочувствия, солидарности, взаимопомощи с истоками эпохи Просвещения и понятием человеческой природы.

С. Д. П.: Поскольку анархистское и марксистское видение не получило распространение в наше время, фактически можно утверждать, что исторически перспективы преодоления капитализма, кажется, были более светлыми, чем сегодня. Если вы согласны с такой оценкой, какими факторами можно объяснить разочарывающую неудачу в реализации альтерна-

тивного социального порядка, без капитализма и эксплуатации?

Н. Х.: Преобладающая система представляет собой одну из частных форм государственного капитализма. В прошлом поколении она была искажена неолиберальным учением, посягающим на человеческое достоинство и даже на «животные потребности» обычного человека. Еще более угрожающей, если не принять мер, окажется дальнейшая реализация этой доктрины, которая в недалеком будущем уничтожит возможность достойного человеческого существования. Но нет никаких оснований полагать, что эти опасные тенденции высечены в камне. Они являются продуктом конкретных обстоятельств и конкретных решений людей, которые были подробно рассмотрены в другом месте и которые я не могу здесь обсуждать. Они могут быть изменены, и есть достаточно доказательств противодействия им, которое может нарастать и, по существу, должно перерасти в мощную силу, если вообще может быть надежда для нашего вида и мира.

С. Д. П.: Тогда как экономическое неравенство, отсутствие роста и новых рабочих мест и снижение уровня жизни стали основными чертами современных развитых обществ, проблемы изменения климата, кажется, представляют реальную угрозу для планеты в целом. Вы с оптимизмом смотрите на по-

иски верной формулы решения экономических проблем и предотвращения экологической катастрофы?

Н. Х.: Есть две мрачные тени, которые покрывают собой все, о чем мы говорим, — экологическая катастрофа и ядерная война, причем последняя угроза сильно недооценена, на мой взгляд. В случае с ядерным оружием мы по крайней мере знаем ответ: необходимо избавиться от него, как от оспы, соответствующим способом, что технически возможно, так, чтобы это проклятие не возникло снова. В случае экологической катастрофы у нас еще, кажется, есть время, чтобы предотвратить самые худшие последствия, но это потребует принятия мер, явно выходящих за пределы тех, которые предпринимаются сейчас. К тому же есть серьезные препятствия, не в последнюю очередь — в самом мощном государстве в мире, обладающем властью и стремящемся к гегемонии.

В обширных отчетах недавней Парижской климатической конференции самые главные фразы указывают, что переговорщики надеялись снять с повестки дня обязательный документ, поскольку он будет «мертв по прибытии»*, когда он достигнет контролируемого ре-

* Термин, применяемый полицией США для пострадавших при различных инцидентах и умерших до *прибытия медиков*. В переносном смысле так иногда называют новый товар, полученный уже сломанным. — Примеч. пер.

спубликанцами Конгресса США. Это шокирует, но каждый республиканский кандидат в президенты или прямо отрицает изменение климата, или выступает против действий правительства. Конгресс почтил Парижскую конференцию тем, что ограничил и без того небольшие возможности президента Обамы по предотвращению катастрофы.

Республиканское большинство (меньшинство голосов избирателей) с гордостью заявило о сокращении финансирования Агентства по охране окружающей среды — одного из немногих сдерживающих факторов на пути уничтожения окружающей среды, чтобы сдерживать то, что председатель Комитета по ассигнованиям Хэл Роджерс назвал «ненужными, ведущими к сокращению рабочих мест правилами» — или попросту одним из немногих тормозов на пути к катастрофе.

С. Д. П.: Принимая во внимание, какими существами мы являемся, в целом вы склонны с оптимизмом смотреть на будущее человечества?

Н. Х.: У нас есть два варианта. Мы можем быть пессимистами, сдать и быть уверенными, что самое худшее произойдет. Или мы можем быть оптимистами, не упускать возможности, которые, несомненно, существуют и могут помочь сделать мир лучше. Выбор не большой.

*Научно-популярное издание
Авторская серия Ноама Хомского*

Хомский Ноам
Оптимизм вопреки отчаянию

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*
Ведущий редактор *Д. Рындин*
Технический редактор *Е. Крылова*
В оформлении обложки использована фотография Ноама
Хомского, Канада, 2004 (фотограф Дункан Гоулинсон)
Художественное оформление: *Е. Саламашенко*
Компьютерная верстка: *А. Дятлов*
Корректор *М. Крыжановская*

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. N 436-ФЗ

Подписано в печать 19.02.2018 г.
Формат 60×90/16. Гарнитура «Literatima».
Усл. печ. л. 18,0. Заказ № 2201.

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14